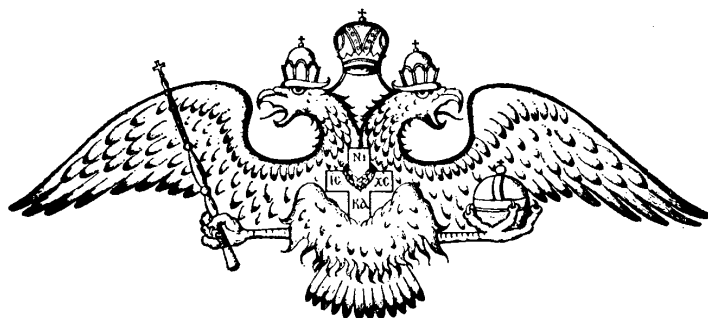

ЦРКОВЬ ИСТИННО ПРАВОСЛАВНЫХ ХРТИАНЪ

СВЯТАЯ РУСЬ

Библиотека классических и богословских текстов

Τοῦ ἐν ἁγίοις πατρὸς ἡμῶν
Ἰωάννου τοῦ Δαμασκηνοῦ
Κατὰ Μανιχαίων

Иже во святых отца нашего
Иоанна Дамаскина
Против Манихеев

(перевод взят из книги *Творения Преподобного Иоанна Дамаскина*, изд-ва
"Мартис", 1997г.)

Афины 2005

Κατὰ Μανιχαίων

1. Ὁρθόδοξος· Ἐπειδὴ συνελήλυθαμεν ἀλλήλοις λογικὴν συζήτησιν ποιήσασθαι, ἐρωτῶ σε· Τί τὸ ζητούμενον; Ὁ Μανιχαῖος· Τὸν περὶ πίστεως γυμνάσαι λόγον, ὅπως ἂν εὕρωμεν τὴν ἀλήθειαν. Ὁρθόδοξος· Τί γὰρ ἐστὶν ἡ ἀλήθεια; Μανιχαῖος· Ἡ τοῦ ὄντος διάγνωσις καὶ ὁμολογία. Ὁρθόδοξος· Τὸ ψεῦδος τῆ ἀληθείᾳ ἐναντίον; Μανιχαῖος· Παντὶ τρόπῳ. Ὁρθόδοξος· Πῶς τοῦτο φῆς; Μανιχαῖος· Ἐπειδὴ ἡ μὲν ἀλήθεια τῶν ὄντων ἐστὶ γνῶσις, τὸ δὲ ψεῦδος τοῦ μὴ ὄντος. Ὁρθόδοξος· Οὐ καλῶς ἀπεκρίθης· ἡ μὲν ἀλήθεια τῶν ὄντων ἐστὶ γνῶσις, τὸ δὲ ψεῦδος μὴ ὄντος γνῶσις· τὸ γὰρ μὴ ὄν οὐ γινώσκεται. Μανιχαῖος· Τί οὖν ἐστὶ τὸ ψεῦδος; Ὁρθόδοξος· Τῶν ὄντων ἀγνωσία. Μανιχαῖος· Ὁρθῶς εἶρηκας. Ὁρθόδοξος· Εἰ οὖν ἡ μὲν ἀλήθεια τῶν ὄντων ἐστὶ γνῶσις, τὸ δὲ ψεῦδος ἀγνοια τοῦ ὄντος, εἶπέ μοι· Ἡ γνῶσις ἕξις; Μανιχαῖος· Ναί. Ὁρθόδοξος· Εἰ ἡ γνῶσις ἕξις, ἡ ἀγνοια πάντως στέρησις. Μανιχαῖος· Καὶ ἡ ἀγνοια ἕξις. Ὁρθόδοξος· Τί ἐστὶν ἀγνοια; Μανιχαῖος· Τὸ μὴ ἔχειν γνῶσιν. Ὁρθόδοξος· Τὸ μὴ στερητικόν ἐστὶν ἢ ἀποφαντικόν καὶ ἐκτικόν; Μανιχαῖος· Τὸ μὴ στερητικόν ἐστὶν. Ὁρθόδοξος· Μὴ ὄν λέγομεν τὸ ἐστερημένον τοῦ εἶναι; Μανιχαῖος· Δηλονότι. Ὁρθόδοξος· Οὐκοῦν εἰ ἡ ἀγνοια τὸ μὴ ἔχειν γνῶσιν ἐστὶ, τὸ δὲ μὴ στερητικόν, ἡ ἀγνοια ἄρα στέρησις καὶ οὐχ ἕξις. Μανιχαῖος· Ὁρθῶς εἶρηκας. Ὁρθόδοξος· Εἰ οὖν ἡ ἀλήθεια γνῶσις, ἕξις δηλονότι· καὶ εἰ τὸ ψεῦδος ἀγνοια, στέρησις κατὰ τὸν τῆς ἀληθείας λόγον. Ἔσται οὖν ἡ μὲν ἀλήθεια ἕξις, τὸ δὲ ψεῦδος στέρησις, καὶ ἔσται ἡ μὲν ἀλήθεια ὄν, τὸ δὲ ψεῦδος μὴ ὄν. Μανιχαῖος· Ἐκ παντός. Ὁρθόδοξος· Ψεῦδος ἢ κακία ἢ ἀλήθεια; Μανιχαῖος· Ψεῦδος. Ὁρθόδοξος· Οὐκ ὄν ἄρα ἢ κακία, ἀλλ' ὄντος στέρησις καὶ μὴ ὄν καὶ ὡς στέρησις ἕξει

Против Манихеев

(1) **Православный:** Раз мы сошлись друг с другом для собеседования и размышления, я спрошу тебя: какова наша цель? **Манихей:** Поупражняться в рассуждениях о вере, чтобы найти истину. **Православный:** А ведь что такое истина? **Манихей:** Распознавание и признание сущего. **Православный:** Ложь противоположна истине? **Манихей:** Во всех отношениях. **Православный:** А почему так? **Манихей:** Потому что истина есть знание сущих, а ложь — не сущего. **Православный:** Ты ответил неверно, что истина есть знание сущих, а ложь — знание не сущих, — ибо не сущее не познается. **Манихей:** Что тогда такое ложь? **Православный:** Незнание сущих. **Манихей:** Правильно. **Православный:** Итак, если истина есть знание сущих, а ложь — незнание сущего, то скажи мне: знание есть обладание? **Манихей:** Да. **Православный:** Если знание есть обладание, то незнание, конечно, — лишенность. **Манихей:** И незнание обладание. **Православный:** Что есть незнание? **Манихей:** Неимение знания. **Православный:** А частица «не» указывает на лишенность или на наличие и обладание? **Манихей:** «Не» показывает лишенность. **Православный:** Мы называем не сущим лишенное бытия? **Манихей:** Конечно. **Православный:** Итак, если незнание есть неимение знания, а «не» указывает на лишенность, то незнание, следовательно, есть лишенность, а не обладание. **Манихей:** Правильно. **Православный:** Поэтому если истина есть знание, понятно, что она есть обладание, — а если ложь есть незнание, то она, по истинному рассуждению, — лишенность. Итак, выходит, что истина есть обладание, а ложь — лишенность, и истина есть сущее, а ложь — не сущее. **Манихей:** Безусловно. **Православный:** А зло истина или ложь?

ἀντίκειται τῷ ἀγαθῷ. Ἀλλ' ἐπὶ τὸ προκείμενον ἐπανέλθωμεν. **Μανιχαῖος:** Ἐλθωμεν.

2. **Ὁρθόδοξος:** Μίαν ἀρχὴν λέγεις τῶν ὄντων ἢ δύο; **Μανιχαῖος:** Δύο, μίαν ἀγαθὴν καὶ μίαν πονηράν· καὶ τὴν μὲν ἀγαθὴν ὀνομάζω δένδρον ἀγαθόν, παντὸς ἀγαθοῦ περιεκτικόν καὶ ποιητικόν, μὴ δυνάμενον καρπὸν κακὸν ποιεῖν· τὴν δὲ πονηρὰν σκότος, φθοράν, δένδρον πονηρόν, παντὸς πονηροῦ καὶ πάσης κακίας περιεκτικόν, μὴ δυνάμενον καρπὸν ἀγαθὸν ποιεῖν. **Ὁρθόδοξος:** Κοινωνοῦσιν ἀλλήλαις αὗται αἱ δύο ἀρχαὶ ἢ οὐ; **Μανιχαῖος:** Παντελῶς ἀκοινωνῆτοι καὶ ἐναντία ἀλλήλαις ὑπάρχουσιν. **Ὁρθόδοξος:** Ἐν ἀλλήλαις καὶ σὺν ἀλλήλαις εἰσὶν ἢ κεχωρισμένα; **Μανιχαῖος:** Κεχωρισμένα ἦσαν ἐξ ἀρχῆς, ἐκάστη ἐν τοῖς ἰδίοις ὅροις. **Ὁρθόδοξος:** Πῶς οὖν νῦν εἰσι συμμεμιγμένα; **Μανιχαῖος:** Ἦν ὁ ἀγαθὸς ἐν τῷ ἰδίῳ τόπῳ, ἐν πάσῃ ἀγαθοσύνῃ καὶ μακαριότητι, ἡ δὲ ὕλη ἤγουν ἡ κακία ἄζως, ἀκίνητος, αἰσχροῦ, σκότος δυσείδης, ἀναίσθητος ἐπὶ πολλοὺς αἰῶνας· ὕστερον δὲ ἐστασίασεν ἡ ὕλη πρὸς ἑαυτὴν, καὶ οἱ καρποὶ αὐτῆς ἐπολέμησαν πρὸς ἀλλήλους, καὶ τῶν μὲν διωκόντων, τῶν δὲ φευγόντων ἔφθασαν εἰς τὰ ὅρια τοῦ φωτὸς καὶ ἰδόντες τὸ φῶς ἐπεθύμησαν τοῦ κάλλους αὐτοῦ καὶ ἐπαύσαντο τοῦ πρὸς ἀλλήλους πολέμου καὶ συμφωνήσαντες πρὸς ἀλλήλους ἐπέθεντο τῷ φωτί· καὶ ἀπέστειλεν ὁ ἀγαθὸς δύναμιν παρ' αὐτοῦ, καὶ συμπλοκῆς γενομένης ἔφαγον μέρος τοῦ φωτὸς οἱ ἄρχοντες τοῦ σκότους. Παρεχώρησε γὰρ ὁ ἀγαθὸς ἀρπαγῆναι δύναμιν ἐξ αὐτοῦ φοβηθεὶς, ἵνα μὴ κατακυριεύσωσι τοῦ τόπου αὐτοῦ. Τοῦτο δὲ ἐποίησεν, ἵνα διὰ τῆς μοίρας, ἧς παρέδωκε, κατακυριεύσῃ τῆς κακίας. Καὶ οὕτως ἐγένετο σύγκρασις τοῦ ἀγαθοῦ καὶ τοῦ πονηροῦ· ἐκ γὰρ τῆς μοίρας τοῦ ἀγαθοῦ ἐγένοντο αἱ ψυχαί, ἐκ δὲ τῆς οὐσίας τῆς κακίας τὰ σώματα.

Μανιχῆι: Λογῆ. **Πравославный:** И так, зло не есть сущее, но лишенность сущего и не сущее, и противоположно добру как лишенность обладанию. Но вернемся к нашему предмету.

Μανιχῆι: Вернемся.

(2) **Πравославный:** Ты говоришь, что есть одно начало сущих, или два? **Μανιχῆι:** Два: одно доброе и одно злое — и доброе называют древом добрым, содержащим и творящим всякое благо, не могущим дать плода злого, а злое - тьмою, тлением, древом злым, вместилищем всякого зла и скверны, не могущим дать плода доброго.

Πравославный: Эти два начала сообщаются между собой или нет?

Μανιχῆι: Они совершенно не сообщаются и противоположны друг другу.

Πравославный: Они существуют друг в друге, друг с другом или по отдельности?

Μανιχῆι: Они изначально были разделены, каждое в своих пределах.

Πравославный: Как же теперь они перемешались?

Μανιχῆι: Благой был в своем месте, во всякой благодати и блаженстве, а вещество, то есть зло, было безжизненно, недвижно, уродливо, отвратительный мрак, долгие веки бесчувственный. Затем вещество восстало само на себя, и плоды его воевали друг с другом, и когда одни бежали, а другие преследовали, они дошли до границ света, и, увидев свет, возжелали его красоты и перестали воевать друг с другом, и, сговорившись, напали на свет. И послал Благой от себя силу, и в схватке начальники мрака пожрали частицу света. Ибо Благой попустил, чтобы была отнята от него сила, убоявшись, как бы они не завладели местом его. Сделал же он это, чтобы посредством частицы, которую он отдал, одолеть зло. И так произошло смешение добра и зла: ибо из частицы добра возникли души, а из сущности зла — тела. **Πравославный:** Рассмотрим пока это. **Μανιχῆι:** Рассмотрим.

Ὁρθόδοξος: Τέως περὶ τούτων διασκεψώμεθα.

Μανιχαῖος: Διασκεψώμεθα.

3. **Ὁρθόδοξος:** Ἡ ἀρχὴ ποσαχῶς λαμβάνεται; **Μανιχαῖος:** Φράσον σύ. **Ὁρθόδοξος:** Ἄναρχον μὲν ἐστὶ τὸ μὴ ἐσχηκὸς ἀρχὴν, τὸ δὲ τῆς ἀρχῆς ὄνομα ὁμώνυμόν ἐστι· καὶ γὰρ πολλὰ σημαίνει. Λέγεται γὰρ ἀρχὴ κατὰ χρόνον, ὡς λέγομεν ἀρχὴν ἡμέρας τὴν τοῦ ἡλίου ἀνατολήν, καὶ ἀρχὴν ἐνιαυτοῦ. Λέγεται ἀρχὴ καὶ κατὰ τόπους, ὡς λέγομεν· Ἀρχὴ ὁδοῦ, καὶ ἀρχὴν τοῦ Φυσῶν τὸν παράδεισον. Λέγεται ἀρχὴ καὶ κατὰ ἀξίωμα καὶ ἐξουσίαν, ὡς λέγομεν ἀρχὴν εἶναι καὶ τὸν βασιλέα τῶν ὑπηκόων. Λέγεται ἀρχὴ καὶ τὸ φύσει πρότερον ὡς ἐπὶ τοῦ ἀριθμοῦ. Δύο μὲν γὰρ ὄντων ἐξ ἀνάγκης ἔσται τὸ ἓν, ἐνὸς δὲ ὄντος οὐκ ἐξ ἀνάγκης ἐστὶ δύο· ἔσται γὰρ δύο ἐν καὶ ἓν, τὸ δὲ ἐν οὐ δύο. Ἀρχὴ οὖν τῶν δύο τὸ ἓν. Λέγεται ἀρχὴ καὶ κατὰ τάξιν ὡς πρῶτον τὸ τοῦ ἀναγνώστου ἀξίωμα, εἶτα ὑποδιακόνου, εἶτα διακόνου, καὶ οὕτως πρεσβυτέρου, καὶ οὕτως ἐπισκόπου. Λέγεται ἀρχὴ καὶ κατὰ τὸ αἴτιον καὶ τοῦτο τριχῶς; ἢ γὰρ φυσικὸν ὡς ἀρχὴ υἱοῦ πατρός, ἢ ποιητικὸν ὡς ἀρχὴ κτίσεως ὁ κτίστης, ἢ μιμητικὸν ὡς ἀρχὴ εἰκόνας τὸ εἰκονιζόμενον. Κατὰ τοσοῦτους οὖν τρόπους λεγομένης τῆς ἀρχῆς ἐκεῖνό ἐστὶ τὸ ὄντως ἄναρχον λεγόμενον· τὸ κατὰ πάντας τοὺς τρόπους ἄναρχον λεγόμενον. Πῶς οὖν δύο ἀρχὰς σὺ φῆς ἀνάρχους; **Μανιχαῖος:** Κατὰ πάντας τοὺς τρόπους· οὕτως γὰρ ἔσονται ἄναρχοι. **Ὁρθόδοξος:** Ἄλλ' ἐψεύσω κατὰ τῆς σεαυτοῦ κορυφῆς· ἀπὸ δὲ ψεύδους ἀρξάμενος ἀδόκιμον ἔξεις τὸ τέλος. **Μανιχαῖος:** Πῶς τοῦτο λέγεις; **Ὁρθόδοξος:** Δύο εἰπὼν ἀπὸ ἀριθμοῦ ἤρξω, τὰ δὲ δύο οὐκ ἀρχή· ἄλλη γὰρ ἀρχὴ τῶν δύο, ἢ μονάς. Περὶ ἀρχῆς οὖν διαλεγόμενος μίαν ἀρχὴν εἶπέ, ἵνα ἢ τελεία ἢ ἀρχή· φύσει γὰρ μονάς ἀρχὴ δυάδος. Εἰ οὖν δύο ἀρχαί, ποῦ ἢ φύσει πρότερα ἀρχή, τουτέστιν ἢ μονάς;

4. **Μανιχαῖος:** Σὺ οὖν τρεῖς ὑποστάσεις λέγεις,

(3) **Πравославный:** В скольких смыслах употребляется слово - «начало»? **Манихей:** Скажи ты. **Πравославный:** Безначально то, что не имеет начала, а слово «начало» многозначно — ведь оно обозначает многое. Ибо говорят о «начале» по времени, как мы называем восход солнца началом дня или говорим о начале года. Употребляется начало и в смысле места, как мы говорим «начало пути», или что Фисон берет начало в раю. Говорят и о «начале» по достоинству и власти, как мы называем царя началом подданных. «Началом» называется и то, что по природе предшествует, как у чисел. Ибо если есть два, то обязательно будет и одно, а если есть одно, не обязательно будет и два — ведь два есть одно и одно, а одно — одно, а не два. Поэтому одно есть начало двух. Говорится «начало» и по порядку, как сперва достоинство чтеца, потом иподиакона, затем диакона, потом пресвитера, а потом епископа. Говорится «начало» и в смысле причины, и притом тройко: или о природной причине, как начало сына отец, или о творческой, как начало создания Создатель, или о подражательной, как изображаемое — начало образа. Итак, поскольку начало имеет столько значений, вот что поистине называется безначальным — то, что называется безначальным во всех смыслах. Так каким же образом ты утверждаешь два безначальных начала? **Манихей:** Во всех смыслах — потому что только таким образом они будут безначальны. **Πравославный:** Но твое исходное утверждение ложно, а начав со лжи, получишь и конец негодный. **Манихей:** Почему это? **Πравославный:** Сказав «два», ты начал с числа, но два не есть начало — ибо у двух есть иное начало, единица. Посему, рассуждая о начале, назови одно начало, чтобы начало было совершенно: ведь по природе начало двоицы единица. Итак, если два начала, то где то начало, что предшествует по природе, то есть единица?

(4) **Манихей:** Так ты-то говоришь о трех

καὶ πῶς λέγεις, ὅτι ἀπὸ μονάδος δεῖ ἄρχεσθαι; **Ὁρθόδοξος:** Εἰ καὶ τρεῖς ὑποστάσεις λέγω, ἀλλὰ μίαν ἀρχὴν φημι· ἀρχὴ γὰρ ὁ πατὴρ υἱοῦ καὶ πνεύματος οὐ κατὰ χρόνον, ἀλλὰ κατ' αἰτίαν. Ἐκ πατρὸς γὰρ λόγος καὶ πνεῦμα, εἰ καὶ μὴ μετὰ πατέρα. Ὡσπερ γὰρ ἐκ τοῦ πυρὸς φῶς καὶ οὐ προτερεύει κατὰ χρόνον τὸ πῦρ τοῦ φωτός· ἀδύνατον γὰρ εἶναι πῦρ ἀφώτιστον, ἀρχὴ δὲ ἐστὶ καὶ αἰτία τὸ πῦρ τοῦ ἐξ αὐτοῦ φωτός, οὕτω καὶ ὁ πατὴρ ἀρχὴ καὶ αἰτία τοῦ λόγου καὶ τοῦ πνεύματος· ἐκ τοῦ πατρὸς γὰρ λόγος καὶ πνεῦμα, οὐ προτερεύει δὲ χρόνω· ἀδύνατον γὰρ εἶναι πατέρα ἐκ τοῦ υἱοῦ ἢ λόγον ἐκ τοῦ πνεύματος. Μίαν οὖν ἀρχὴν ὁμολογῶ ὡς καὶ αἴτιον φυσικὸν τὸν πατέρα λόγου καὶ πνεύματος. Σὺ δὲ οὐ λέγεις ἐκ τοῦ ἀγαθοῦ τὸν πονηρὸν οὐδὲ τὸν ἀγαθὸν ἐκ τοῦ πονηροῦ.

5. Ὅτι δὲ οὐ κατὰ χρόνον ἀνάρχους εἶναι δυνατὸν τὰς καθ' ὑμᾶς δύο ἀρχάς, οὕτω γνωσόμεθα. Τὸ μὴ ἀρξάμενον τοῦ εἶναι ἀτρεπτόν ἐστιν· εἰ γὰρ ἐτρέπη, οὐ παντελῶς ἐστὶν ἀναρχον. Τρεπόμενον γὰρ ἐξ ἀσωμάτου εἰς σῶμα ἢ ἐξ ἀνειδέου εἰς εἶδος ἢ ἐξ ἀκινήτου εἰς κίνησιν ἢ ἐξ ἡσυχίας καὶ ἡρεμίας εἰς στάσιν ἄρχεται τοῦ γίνεσθαι, ὅπερ οὐκ ἦν πρότερον. Καὶ οὐκ ἔστιν ἀναρχον τρεπόμενον ἐξ ἀνάρχου εἰς ἀρχόμενον· τὸ γὰρ ἀρχὴν λαμβάνον καὶ ἡργόμενον οὐκ ἀναρχον. **Μανιχαῖος:** Τί οὖν; Ὁ κατὰ σὲ θεὸς οὐκ ἐτρέπη γεννήσας υἱὸν καὶ προαγαγὼν πνεῦμα; **Ὁρθόδοξος:** Οὐδαμῶς· οὐ γὰρ λέγω· Μὴ ὦν πρότερον πατὴρ ὕστερον γέγονε πατήρ, ἀλλὰ ἀεὶ ἦν ἔχων ἐξ αὐτοῦ τὸν αὐτοῦ λόγον καὶ διὰ τοῦ λόγου αὐτοῦ ἐξ αὐτοῦ τὸ πνεῦμα αὐτοῦ ἐκπορευόμενον.

6. **Μανιχαῖος:** Εἶτα οὐδὲ κτίσας ὕστερον τὴν κτίσιν ἐτρέπη δημιουργὸς γενόμενος; **Ὁρθόδοξος:** Οὐδαμῶς. **Μανιχαῖος:** Πῶς τοῦτο λέγεις; **Ὁρθόδοξος:** Ὅτι οὐκ ἐκ τῆς οὐσίας αὐτοῦ τὴν κτίσιν προήγαγεν, ἀλλ' ἐκ τοῦ μὴ ὄντος εἰς τὸ εἶναι θελήματι. **Μανιχαῖος:** Εἶτα ὅτε ἠθέλησε γενέσθαι τὴν κτίσιν, οὐκ ἐτρέπη

ипостасях, и как же ты утверждаешь, что надо начинать с единицы? **Православный:** Хотя я и говорю о трех ипостасях, но утверждаю единое начало: ибо Отец начало Сына и Духа, не по времени, но по причине. Ибо Слово и Дух от Отца, хотя и не после Отца. Потому что как от огня свет, и огонь по времени не предшествует свету (ведь невозможно, чтобы огонь не излучал свет), но огонь есть начало и причина исходящего от него света — так и Отец есть начало и причина Слова и Духа, ведь Слово и Дух от Отца, но не предшествует Им во времени: ибо невозможно, чтобы Отец был от Сына или Слово от Духа. Итак, я исповедую единое начало Отца, как естественную причину Слова и Духа. А ты не говоришь, что мой от доброго или добрый от злого.

(5) А в том, что и по времени невозможно вашим началам быть безначальными, мы удостоверимся вот каким образом. Не начавшее быть неизменно. Ибо если оно изменилось, оно не всецело безначально. Ибо превращающееся из бестелесного в тело, или из безвидного в вид, или из неподвижного в движение, или из спокойствия и тишины в возмущение, начинает быть тем, чем прежде не было. И то, что превращается из безначального в начинающееся, не безначально — ибо получающее начало и начавшееся не безначально. **Манихей:** Что же тогда? Твой Бог разве не превратился, родив Сына и изведя Духа? **Православный:** никоим образом, ведь я не говорю: «Не будучи прежде Отцом, Он потом стал Отцом», но Он всегда был имеющим из Себя Свое Слово и Дух Свой, исходящий от Него чрез Его Слово.

(6) **Манихей:** Значит, Он не превратился и когда он потом создал тварь и стал Творцом? **Православный:** никоим образом. **Манихей:** Как же так? **Православный:** Потому что Он произвел тварь не из своей сущности, но из небытия в бытие волею. **Манихей:** Значит, когда Он захотел создать тварь, Он не превратился,

θελήσας, ὅπερ οὐκ ἤθελε πρότερον; Ὁρθόδοξος· Οὐδαμῶς· οὐ γὰρ πρότερον μὴ θέλων ὑστερον ἠθέλησεν, ἀλλ' αἰεὶ ἠθέλεν ἐν τῷ ὑπ' αὐτοῦ ὠρισμένῳ καιρῷ γενέσθαι τὴν κτίσιν.

7. Ὅτι δὲ οὐδὲ κατὰ τόπον δυνατὸν δύο εἶναι ἀνάρχους, οὕτω γνωσόμεθα· Τὰ δύο ἢ ἐν ἀλλήλοις εἰσινάδύνατον δὲ φῶς καὶ σκότος ἐν ἀλλήλοις εἶναι· φωτὸς γὰρ παρουσία σκότος διαλύει· ἕκαστον αὐτῶν ἐν τῷ ἰδιάζοντι τόπῳ ἐστὶ. Περιορίζονται οὖν ἕκαστον ἐν τῷ ἰδίῳ τόπῳ, καὶ τὸ τέλος τοῦ τόπου τοῦ ἑνὸς ἀρχὴ τοῦ τόπου τοῦ ἑτέρου γίνεται. Ἀλλὰ καὶ ἀδύνατον ἄμικτον εἶναι τῷ σκότει τὸ φῶς μὴ ὄντος τινὸς διαφράγματος τοῦ κωλύοντος συγκραθῆναι ἀλλήλοις. Χρὴ οὖν εἶναι τὸ φῶς καὶ τὸν τόπον αὐτοῦ καὶ τὸ σκότος καὶ τὸν τόπον αὐτοῦ καὶ τὸ διάφραγμα τὸ διατειχίζον καὶ διορίζον ἑκάστου αὐτῶν τὸν τόπον· καὶ ἔσονται οὐ δύο ἀρχαί, ἀλλὰ πέντε.

8. **Μανιχαῖος**· Τί οὖν; Ὁ κατὰ σὲ θεὸς καὶ ὁ υἱὸς αὐτοῦ καὶ τὸ πνεῦμα αὐτοῦ οὐ τοῖς αὐτοῖς περιπεσοῦνται; Ὁρθόδοξος· Οὐδαμῶς. Ἐγὼ γὰρ οὐκ ἐν τόπῳ φημὶ εἶναι τὸ θεῖον ἄποσον γὰρ καὶ ἀπερίληπτὸν ἐστιν οὐδὲ κεχωρισμένας ἀλλήλων φημὶ τὰς τρεῖς ὑποστάσεις, ἀλλ' ὥσπερ ὁ λόγος ἐκ τοῦ νοῦ γεννώμενος οὐκ ἐκφοιτᾷ ἐξ αὐτοῦ οὐδὲ χωρίζεται, ἀλλ' ἐξ αὐτοῦ γεννᾶται καὶ ἐν αὐτῷ ἐστίν, οὕτως ὁ υἱὸς καὶ τὸ πνεῦμα ἐκ τοῦ πατρὸς εἰσι καὶ ἐν αὐτῷ. Μία γὰρ οὐσία καὶ ὑποστάσεις ἀδιάστατοι, ἐπειδὴ αἱ δυνάμεις τοῦ νοῦ ἀδιάστατοι αὐτοῦ εἰσιν. Ὑπερφυῶς γὰρ ὁ λόγος καὶ τὸ πνεῦμα καὶ δυνάμεις εἰσι τοῦ πατρὸς ἀνεκφοίτητοι καὶ ὑποστάσεις τελεῖαι, ἐπειδὴ πρόπει τὰς τοῦ ὑπερφυοῦς θεοῦ δυνάμεις ὑπερφυῶς εἶναι ὑποστάσεις. Διὸ εἰ καὶ τρεῖς ὑποστάσεις, ἀλλ' εἷς θεὸς καὶ οὐ τρεῖς. Ὁ γὰρ νοῦς καὶ ὁ λόγος καὶ τὸ πνεῦμα αὐτοῦ εἷς νοῦς καὶ οὐ τρεῖς νόες, ὡς τὸ φυτὸν τοῦ ῥόδου καὶ τὸ ἄνθος καὶ ἡ εὐωδία ἑκάστου αὐτῶν ῥόδον λέγεται καὶ ἔστι καὶ οὐ τρία ῥόδα λέγονται ἐν τῇ συναριθμησί, ἀλλ' ἐν ῥόδον ἢ ῥίζα καὶ ὁ κλάδος καὶ τὸ ἄνθος.

пожелав того, чего прежде не желал? **Православный**: Никоим образом — ведь Он не захотел потом, прежде не желая, но всегда желал, чтобы в определенное Им время возникла тварь.

(7) А что и в пространственном смысле невозможно быть двум безначальным, явствует вот из чего: два или суть друг в друге, — но невозможно, чтобы свет и тьма были друг в друге, ведь присутствие света рассеивает тьму, — или каждое находится в своем месте. Таким образом, каждое ограничивается в собственном месте, и конец места одного становится началом места другого. Но невозможно свету не смешиваться с тьмой, если нет какойто преграды, которая препятствовала бы им раствориться друг в друге. Итак, нужно, чтобы был свет и место его, тьма и место ее, и преграда, отгораживающая и определяющая место каждого, — и будет не два начала, а пять.

(8) **Манихей**: Так что же, твой Бог, и Сын Его и Дух Его, разве не подпадают под это же рассуждение? **Православный**: Никоим образом. Ведь я не говорю, что Божественное существует в пространстве — ибо Оно безмерно и необъятно, — и не говорю, что три ипостаси отделены друг от друга, но как мысль, рождаясь из ума, не выходит из него, и не отделяется, но из него рождается и в нем пребывает, так и Сын и Дух суть от Отца и в Нем. Ибо Они — одна сущность и неразлучные ипостаси, потому что силы ума неразлучны с ним самим. Ибо Слово и Дух сверхъестественно суть и нераздельные силы Отца, и совершенные ипостаси, потому что подобает, чтобы силы сверхъестественного Бога сверхъестественно были ипостасиями. Потому хотя и три ипостаси, но один Бог, а не три. Ибо ум, и мысль, и дух его суть один ум, а не три ума, так же как стебель розы, и цветок, и благоухание — каждое из них называется розой и есть роза, но их не исчисляют вместе как три розы, но одна роза и корень, и стебель, и цветок.

9. Ὅτι δὲ οὐδὲ κατὰ ἀξίωμα καὶ κράτος ἔσονται δύο ἀρχαί, οὕτω γινώσκομεν. Δύο μόνων ὄντων, θεοῦ καὶ ὕλης, ἢ ὁ ἕτερος τοῦ ἑτέρου ἐκράτει καὶ ἤρχεν ἢ οὐδεὶς οὐδενὸς ἤρχεν ἢ καὶ ἄλλα ἦσαν τὰ ὑποτασσόμενα καὶ κυριευόμενα ὑπὸ τῶν δύο ἀρχῶν συναΐδια αὐταῖς καὶ οὐ δύο μόνον ἔσονται, ἀλλὰ πλείονα δύο μὲν τὰ ἀρχοντα, ἕτερα δὲ τὰ ἀρχόμενα, εἰ μὴ ἦσαν τὰ ἀρχόμενα συναΐδια ταῖς ἀρχαῖς, ἦν ποτε χρόνος, ὅτε οὐκ ἦσαν ἀρχαί. **Μανιχαῖος:** Εἶτα καὶ τῷ σῶ θεῷ οὐ τὰ αὐτὰ συμβήσεται; Ἡ γὰρ συναΐδιος αὐτῷ ἦν ἢ ὑποχείριος αὐτοῦ κτίσις ἢ ἦν καιρός, ὅτε οὐκ ἤρχεν. **Ὁρθόδοξος:** Οὐχ οὕτως ἢ μὲν γὰρ κτίσις οὐ συναΐδιος αὐτῷ, ἀεὶ δὲ καὶ κύριος ἦν καὶ ἔσται τοῦ εἶναι ἐξουσιάζων ἐκ τοῦ μὴ ὄντος εἰς τὸ εἶναι παράγων οὐσίας τῷ λόγῳ αὐτοῦ καὶ τῷ πνεύματι τοῦ στόματος αὐτοῦ. Οὔτε δὲ ὁ λόγος αὐτοῦ προφορικός, ἀλλ' οὐσιώδης καὶ ἐνυπόστατος, οὔτε τὸ στόμα αὐτοῦ μέλος σωματικόν οὔτε τὸ πνεῦμα αὐτοῦ πνοή λυομένη, ἀλλ' ὑπερουσία πάντα τὰ τοῦ ὑπερουσίου, εἰ καὶ ἡμεῖς ἐκ τῶν καθ' ἡμᾶς κατανοοῦμεν τὰ ὑπὲρ ἡμᾶς.

10. Ἀλλ' οὐδὲ κατὰ φυσικὴν καὶ οὐσιώδη αἰτίαν ἔσονται αἱ καθ' ὑμᾶς δύο ἀρχαί: ὁ γὰρ πατὴρ ὁμοουσίῳ υἱῷ γεννήτωρ, αἴδιος αἰδίου, ἀσώματος ἀσωμάτου. Εἰ οὖν αἱ καθ' ὑμᾶς δύο ἀρχαί κατὰ τὸ φυσικόν αἰτιον ἀρχαί εἰσι πάντων τῶν ὄντων, ἔσονται τὰ πάντα ὁμοουσία καὶ συναΐδια ταῖς καθ' ὑμᾶς ἀρχαῖς. Εἰ δὲ αἴδια, καὶ ἄτρεπτα καὶ ἐναντία καὶ ἀκοινώνητα καὶ ἀρχοντα καὶ οὐκ ἀρχόμενα καὶ κύρια καὶ οὐ δούλα. Εἰ δὲ κατὰ τὸ ποιητικόν αἰτιον ἀρχαί εἰσι τῶν ὄντων αἱ καθ' ὑμᾶς δύο ἀρχαί, οὐκ ἐκ τῆς οὐσίας τοῦ θεοῦ αἱ ψυχαὶ οὐδὲ ἐκ τῆς οὐσίας τῆς ὕλης τὰ σώματα, ἀλλ' ἐκ τοῦ μὴ ὄντος εἰς τὸ εἶναι παρήχθησαν, καὶ οὔτε ἐπολέμησεν ἢ ὕλη μετὰ τοῦ φωτός οὔτε ἤρπασεν ἐξ αὐτοῦ μέρος καὶ ἐποίησε τὰς ψυχάς. Πῶς δὲ καὶ τὰ ἐναντία καὶ ἀκοινώνητα συνεβιβάσθησαν εἰς ἑνὸς κόσμου ποίησιν; Ἡ πῶς ὁ μὲν πονηρὸς κατεσκεύασε τὸ σῶμα, ὁ δὲ ἀγαθὸς τὴν ψυχὴν, καὶ ἐν ζῶον, τὸν

(9) А что и по достоинству и власти не будет двух начал, убедимся так. Если есть только два начала, Бог и вещество, то или одно властвовало бы и правило другим, или никто бы не правил никем, или было бы еще что-то, что повинуется господству двух начал, совечное им, и было бы не только два, но больше — два правящих и еще другие подчиненные, — или, если подчиненные не совечны началам, то было некогда время, когда те не были началами. **Манихей:** Тогда не то же ли случится и с твоим Богом? Ведь или подчиненная Ему тварь совечна Ему, или было время, когда Он не правил. **Православный:** Нет, не так: ибо тварь не совечна Ему, но Он всегда был и будет Господь, властвующий над бытием, приводящий сущности из небытия в бытие Словом Своим и Духом уст Своих. И Слово Его не производительное, но сущностное и воипостасное, и уста Его не орган телесный, ни Дух Его дуновение рассеивающееся, но все пресущественно у Пресущественного, пусть мы и мыслим то, что выше нас, через доступное нам.

(10) Но и в смысле естественной и сущностной причины не будет ваших двух начал — ибо Отец есть Родитель единосущного Сына, Вечный Вечного, Бестелесный Бестелесного. Итак, если ваши два начала суть начало всего сущего в качестве естественной причины, то все у вас будет единосущно и совечно вашим началам. А если совечно, то и неизменно, и противоположно, и несообщительно, и начальственно, а не подначально, и все будет господствовать, а не рабствовать. Если же ваши два начала суть начала сущего по творческой причинности, то души не от сущности Бога, и тела не от сущности вещества, но приведены в бытие из небытия, и не воевало вещество со светом, и не похитило от него часть, и не сотворило из нее души. Да и как несообщающиеся противоположности сошлись к творению единого мира? Или как Злой создал тело, а Добрый душу, и они образовали единое

ἄνθρωπον, ἀπετέλεσαν; Εἰ δὲ κατὰ μίμησιν ὡς πρωτότυπον εἰκόνας αἴτιον τὸ εἰκονιζόμενον, ἄλλοι κόσμοι εἰσὶν αἱ καθ' ὑμᾶς ἀρχαί, ὧν καθ' ὁμοίωσιν γέγονεν ὁ κόσμος. Οὐ γὰρ ἓν εἶδος οὐδὲ μία ἢ δύο μορφαὶ ἐν τοῖς οὖσιν, ἀλλὰ ἀναρίθμητοι. Καὶ πῶς τὰ ἀναρίθμητα εἶδη τῶν δύο παρ' ὑμῖν ἀρχῶν εἰκόνες εἰσὶν; Οὕτως ἀδύνατον καὶ ἀσύστατον τὸ παρ' ὑμῖν περὶ τῶν δύο ἀρχῶν φρόνημα. Ἐρωτήσατε γὰρ τὴν ἀπειροκάκων τῶν παιδῶν πληθύν· Ἦ δὴς ἀρχὴ ἢ ἡ μονάς; Καὶ ἐροῦσιν, ὡς ἡ μονάς ἀρχὴ παντὸς ἀριθμοῦ. Ὡ νηπίων νηπιωδέστεροί τε καὶ ἀφρονέστεροι.

11. Καὶ τοῦτο δὲ ἡμῖν ἐρωτῶσιν εἶπατε· Ἦ πολυαρχία ἐστὶ καλὸν καὶ στάσιμον καὶ τακτικὸν ἢ ἡ μοναρχία; Πᾶσι δῆλον, ὡς ἡ πολυαρχία ἀναρχία ἐστὶ καὶ στασιώδης καὶ πολέμου καὶ μάχης καὶ κακῶν αἰτία καὶ λύσεως, ἢ δὲ μοναρχία βεβαία καὶ ἔννομος καὶ εἰρήνης αἰτία καὶ τάξεως καὶ γαλήνης καὶ δικαιοσύνης καὶ τῆς ἐπὶ τὸ κρεῖττον ἀξίσεως. Εἰ οὖν δύο ἀρχαὶ ἀναρχοὶ καθ' ὑμᾶς, πολυαρχία ἀρχὴ τῶν ὄντων, καὶ ἀρχὴ τῶν πάντων κακία, καὶ οὕτω μία ἀρχὴ ἢ κακία. Πῶς δὲ καὶ ἀκοινωνήτους παντελῶς λέγετε τὰς δύο ἀρχάς, ἃς αὐτοὶ ἀνεπλάσατε. Εἰ γὰρ καὶ αὐτὴ ἐστὶ κακείνη καὶ ἡ αὐτὴ οὐσία ἐστὶν ἀναρχος ἀρχὴ καὶ αἰδῖος κακείνη ὁμοίως, οὐκ εἰσι παντελῶς ἀκοινωνήτοι. Κοινωνοῦσι γὰρ κατὰ τε τὸ εἶναι καὶ κατὰ τὸ οὐσία καὶ ἀναρχος ἀρχὴ καὶ αἰδῖος εἶναι, καὶ κατὰ πάντα ψευδῆς ὁ λόγος ὑμῶν ἀποδέδεικται.

12. Καὶ πάλιν· Εἰ δύο ἀρχαὶ ἀναρχοὶ, ἕκαστον ἐπὶ τῷ οἰκείῳ χαίρει καὶ τέρπεται καὶ τὴν ἑαυτοῦ σύστασιν ἀγαθὸν λογιζέται· ἕκαστω γὰρ ἀγαθὸν ἐστὶ, τὸ συστατικὸν τῆς οἰκείας φύσεως. Καὶ ὁ παρ' ὑμῖν οὖν ἀγαθὸς καὶ ὁ παρ' ὑμῖν πονηρὸς, ἕκαστος ἐφ' ἑαυτῷ χαίρει καὶ τοῖς οἰκείοις ἐπιτέρπεται καὶ τὰ οἰκεία ἀγαθὰ λογιζέται. Τίς οὖν ὁ κρίνας τὸν ἓνα ἀγαθὸν καὶ τὸν ἕτερον πονηρόν; Κακείνος μᾶλλον ἐστὶ θεός, μείζων ἀμφοτέρων· τὸ γὰρ ἔλαττον ὑπὸ

существо, человека? Если же в смысле подражания, как изображаемый первообраз есть причина образа, то ваши начала суть иные миры, по подобию которых возник мир. Ибо не один вид у сущих, и не один или два облика, но без числа. И как это неисчислимы виды суть образы двух ваших начал? Таким образом, невозможно и неосновательно ваше мнение о двух началах. Ведь спросите у неискушенной во зле толпы детей: начало — двоица или единица? И скажут, что единица — начало всякого числа. О, младенчеству и неразумные паче младенцев!

(11) Ответьте нам и на этот вопрос: многоначалие ли прекрасно, устойчиво и упорядоченно, или единоначалие? Всем ясно, что многоначалие есть безначалие, чреватое возмущениями, что оно причина войны, и брани, и зол, и распада, а единоначалие прочно и законно и есть причина мира, порядка, спокойствия, справедливости и возрастания к лучшему. Итак, если, повашему, есть два безначальных начала, то начало сущих — многоначалие, и начало всего — зло, и таким образом, есть одно начало, зло. И как же вы говорите, что два начала, которые вы сами придумали, не имеют ничего общего? Ведь если и то, и другое существует, и одна сущность есть безначальное и вечное начало, и другая тоже, то они не совершенно лишены общего. Ибо у них есть общность по бытию и по сущности, и по тому, что [каждое] есть безначальное и вечное начало, — и доказано, что рассуждение ваше ложно во всех отношениях.

(12) И опять-таки: если есть два безначальных начала, каждое радуется и наслаждается своим, и считает свой состав благом — ведь для каждого то, что составляет его сущность, есть благо. Посему и ваш Благой, и ваш Злой, каждый радуется себе и наслаждается своим, и свое полагает благом. Так кто же рассудил, что один благ, а другой зол? И он-то скорее и есть бог, больший, чем эти оба, — потому что меньшее судится большим и подначальное

τοῦ κρείττονος καὶ τὸ ἀρχόμενον ὑπὸ τοῦ ἀρχοντος κρίνεται.

13. Εἶπε δὲ καὶ τοῦτο· Κοινωνοῦσιν ἀλλήλαις αἱ παρ' ὑμῖν δύο ἀρχαὶ ἢ παντελῶς εἰσιν ἀκοινωνήτοι; **Μανιχαῖος**· Ἀκοινωνήτοι ἦσαν παντελῶς· ἢ μὲν γὰρ μία ἐν πληρώματι τῶν ἀγαθῶν ἦν, ἢ δὲ ἕτερα ἐν πληρώματι τῶν κακῶν, ἀλλ' ἐγένετο μετὰ ταῦτα σύγκρασις. **Ὁρθόδοξος**· Ἀναβαλοῦ τέως τὸν τῆς συγκράσεως λόγον. Φράσον δὲ ἡμῖν πρότερον· Τὸ ὄν τῶ ὄντι κατὰ τὸ εἶναι ἐναντίον ἢ τὸ μὴ ὄν τῶ ὄντι; **Μανιχαῖος**· Τὸ ὄν κακὸν τῶ ὄντι ἀγαθῶ ἐναντίον. **Ὁρθόδοξος**· Οὐκ ἠρώτησα, εἰ κατὰ τὸ κακὸν καὶ ἀγαθόν εἰσιν ἐναντία, ἀλλὰ τὸ εἶναι. Τὰ γὰρ ὄντα οὐ παντελῶς ἐναντία· κατὰ γὰρ αὐτὸ τὸ εἶναι κοινωνοῦσιν ἀλλήλοις, τῶ δὲ ὄντι τὸ μὴ εἶναι ἐναντίον. Ὅστε, εἰ παντελῶς ἐναντίον τῶ ἀγαθῶ τὸ κακόν, ἔστι δὲ τὸ ἀγαθόν, οὐκ ἔστι τὸ κακόν. Ὅστε τὸ κακὸν στέρησις ἔστι τοῦ εἶναι καὶ κακὸν λέγεται· καὶ εἰ οὐσία τὸ ἀγαθόν, ἀνούσιον τὸ κακὸν ἢ οὐ πάντη ἐναντία.

14. **Μανιχαῖος**· Εἶτα· Οὐχ ὁράται κακία ἐν τοῖς οὖσιν; **Ὁρθόδοξος**· Ἡ παντελής κακία οὐχ ὁράται ἐν τοῖς οὖσιν· οὔτε γὰρ ὁ θεὸς ὁ ὄντως ὢν καὶ τοῦ εἶναι αἴτιος κακία οὔτε τι τῶν γεγονότων, καθὸ γέγονε, κακόν, ἀλλὰ τὸ τε τῶν πάντων αἴτιον ἀγαθὸν καὶ πάντα τὰ γενόμενα ὑπ' αὐτοῦ ἀγαθὰ. Πάντα δὲ τὰ ὄντα ὑπ' αὐτοῦ ἐκ τοῦ μὴ ὄντος εἰς τὸ εἶναι παρήχθη καὶ πάντα καλὰ καὶ λίαν καλὰ. Τὸ δὲ κακὸν οὐδὲν ἕτερόν ἐστιν εἰ μὴ ἀποβολὴ καὶ στέρησις ἐκούσιος τῶν ὑπὸ θεοῦ τῆ λογικῆ φύσει δεδωρημένων, ὥσπερ πενία πλούτου ἀποβολή· πλοῦτος μὲν γὰρ ἔστιν ὄντων κτήσις χρυσοῦ καὶ ἀργύρου καὶ λίθων διαυγῶν καὶ ἐσθῆτος διαφόρου, παιδῶν καὶ παιδισκῶν, ἀλόγων καὶ ἀρουρῶν καὶ τῶν τοιούτων, ὧν ἕκαστον οὐσία ἐστὶ. Διὸ καὶ πλούσιος λέγεται ὁ ταῦτα κτησάμενος· οἷόν τις πολούσιος πολλὴν ἔχων περὶ ἑαυτὸν οὐσίαν. Ἡ δὲ πενία μερικὴ μὲν μερικὴ τούτων ἀποβολή, παντελής δὲ παντελής τούτων στέρησις, καὶ ὥσπερ ἢ

начальствующим.

(13) Скажи и вот что: сообщаются ли друг с другом ваши два начала, или они совершенно несообщительны? **Манихей**: Они были совершенно несообщительны, ибо одно было в полноте благ, а другое в полноте зла — но после этого произошло смешение. **Православный**: Пока подождем говорить о смешении. Прежде объясни нам: сущему противоположно по бытию сущее или не сущее? **Манихей**: Сущее зло противоположно сущему добру. **Православный**: Я не спрашивал, противоположны ли они по добру и злу, но по бытию. Ведь сущие вещи не всецело противоположны — ибо по самому бытию они имеют общность друг с другом, а сущему противоположно небытие. Так что если зло всецело противоположно добру, то зло не существует. Так что зло есть лишенность бытия и называется злом — и если добро есть сущность, то зло бессущественно, иначе они не вполне противоположны.

(14) **Манихей**: Тогда [скажи]: разве не усматривается зло в существующих? **Православный**: Совершенное зло не усматривается в сущих — ибо истинно сущий Бог и причина бытия не есть зло, ни что-либо из возникшего, как оно возникло, есть зло, но причина всего — блага, и все, что возникает от нее, благо. А все существующее было приведено ею из не сущего в бытие, и все прекрасно и хорошо весьма (Быт. 1:31). Зло же есть не что иное, как утрата и добровольная лишенность того, что Богом даровано разумному естеству, как бедность есть утрата богатства: ибо богатство есть стяжение существующих — золота, серебра, самоцветов, различных одежд, слуг и служанок, скота, пашен и тому подобного, из которых каждое есть сущность. Поэтому стяжавший это и называется состоятельным — словно как бы «многосущностный», чье имя состоит из многих сущностей. Частичная бедность есть частичная утрата этих вещей, а совершенная —

όλοκληρία τοῦ σώματος καλόν, ἡ δὲ ἐνὸς μέλους ἀποβολὴ μερικόν κακόν οὐχ ὑπάρχον, ἀλλ' ὑπάρχοντος στέρησις. Ὁραῖται δὲ ἤτοι νοεῖται ἐν τῷ ὄντι οὐχ ὡς ὄν, ἀλλ' ὡς ἀπογενόμενον, οἷον ὁ ὀφθαλμὸς καὶ ἡ ὄρασις ὑπάρχει καὶ ἔστιν, ἡ δὲ τύφλωσις οὐκ ἔστιν οὐσία, ἀλλὰ τοῦ ὑπάρξαντος ὀφθαλμοῦ ἀπώλεια. Θεωρεῖται δὲ ἐν τῷ συνισταμένῳ καὶ ὄντι σώματι οὐχ ὡς ὄν, ἀλλ' ὡς ὑπάρξαντος ὀφθαλμοῦ στέρησις. Καὶ οὕτως κατὰ μέρος ἡ προσθήκη τῆς τῶν μελῶν στέρησεως προσθήκη κακοῦ λέγεται· οὐ γὰρ ἔστι τὸ κακόν, ἀλλὰ λέγεται καὶ θεωρεῖται ἐν τῷ ὑπολειμμένῳ σώματι ἡ τῶν ἀποβληθέντων ἀνυπαρξία οὐχ ὡς ὄν, ἀλλ' ὡς μὴ ὄν, οὐχ ὡς ἕξις, ἀλλ' ὡς στέρησις. Οὕτω καὶ ἡ κακία ἤτοι ἀμαρτία ἐκούσιός ἐστι τῶν ἐκ θεοῦ δεδωρημένων τῇ λογικῇ φύσει ἀγαθῶν· ἐπὶ γὰρ τῶν ἀλόγων καὶ ἀψύχων οὐκ ἔστιν εἰπεῖν ἐκούσιον, ἀλλ' ἐπὶ τῶν λογικῶν. Ἔστιν οὖν κακία ἡ τῶν φυσικῶν δυνάμεων παράχρησις. Εἰ γὰρ χρησόμεθα ταῖς παρὰ θεοῦ δεδωρημέναις τῇ ψυχῇ δυνάμεσιν, ἐφ' ᾧ ἐλάβομεν, τουτέστι κατὰ τὸν νόμον τοῦ δεδωκότος, καλόν. Εἰ δὲ οὐκ, ἐφ' ᾧ ἐλάβομεν, ἀλλὰ παρὰ τὸν νόμον τοῦ δεδωκότος χρησόμεθα, κακόν· καὶ οὐκ αὐταὶ αἱ δυνάμεις οὐδὲ ἡ χρῆσις αὐτῶν ἔστιν ἡ κακῆ, ἀλλ' ὁ κακὸς τρόπος τῆς χρήσεως ὁ παρὰ τὸν νόμον τοῦ δεδωκότος θεοῦ. Εἰ γὰρ ἀγαθὸς ὁ θεός, ἀγαθὸς καὶ ὁ νόμος αὐτοῦ φυσικὸς καὶ ὢν ἐξ ὄντος. Ἡ δὲ τούτου παρακοὴ στέρησις τοῦ ὑπάρξαντος ἡμῖν νόμου, οἷον ἡ ἐπιθυμία καὶ ὁ θυμὸς καὶ ἡ πρᾶξις καὶ ἐνέργεια καὶ πρὸ τούτων ὁ λογισμὸς οὐ κακά, ἀλλὰ καλά, ἔάν, ἐφ' ᾧ ἐλάβομεν, χρῆσώμεθα κατὰ τὸν νόμον τοῦ δεδωκότος· κακὰ δὲ οὐκ αὐτά, ἀλλὰ τὸ μὴ κατὰ τὸν νόμον τοῦ δεδωκότος χρῆσασθαι. Εἰ γὰρ πρὸς σύστασιν τῆς ζωῆς χρῆσόμεθα βρώσει, πόσει, ὑπνῳ καὶ τοῖς τοιούτοις, καλόν τούτων ἕκαστον. Καὶ εἰ τῇ ἐπιθυμίᾳ καὶ τῇ ἀγάπῃ χρῆσόμεθα πρὸς τὸν θεὸν τὸν μόνον φύσει ἐπιθυμητὸν καὶ πρὸς τὸν πλησίον κατὰ τὸν νόμον τοῦ θεοῦ καλόν. Καὶ εἰ τῇ μίξει

совершенная лишенность, так же как целокупность тела есть благо, а утрата одного члена есть частичное зло, не существующее, но лишенность существующего. Усматривается же оно или мыслится в сущем не как сущее, но как утрачиваемое, как, например, глаз и зрение существуют и есть, а слепота не есть сущность, но потеря имевшегося глаза. Рассматривается же оно в сущем и цельном теле не как сущее, но как лишенность имевшегося глаза. И таким образом постепенное увеличение отсутствия членов называется возрастанием зла — ибо зло не существует, но отсутствие утраченного в увечном теле называется и рассматривается не как сущее, но как не сущее, не как обладание, но как лишенность. Так и зло, то есть грех, есть добровольная лишенность дарованных разумной природе от Бога благ — ибо у бессловесных и бездушных нельзя говорить о добровольности, но только у разумных. Итак, зло есть злоупотребление естественными возможностями. Ибо если мы будем пользоваться дарованными от Бога нашей душе силами для того, на что мы их получили, то есть по закону Давшего, то это хорошо. Если же воспользуемся ими не для того, на что получили, но против закона Дарителя, это зло: и ни сами силы, ни употребление их не суть зло, но дурной способ использования вопреки закону давшего их Бога. Ибо если благ Бог, благ и естественный закон Его, сущий от Сущего. Ослушание же его есть лишенность имевшегося у нас закона, как вожделение, и гнев, и поступок, и действие и прежде них помысел не злы, но хороши, если мы воспользуемся ими для того, на что получили, по закону Давшего — зло же не они [сами], но употребление их не по закону Давшего. Ибо если мы будем пользоваться пищей, питием, сном и тому подобным для поддержания жизни, каждое из них хорошо. И если употребим любовь и вожделение для Бога, единого по природе вожделенного, и для ближнего согласно закону Божию, это хорошо. И если соитием воспользуемся со своими

χρησόμεθα ταῖς ἐαυτῶν γυναίξι πρὸς τεκνογονίαν κατὰ τὸν νόμον τὸν δοθέντα τῇ φύσει παρὰ θεοῦ, καλόν· εἰ δὲ χρησόμεθα τῇ ἐπιθυμίᾳ πρὸς τὰ ἀλλότρια παρὰ τὸν νόμον τοῦ θεοῦ, κακόν. Εἶπε γὰρ ὁ θεός· Οὐκ ἐπιθυμήσεις τὸν ἀγρὸν τοῦ πλησίον σου οὐδὲ τὴν γυναῖκα αὐτοῦ οὐδὲ ὅσα αὐτῷ ἐστίν. Ἡ πορνεία οὐ διὰ τὴν συνάφειάν ἐστι κακή, ἀλλὰ διὰ τὸ τῇ ἀλλοτρίᾳ συναφθῆναι. Ἡ κενοδοξία, οὐ διὰ τὸ ἀγαπᾶν τὴν δόξαν κακή, ἀλλὰ διὰ τὸ μὴ τὴν ἐκ θεοῦ δόξαν ἀγαπᾶν. Τὸ μῖσος καὶ ὁ θυμός, εἰ μὲν κατὰ τῶν κωλυόντων τὴν σωτηρίαν τῆς ψυχῆς καὶ τὴν πρὸς θεὸν δι' ὑπακοῆς αὐτοῦ συνάφειαν καὶ ἀφιστώντων ἐκ θεοῦ, τουτέστι κατὰ τοῦ διαβόλου καὶ τῶν θεραπόντων αὐτοῦ, καλόν. Φησὶ γάρ· Οὐχὶ τοὺς μισοῦντάς σε, κύριε, ἐμίσησα καὶ ἐπὶ τοῖς ἐχθροῖς σου ἐξετηκόμην; Τέλειον μῖσος ἐμίσουν αὐτούς, εἰς ἐχθροὺς ἐγένοντό μοι. Καὶ οἱ ἅγιοι μάρτυρες ἐθυμοῦντο κατὰ τῶν τυράννων δικαίως θυμούμενοι. Καὶ ἐὰν κατὰ τοῦ οἰκείου λογισμοῦ θυμωθῶ χωρίζοντός με ἐκ τοῦ θεοῦ, καλόν. Ἐὰν τις ἀποστερῇ με τῆς σωτηρίας, καλόν θυμωθῆναι καὶ μισῆσαι· ἐὰν δὲ λυπῆ κατὰ κόσμον καὶ ὠφελείας γίνηται πρόξενος ἀποστερῶν τῶν ὑλικῶν, ἀγαπήσω μᾶλλον ἢ περ μισήσω. Ὁ φόνος κακόν· μόνου γὰρ θεοῦ τὸ χωρίζει τὴν ψυχὴν ἐκ τοῦ σώματος, τοῦ καὶ συνδήσαντος· εἰ δὲ φονεύσω ὑπὸ θεοῦ κελεύόμενος, καλόν· πᾶν γὰρ τὸ ἐκ τοῦ ἀγαθοῦ ἀγαθόν. Κακόν οὖν τὸ ἐπιθυμῆναι ἀρπάζειν, ὃ οὐκ ἔστιν ἡμέτερον, ἀλλὰ τοῦ θεοῦ. Ἡ κατάκρισις κακή· θεοῦ γὰρ μόνου τὸ κρίνειν, καὶ κακόν ἀρπάζειν τὸ τοῦ θεοῦ ἀξίωμα, οἷς μὴ δέδοται παρὰ θεοῦ τὸ κρίνειν. Ἡ κενοδοξία καὶ ἡ ὑπερηφανεία κακή· θεῷ γὰρ μόνῳ πρόκειται τὸ ἔπαρμα καὶ ἡ δόξα. Ὅστε οὐδὲν ἕτερόν ἐστιν ἢ κακία εἰ μὴ τὸ παρὰ φύσιν καὶ τὸν νόμον κεχωρηθῆναι ταῖς φυσικαῖς δυνάμεσιν, ὃ οὐκ ἔστιν οὐσία, ἀλλ' ἡμέτερον ἐπιτήδευμα.

15. Χρὴ γὰρ εἰδέναι, ὡς διττῶς λέγεται τό τε ἀγαθόν καὶ τὸ κακόν· ἀγαθόν γὰρ κυρίως λέγεται τὸ ἐκ τοῦ φύσει ἀγαθοῦ θεοῦ

женами для деторождения по закону, данному Богом естеству, хорошо, — а если употребим вожделение на чужое против закона Божия, это зло. Ибо сказал Бог: «Не желай дома ближнего твоего, ни жены его, ничего, что есть у него» (Исх. 20:17). Блуд плох не из-за соединения, но из-за соединения с чужой женщиной. Тщеславие дурно не из-за любви к славе, но из-за любви к славе не от Бога. Ненависть и гнев хороши, когда они направлены против препятствующих спасению души и соединению ее с Богом через послушание, и против уводящих от Бога, то есть против диавола и прислужников его. Ибо сказано: Не возненавидел ли я ненавидящих Тебя, Господи, и о врагах Твоих не истаял ли? Полною ненавистью ненавижу их; враги они мне (Пс. 138:21—22). И святые мученики гневались на тиранов, гневаясь справедливо. И если я разгневаюсь на собственный помысел, отделяющий меня от Бога, хорошо. Если кто лишает меня спасения, хорошо разгневаться и возненавидеть, а если огорчает в мирском и доставляет пользу тем, что лишает чего-то вещественного, я скорее буду его любить, чем ненавидеть. Убийство есть зло — ибо только Богу принадлежит отделять душу от тела, ибо Он и соединил, но если я убью по велению Божию, хорошо — ибо все, что от Благого, благо. Итак, дурно вожделеть захватить то, что не наше, но Божие. Осуждение есть зло — ибо только Богу принадлежит суд, и дурно присваивать Божеское достоинство тем, кому не дано от Бога судить. Тщеславие и гордость суть зло — ибо одному только Богу подобает превознесение и слава. Так что зло есть не что иное, как противоестественное и противозаконное употребление естественных возможностей, что не есть сущность, но наше поведение.

(15) Ибо следует знать, что и благо, и зло понимается двояко, потому что собственно благом называется дарованное от благого по

δεδωρημένον. Ὡσπερ πᾶν φῶς ἐξ ἡλίου ἦτοι πυρὸς φωτίζεται, οὕτω πᾶν ἀγαθὸν ἐκ τοῦ ἀορίστου καὶ ἀκαταλήπτου πελάγους τῆς ἀγαθότητος τὴν ὑπαρξιν ἔχει καὶ, ὅσα παρὰ θεοῦ, ἀγαθὰ κυρίως καὶ ἀληθῶς. Λέγεται δὲ ἀγαθὸν οὐ κυρίως, ἀλλὰ καταχρηστικῶς καὶ καθ' ἡμετέραν συνήθειαν τὸ τῇ αἰσθήσει ἡμῶν καὶ τῇ ἐφέσει φαινόμενον ἡδύ, ὃ πρὸς καιρὸν μὲν τέρπει, ὕστερον δὲ πικρὸν καρπὸν ἀποδίδωσι, παρὰ τὸν νόμον τοῦ κτίσαντος γινόμενον καὶ δοκοῦν ἀγαθὸν εἶναι, ὅπερ οὐκ ἔστιν ἀγαθόν, ἀλλὰ κυρίως κακόν. Καὶ τὸ κακὸν ὁμοίως· κυρίως μὲν κακὸν ἔστι καὶ λέγεται τὸ παρὰ τὸν νόμον τοῦ κτίσαντος γινόμενον. Λέγεται κακὸν οὐ κυρίως, ἀλλὰ κατὰ τὴν ἡμετέραν συνήθειαν τὸ καθ' ἡμετέραν αἰσθησιν ἐπίπονον καὶ ἀλγεινόν, ὅπερ πρὸς μὲν τὸ παρὸν ὀδύνας, ὕστερον δὲ καρπὸν σωτηρίας καὶ ἀεννάου εὐφροσύνης ἀναδίδωσιν.

16. Εἰπέ δέ· Ἀρχὴ παντὸς πράγματος μία ἢ δύο, οἷον ἢ ἀρχὴ καὶ αἰτία τῆς ψυχῆς μία ἢ δύο; **Μανιχαῖος**· Μία. Εἰ γὰρ δύο, πῶς ἐκ δύο ἐναντίων ἐν καὶ τὸ αὐτὸ προέρχεται; Τὰ γὰρ παντελῶς ἐναντία ἀκοινώνητον ἔχουσι τὴν ἐνέργειαν· πῶς γὰρ ἢ ἄυλος ψυχὴ ἐξ αὐλοῦ καὶ ὕλης ἔσται; Ἢ πῶς τὸ αὐτὸ τὰ ἐναντία παρήγαγον μὴ ὁμονόησαντα; Παντελῶς γὰρ ἀκοινώνητα τὰ κατὰ φύσιν ἐναντία. **Ὁρθόδοξος**· Καλῶς ἔφη· ἐκάστου τῶν ὄντων πάντων μία ἀρχή; **Μανιχαῖος**· Παντί τρόπῳ. **Ὁρθόδοξος**· Τὸ εἶναι ἀρχὴ τῶν δύο ἀρχῶν τῶν κατὰ σέ ἐστιν ἢ αἱ δύο ἀρχαὶ ἀρχαὶ τοῦ εἶναι; **Μανιχαῖος**· Πρὸς τί γὰρ συντείνει τοῦτο; **Ὁρθόδοξος**· Εἰ μὲν τὸ εἶναι ἀρχὴ τῶν κατὰ σέ δύο ἀρχῶν, ἰδοὺ μία ἀρχὴ καὶ οὐ δύο. Εἰ γὰρ τὸ εἶναι ἀρχὴ τοῦ εἶναι, ἐν μιᾷ οὖν ἀρχῇ· οὐ γὰρ τὸ τοιῶσδε εἶναί φημι, τουτέστι κακὸν εἶναι ἢ καλόν, ἀλλ' αὐτὸ τὸ ἀπλῶς εἶναι. Εἰ οὖν τὸ εἶναι ἀρχὴ τῶν κατὰ σέ δύο ἀρχῶν, μία ἀρχὴ καὶ οὐ δύο. Εἰ δὲ αἱ κατὰ σέ ἀρχαὶ ἀρχαὶ τοῦ εἶναι, ἔσονται δύο ἐναντία τοῦ αὐτοῦ πράγματος. Ὡσπερ γὰρ ἢ ἀπλῶς οὐσία μία οὐσα δεκτικὴ ἐστὶ διαφόρων ποιοτήτων καὶ

природе Бога. Как всякий свет освещается от солнца или огня, так и всякое благо имеет существование от безграничной и непостижимой пучины благости, и все, что от Бога, благо поистине и в собственном смысле. Но благом не собственно, а в переносном смысле и по нашему обыкновению называется то, что представляется приятным нашему чувству и желанию, что до поры услаждает, потом же приносит горькие плоды, происходящее против закона Создателя и кажущееся благом, которое не есть благо, но собственно зло. И зло подобным же образом — ибо собственно злом называется происходящее против закона Создателя. Не собственно же, но по нашему обыкновению именуется злом тягостное и болезненное для наших чувств, то, что теперь приносит мучения, а потом — плод спасения и вечной радости.

(16) Но скажи: начало всякой вещи одно или два, скажем, начало и причина души одна или две? **Манихей**: Одна. Ведь если две, то как из двух противоположностей произойдет одно и то же? Ведь у всецело противоположных нет общности действия — ибо как невещественная душа возникнет из невещественного и вещества? Или как противоположности произвели то же самое, не сговорившись? Ведь по природе противоположности не имеют никакого общения. **Православный**: Хорошо сказано. А у каждого из сущих одно начало? **Манихей**: Именно так. **Православный**: Есть ли бытие начало двух твоих начал, или два начала суть начала бытия? **Манихей**: К чему этот вопрос? **Православный**: Если бытие есть начало твоих двух начал, то получается одно начало, а не два. Ибо если бытие есть начало бытия, значит, (они) в едином начале — ведь я говорю не о бытии чемто, то есть добром или злом, а о самом бытии как таковом. Итак, если бытие есть начало твоих двух начал, то одно начало, а не два. Если же твои начала суть начала бытия, то будет два противоположных начала у одной и той же

κατὰ τοῦτο λέγονται πολλαὶ οὐσίαι, οὕτω καὶ τὸ ἀπλῶς εἶναι ἓν ἐστὶ, εἰ καὶ ἐν διαφόροις θεωρούμενον πολλὰ τὰ ὄντα παρωνύμως ἐξ ἑαυτοῦ ποιεῖ κατονομάζεσθαι. Ὅρισω οὖν ἀκοινώνητον παντελῶς εἶναι τὴν τῶν ἐναντίων ἐνέργειαν, οὐκ ἐκ δύο ἀρχῶν τὸ εἶναι μάλιστα καὶ ἐναντίων, ἀλλ' ἐκ μιᾶς. Οὐ γὰρ τὸ εἶναι αἴτιον τοῦ ὄντος· οὐ γὰρ προῆν τὸ εἶναι τοῦ ὄντος. Ἐν τίνι γὰρ ἐθεωρεῖτο; Ἀλλ' ἐν τῷ ἀνάρχῳ ὄντι τὸ εἶναι θεωρούμενον, ἐν αὐτῷ καὶ ἐξ αὐτοῦ ὡς αἰτίου ὑφέστηκε. Μία οὖν ἀρχὴ τοῦ εἶναι, καὶ τὸ ἐναντίον ταύτης οὐκ ἔστι.

17. Καὶ πάλιν· Ἡ ἀρχὴ τῆς ἐκάστου τῶν ὄντων κινήσεως μία ἢ δύο, ὑπαρκτικὴ τε καὶ χρονικὴ καὶ τοπικὴ καὶ ἐνεργητικὴ ὑπαρκτικὴ μὲν τῆς ἐκάστου γενέσεως, χρονικὴ δέ, ἀφ' οὗ χρόνου ἤρξατο, τοπικὴ δέ, ἀφ' οὗ τόπου ἤρξατο τὰ ἀπὸ τόπου ἀρχόμενα, ἐνεργητικὴ δέ, ἐξ ἧς ἐνεργείας ἐνεργεῖ τὸ ἐνεργούμενον, οἷον ἡ πρώτη ὑπαρξις τοῦ ἀνθρώπου, καὶ ἀφ' οὗ χρόνου ἐγένετο καὶ ἀφ' οὗ τόπου ἤρξατο κινεῖσθαι, βαδίζειν τυχόν, καὶ τῆς βαδιστικῆς ἐνεργείας; **Μανιχαῖος**: Μία. **Ὁρθόδοξος**: Ἀληθῶς ἔφησ· ἀδύνατον γὰρ δύο ἀρχὰς εἶναι τῆς τοῦ ἐνός ὑπάρξεως. **Μανιχαῖος**: Οὕτως ἔχει. **Ὁρθόδοξος**: Τοῦτο ἐφ' ἐκάστου τῶν ὄντων θεωρεῖται ἢ οὐ; **Μανιχαῖος**: Ἐφ' ἐκάστου τῶν ὄντων ἀπάντων. **Ὁρθόδοξος**: Ὅπερ οὖν ἐφ' ἐκάστου τῶν ἀπάντων θεωρεῖται, καὶ ἐπὶ πάντων κοινῶς θεωρηθήσεται, οἷον, ὅπερ ἕκαστος τῶν ἀνθρώπων ἔχει, καὶ πᾶσα ἡ ἀνθρωπότης ἔχει, ὡς τὸ ζῆν καὶ τὸ λογίζεσθαι, καὶ ὅπερ ἐκάστη οὐσία ἔχει, καὶ ἡ κοινὴ οὐσία ἔχει, ὡς τὸ αὐθύπαρκτον καὶ μὴ ἐν ἑτέρῳ ἔχειν τὸ εἶναι. Οὕτω τοίνυν καὶ εἰ ἕκαστον τῶν ὄντων ἐκ μιᾶς ἀρχῆς συνέστηκε, καὶ πάντα τὰ ὄντα ἐκ μιᾶς ἀρχῆς συνέστηκε καὶ οὐκ ἐκ δύο, καὶ οὐκ ἔσονται δύο ἀρχαί, ἀλλὰ μία.

вещи. Ибо как просто сущность, будучи одна, способна принимать различные качества, и в соответствии с этим говорят о многих сущностях, так и просто бытие одно, хотя, созерцаемое в различных вещах, дает свое имя многим сущим как производное. Итак, я определяю, что у противоположностей совершенно нет общности действия, что бытие не из двух начал, тем более противоположных, но из одного. Ибо бытие не есть причина сущего — ведь бытие не существовало прежде сущего. Потому что в чем бы оно созерцалось? Но бытие, созерцаемое в безначальном Сущем, возникло в Нем и от Него, как от причины. Итак, одно начало бытия, и противоположного ему нет.

(17) И опятьтаки: начало движения каждого из сущих одно или два — сущностное, временное, пространственное и действительное (сущностное — для возникновения каждого, временное — с какого времени началось, пространственное — от какого места началось то, что начинается от места, действительное же — из какого действия действует то, что приводится в действие: скажем, первое возникновение человека, и с какого времени появился, и с какого места он начал двигаться, например, идти, и начало действия хождения)? **Манихей**: Одно начало. **Православный**: Верно — ведь невозможно, чтобы были два начала одного существования. **Манихей**: Это так. **Православный**: Это можно усмотреть в каждом из сущих, или нет? **Манихей**: В каждом из всех сущих. **Православный**: То, что усматривается в каждом из всех, будет усматриваться и во всех сообща — например, то, что имеет каждый человек, имеет и все человечество, как жизнь и способность рассуждать. И то, что имеет каждая сущность, имеет и общая сущность, как самосуществование и бытие не в ином. Таким же образом и если каждое из сущих возникло от одного начала, то все сущее возникло от одного начала, а не от двух, и будут не два начала, но

18. **Μανιχαῖος**: Διὰ τί ἄναρχος ὁ θεός; **Ὁρθόδοξος**: Ὅτι τὸ μὴ ὄν οὐκ ἔχει ἀφ' ἑαυτοῦ τὸ εἶναι. Τὸ οὖν ἀφ' ἑαυτοῦ μὴ ἔχον τὸ εἶναι, πῶς ἀφ' ἑαυτοῦ ἔσται; Καὶ χρὴ οὖν ἕκ τινος ὄντος τὸ μὴ ὄν τὸ εἶναι λαβεῖν· τὸ δὲ πρῶτον μεταδοτικὸν τοῦ εἶναι ἐξ ἑαυτοῦ ἔχον τὸ εἶναι, ἄναρχον αἰεὶ ἔσται.

19. **Μανιχαῖος**: Διὰ τί μία ἀρχὴ καὶ οὐ δύο; **Ὁρθόδοξος**: Ὅτι δυὰς ἐκ μονάδος προέρχεται ὡς μονάδος γέννημα καὶ ἀρχὴ δυάδος μονάς καὶ πρὸ τῆς δυάδος πάντως μονάς καὶ ὅτι παντὸς πράγματος ἀρχὴ μία καί, εἰ ἐκάστου τῶν ὄντων μία ἀρχή, καὶ πάντων ἔσται ἀρχὴ μία· ὁ γὰρ ἐφ' ἐκάστου τῶν ὄντων ἀποδομένος λόγος καὶ ἐπὶ πάντων ἀποδοθήσεται.

20. Καὶ πάλιν· Εἰ δύο ἀρχαί, πολυαρχία· εἰ δὲ πολυαρχία, στάσις· εἰ δὲ στάσις ἀρχὴ τῶν ὄντων, κακία τῶν ὄντων ἀρχή· στάσις γὰρ κακία ἐστὶ. Πρέπει οὖν τῷ θεῷ ἀπάντων τῶν λεγομένων καὶ νοουμένων μείζονι εἶναι καὶ ἔχειν. Ποῖον οὖν μείζον, τὸ ἐξ οὐκ ὄντων θεοπρεπῶς ποιεῖν οὐσίας ἢ ἀνθρωπίνως τῇ δημιουργικῇ, μᾶλλον δὲ τεκτονικῇ τέχνῃ περὶ τὴν ὕλην καταγίνεσθαι; **Μανιχαῖος**: Πάντως, ὅτι τὸ ἐκ μὴ ὄντων. **Ὁρθόδοξος**: Οὐκοῦν πρέπει θεῷ ἐκ μὴ ὄντων ποιεῖν οὐσίας, καὶ οὐκ ἦν ὕλη, ἀλλ' ὑπὸ θεοῦ ἐγένετο.

21. **Μανιχαῖος**: Ὁ θεὸς κατὰ πάντα ἐστὶν ἄναρχος ἢ κατὰ τὶ μὲν, κατὰ τὶ δὲ οὐ; **Ὁρθόδοξος**: Εἰ οὐ κατὰ πάντα ἄναρχος, καὶ ἄναρχος καὶ οὐκ ἄναρχος. Εἰ δὲ κατὰ πάντα ἄναρχος, ὄντως ἄναρχος καὶ φύσει ἄναρχος. Τὸ δὲ ἄναρχον καὶ ἀπέραντον· ἐν γὰρ ἀρχῆς εἶδος καὶ τὸ τέλος. Πᾶν οὖν ἔχον ἀρχὴν καὶ τέλος ἔχει κατὰ τὴν ἑαυτοῦ φύσιν, καὶ πᾶν τέλος ἔχον καὶ ἀρχὴν ἔχει. Καὶ οἱ ἄγγελοι γοῦν ἀρχὴν ἔχοντες καὶ τέλος ἔχουσι κατὰ τὴν ἑαυτῶν φύσιν, εἰ καὶ τῇ θείᾳ χάριτι πάλιν ἄρχονται τοῦ εἶναι καὶ ἀνακαινίζονται. Ὅσπερ γὰρ τὸ ἀκίνητον σῶμα ἀρξάμενον τοῦ

одно.

(18) **Μανιχέι**: Почему Бог безначален? **Православный**: Потому что не сущее не имеет бытия от самого себя. Посему то, что не имеет бытия от себя, как станет быть от себя? Значит, нужно, чтобы не сущее получило бытие от чего-то сущего, — а первый податель бытия, имеющий бытие от себя, всегда безначален.

(19) **Μανιχέι**: Почему одно начало, а не два? **Православный**: Потому что двоица исходит из единицы как порождение единицы, и единица — начало двоицы, и единица, конечно, прежде двоицы, и потому что начало всякой вещи одно, и, если одно начало у каждого из сущих, то и у всех будет одно начало — ибо суждение, применимое к каждому из сущих, будет применимо и ко всем.

(20) И опять-таки: если два начала, то это многоначалие, если многоначалие — возмущение, если же возмущение есть начало сущих, то начало сущих есть зло — ибо возмущение зло. Итак, подобает, чтобы Бог был и обладал большим, чем все, что говорится и мыслится. Итак, что больше — боголепно творить сущности из не сущих или по-человечески с помощью строительного, а вернее плотницкого ремесла обходиться с веществом? **Μανιχέι**: Конечно, творить из не сущих. **Православный**: Следовательно, Богу подобает творить сущности из не сущих, и не было вещества, но его создал Бог.

(21) **Μανιχέι**: Бог во всех отношениях безначален, или в каких-то да, а в каких-то нет? **Православный**: Если Он безначален не во всех отношениях, то Он и безначален, и небезначален. Если же Он во всех отношениях безначален, Он безначален воистину и по природе. А безначальное — беспредельно, ибо и конец есть один из видов начала. Итак, все, что имеет начало, по своей природе имеет и конец, и все имеющее конец, имеет и начало. И ангелы, стало быть, имея начало, по собственной природе имеют и конец, хотя по благодати Божией и снова начинают быть, и обновляются. Ибо как

κινεῖσθαι ἐκ τόπου ἤρξατο, τουτέστι τὸ κυκλικόν, φθάνον δὲ τὸν τόπον, ὅθεν ἤρξατο, ἐπλήρωσε τὴν περιφέρειαν καὶ τὸν κύκλον, πάλιν δὲ ἄρχεται τῆς κινήσεως καὶ νέαν ἀρχὴν κινήσεως ποιεῖται καὶ οὕτω διαμένει κινούμενον, ἕως ἂν ὁ κελεύων αὐτὸ κινεῖσθαι θέλη, οὕτω καὶ οἱ ἄγγελοι κινούμενοι ζωτικῶς καὶ φθάνοντες τὸ φυσικὸν τέλος τῆς ἑαυτῶν ὑπάρξεως ἄρχονται τῆς ζωτικῆς κινήσεως, ἕως πάλιν προστάξει τοῦ ποιήσαντος αὐτοὺς παύσονται τῆς κινήσεως. Αἰεὶ γὰρ παρὰ θεοῦ τὸ εἶναι καὶ ζωτικῶς καὶ νοεῶς κινεῖσθαι λαμβάνουσιν οὐκ ἐξ ἑαυτῶν ἔχοντες τοῦτο. Ὡσπερ δὲ τροχὸς κινήθεις κινεῖται καὶ παύεται ἂν δὲ ἔχη τὸ αἰκίνητον, αἰεὶ κινεῖται οὐκ ἐξ ἑαυτοῦ ἔχων τὴν κίνησιν, οὕτω καὶ οἱ ἄγγελοι οὐκ ἐξ ἑαυτῶν ἔχοντες τὸ εἶναι, ὅσον κινεῖ αὐτοὺς ὁ ποιήσας, κινοῦνται ἂν μέντοι ἐκεῖνος μὴ κινήσῃ, παύονται τῆς κινήσεως. Ὡστε τὸ ἀρχὴν ἔχον πάντως καὶ τέλος, καὶ τὸ τέλος ἔχον πάντως καὶ ἀρχὴν. Καὶ τὸ φύσει ἀναρχον κατὰ πάντα ἀναρχόν ἐστι, κατὰ τε αἰτίαν καὶ χρόνον καὶ τόπον καὶ ἐξουσίαν.

22. Τὰ οὖν δύο ἢ ἐν ἀλλήλοις ἔσσονται ἢ τόπω περιγραφῆσονται καὶ οὐκ ἀναρχοί εἰσι. Πῶς οὖν ἐν ἀλλήλοις τὸ φῶς καὶ τὸ σκότος; Τὸ γὰρ φῶς τοῦ σκότους ἀναιρετικόν. Εἰ οὐ μεθόρια εἰσι τοῦ φωτὸς καὶ μεθόρια τοῦ σκότους, οὐδὲ τὸ φῶς ἀπερίγραπτον ὡς μὴ πανταχοῦ ὄν οὐδὲ τὸ σκότος. Καὶ οὐ παντελῶς ἀναρχα ἔχοντα τοπικὴν ἀρχὴν. Ἀμήχανον γὰρ μὴ ὄντος τινὸς διατειχίσματος καὶ μεσοτοίχου ἀνεπίμικτον παντελῶς εἶναι τὸ φῶς καὶ τὸ σκότος. Εἰ γὰρ ἐν νυκτὶ λύχνον ἀνάψωμεν, ὁ μὲν περὶ τὸν λύχνον τόπος φωτεινότερος ἔσται, κατὰ μικρὸν δὲ διάστημα ἔσται σκοτεινότερον, μέχρις ἂν τελείως ἐκλίπῃ τὸ φῶς καὶ καθαρὸν σκότος γένηται φωτὸς ἀνεπίμικτον. Ἡ γὰρ ἐξ ἀρχῆς ἐμίγνυτο τῷ φωτὶ τὸ σκότος, καὶ οὐκ ἐναντία ταῦτα παντελῶς καὶ ἀκοινώνητα, ἢ ἕτερόν τι μεσότοιχον ἦν ἀπ' ἀρχῆς τὸ ταῦτα χωρίζον, καὶ οὐκέτι δύο ἀρχαί, ἀλλὰ τρεῖς. Τὸ φύσει

неподвижное тело, начавшее двигаться, начинает с места (я говорю о круговом движении), достигнув же того места, откуда начало, делает оборот и замыкает круг, но снова начинает движение, и получает новое начало движения, и так остается движущимся, пока того хочет повелевающий ему двигаться, — так и ангелы, в своем жизненном движении достигая естественного конца своего существования, (опять) начинают жизненное движение, пока вновь по приказанию Сотворившего их не прекратят движение. Ибо бытие, жизненное и умопостигаемое движение они всегда получают от Бога, имея это не от себя. И как приведенное в движение колесо движется и останавливается, — а если имеет вечное движение, то движется вечно, имея движение не от себя, — так и ангелы, не от себя имея бытие, движутся постольку, поскольку их движет Сотворивший; однако если Он не подвинет, они прекращают движение. Так что у кого есть начало, обязательно есть и конец, и у кого конец, у того обязательно и начало. И по природе безначальное безначально во всех отношениях, по причине, и времени, и месту, и власти.

(22) Итак, два [начала] будут или друг в друге, или ограничены местом и не безначальны. Тогда как же друг в друге свет и тьма? Ведь свет уничтожает тьму. Если нет границ света и границ тьмы, то ни свет безграничен, раз он не повсюду, ни тьма. И они не всецело безначальны, имея пространственное начало. Ибо невозможно, чтобы свет и тьма совершенно не смешивались, если нет какой-то преграды и средостения. Ведь если мы в ночи зажжем светильник, пространство вокруг светильника будет светлее, а на небольшом расстоянии — потемнее, пока свет совсем не пропадет и не будет полная тьма без примеси света. Ибо или изначально тьма была примешана к свету, и они не совершенно противоположны и несообщительны, или нечто иное изначально было разделяющим их средостением, и уже не два начала, но три. То, что по природе таково, не

πεφυκός οὐ μεθίσταται, τὸ δὲ μεταβαλλόμενον οὐ φύσει. Εἰ οὖν φύσει ἀκοινώνητα τὸ φῶς καὶ τὸ σκότος, πῶς ἐκοινώνησαν μετὰ ταῦτα; Πῶς ἐξ ἀγαθοῦ καὶ πονηροῦ ἐν ζῶον ἀπετελέσθη, ὁ ἄνθρωπος; Εἰ γὰρ συνεβιάσθησαν, ἐκοινώνησαν ἀλλήλοις· ὁ γὰρ συμβιβασμὸς κοινωνία γνώμης ἐστὶ. Καὶ οὔτε ὁ ἀγαθὸς καθαρῶς καὶ τελείως ἔμεινεν ἀγαθὸς οὔτε ὁ πονηρός, ἀλλ' ἀμφοτέροι ἐτρέπησαν. Τὸ δὲ τρεπόμενον οὐκ ἀναρχον οὐδὲ θεός· ὁ γὰρ θεὸς πάντα προειδώς τὰ ἐφ' ἡμῖν πάντα τὰ οὐκ ἐφ' ἡμῖν ὀρίζει. Καὶ πάλιν· Τὸ εἶναι τῷ εἶναι ἐναντίον ἢ τὸ εἶναι τῷ μὴ εἶναι; **Μανιχαῖος**· Τὸ εἶναι τῷ μὴ εἶναι. **Ὁρθόδοξος**· Οὐκοῦν τῶν κατὰ σὲ δύο παντελῶς ἐναντίων ἀρχῶν ἢ μία ἔσται, ἢ δὲ ἑτέρα οὐκ ἔσται.

23. Καὶ πάλιν· Τὸ εἶναι τῷ εἶναι ἐναντίον; **Μανιχαῖος**· Τὸ εἶναι κακὸν τῷ εἶναι ἀγαθὸν ἐναντίον. **Ὁρθόδοξος**· Οὐκοῦν ἐνὶ καὶ τῷ αὐτῷ συνυπάρχουσι καὶ συνουσιῶνται τὰ ἐναντία. Καὶ πῶς ἐναντία; **Μανιχαῖος**· Τὸ μὴ ὄν ἀκατωνόμαστον· δεῖ γὰρ εἶναι καὶ οὕτως ὀνομάζεσθαι. Πῶς οὖν τὸ μὴ ὄν ἐναντίον τῷ ὄντι; Τὰ γὰρ ἐναντία ἀλλήλοις δεῖ πρῶτον εἶναι καὶ τότε ἐναντία εἶναι καὶ τότε ὀνομάζεσθαι ἐναντία· ὅπερ γὰρ οὐκ ἔστι τι, οὐκ ὀνομάζεται. **Ὁρθόδοξος**· Μὴ ὄν εἰπὼν ὀνόμασας ἢ οὐ; **Μανιχαῖος**· Ὀνόμασα κατὰ ἀπόφασιν, οὐ κατὰ κατάφασιν. **Ὁρθόδοξος**· Ἡ κατάφασις ἔξιν δηλοῖ καὶ ἡ ἀπόφασις στέρησιν; **Μανιχαῖος**· Ναί. **Ὁρθόδοξος**· Ἐναντία ἢ ἔξις τῇ στέρησει; **Μανιχαῖος**· Ναί. **Ὁρθόδοξος**· Ἐναντίον ἄρα τὸ μὴ ὄν τῷ ὄντι ὡς ἔξις στέρησει; **Μανιχαῖος**· Ναί. **Ὁρθόδοξος**· Τὸ κακὸν καθ' ἔξιν λέγεται ἢ κατὰ στέρησιν; **Μανιχαῖος**· Καθ' ἔξιν. **Ὁρθόδοξος**· Τὸ καλὸν καθ' ἔξιν λέγεται ἢ κατὰ στέρησιν; **Μανιχαῖος**· Καθ' ἔξιν. **Ὁρθόδοξος**· Οὐκοῦν οὐ πάντῃ ἐναντίον τὸ κακὸν τῷ ἀγαθῷ· ἔξις γὰρ ἔξει οὐκ ἐναντίον. **Μανιχαῖος**· στέρησις καὶ ἔλλειψις ὀλοκληρία. **Μανιχαῖος**· Καὶ τί φῆς; **Ὁρθόδοξος**· Οὕτω καὶ τὸ κακὸν στέρησις μᾶλλον ἔσται καὶ οὕτως ἐναντίον τῷ ἀγαθῷ ὡς ἔξει στέρησις· τὸ γὰρ κακὸν οὐδὲν ἕτερόν ἐστιν

меняется, а изменяющееся не природно. Итак, если свет и тьма по природе несообщительны, как они после этого пришли в общение? Как из блага и зла получилось одно существо, человек? Ведь если они пришли к соглашению, то общались друг с другом — ибо соглашение есть общее решение. И ни благой остался чисто и совершенно благим, ни злой, но оба изменились. А изменяющееся не безначально, и не есть Бог — ибо Бог, провидя то, что в нашей воле, определяет все то, что не в нашей. И опять-таки: бытие противоположно бытию или бытие противоположно небытию? **Манихей**: Бытие противоположно небытию. **Православный**: Тогда получится, что одно из твоих совершенно противоположных начал есть, а другое — не есть.

(23) И вновь: бытие противоположно бытию? **Манихей**: Быть добрым и быть злым противоположно. **Православный**: Значит, они сосуществуют и соосуществляются одной и той же вещью. Как же они противоположны? **Манихей**: Не сущее неизменно — ибо надлежит быть, и тогда уже именоваться. Так как же небытие противоположно бытию? Ведь противоположностям надлежит прежде быть, и тогда быть противоположностями, и тогда именоваться ими — ибо то, что не есть что-либо, не именуется. **Православный**: Сказав «не сущее», ты поименовал или нет? **Манихей**: Я поименовал в отрицательном, а не утвердительном значении. **Православный**: Утверждение означает обладание, а отрицание — лишенность? **Манихей**: Да. **Православный**: Обладание противоположно лишенности? **Манихей**: Да. **Православный**: Значит, небытие противоположно бытию как лишенность — обладанию? **Манихей**: Да. **Православный**: «Зло» говорится в смысле лишенности или обладания? **Манихей**: Обладания. **Православный**: А «Добро» в смысле лишенности или обладания? **Манихей**: Обладания. **Православный**: Итак, зло не совсем противоположно добру — ведь обладание не противоположно обладанию. **Манихей**: А разве

εἰ μὴ τοῦ ἀγαθοῦ στέρησις καὶ τὸ παντελὲς κακὸν παντελῆς τοῦ ἀγαθοῦ στέρησις. Διὸ τὸ κακὸν φαμεν μὴ ὄν μᾶλλον ὡς στέρησιν τῆς φυσικῆς ἕξεως ἢ περὶ ὄν.

24. Τί οὖν φῆς τὴν ὕλην, ζωὴν ἢ φθορὰν καὶ θάνατον, κίνησιν καὶ κινουμένην ἢ ἀκίνησιαν καὶ κινητόν, φῶς ἢ σκότος; **Μανιχαῖος:** Φθορὰν καὶ θάνατον, ἀκίνησιαν καὶ ἀκίνητον, σκότος καὶ οὐ φῶς. **Ὁρθόδοξος:** Εἰ οὖν φθορὰ, πῶς καρποὺς προήγαγε; Πῶς ἔζησεν; Ἡ γὰρ φθορὰ οὐ ζῆ οὐδὲ ζωὴν ἔχει οὐδὲ ζωῆς μεταδίδωσιν· ὁ γὰρ τις οὐκ ἔχει, πῶς μεταδίδωσι; Πῶς δὲ καὶ ἀκίνητος οὐσα ἐκινήθη καὶ μέχρι τῶν ὀρίων τοῦ φωτὸς ἔφθασε; Τίς ὁ ταύτη δοὺς τὴν ζωὴν καὶ τὸ κινητόν; Εἰ μὲν ὁ ἀγαθός, οὐκ ἀγαθὸς οὐδὲ σοφός· οὐκ ἀγαθὸς μὲν τὴν κακίαν ζωώσας καὶ κινήσας, οὐ σοφὸς δὲ οὐδὲ γνωστικὸς ἑαυτῷ παρεσχηκῶς πολέμους καὶ πράγματα καὶ καθ' ἑαυτοῦ κινήσας τὴν κακίαν ἠρεμοῦσαν καὶ ἡσυχάζουσαν· στάσεως γὰρ καὶ κακῶν ἐγένετο πρόξενος, εἰ δὲ οὐχ ὁ θεός, ἕτερος, καὶ οὐκέτι δύο, ἀλλ' ἢ τρεῖς· ὁ γὰρ τις οὐκ ἔχει, οὐ δύναται ἀφ' ἑαυτοῦ κτήσασθαι. **Μανιχαῖος:** Ἀλλὰ δυνάμει εἶχε τὸ ζῆν καὶ τὴν κίνησιν. **Ὁρθόδοξος:** Εἰ δυνάμει εἶχε ζωὴν καὶ κίνησιν, δυνάμει ἦν ἀγαθή, εἴπερ ζωὴ καὶ κίνησις ἀγαθή. **Μανιχαῖος:** Ἡ τῆς κακίας ζωὴ καὶ κίνησις οὐκ ἀγαθόν, ἀλλὰ κακόν. **Ὁρθόδοξος:** Τὸ ἐκ δυνάμεως ἐρχόμενον εἰς ἐνέργειαν τρεπτόν καὶ ἀρχόμενον καὶ οὐκ ἄναρχον καί, εἰ δυνάμει εἶχε ζωὴν καὶ κίνησιν, ἐνέργειαν ἔσχεν ὑστερον· εἰ μὲν κακὴ ἡ ταύτης ζωὴ τε καὶ κίνησις, δυνάμει ἦν κακὴ καὶ οὐκ ἐνεργεία, καὶ ἔσται ἡ κακία οὐκ ἄναρχος. Εἰ δὲ ἀγαθὸν ἡ ταύτης ζωὴ τε καὶ κίνησις, ἐκ κακίας ἦλθεν εἰς ἀγαθόν. **Μανιχαῖος:** Τί δαί; Οὐχ ἡ ἐτέρου

болезнь не противоположна здоровью?

Православный: Да, но как лишенность обладанию и недостаток — целостности.

Манихей: Ну и что? **Православный:** Так и зло скорее будет лишенностью и противоположно добру так же, как лишенность обладанию, ведь зло есть не что иное, как лишенность добра, и совершенное зло — совершенная лишенность добра. Поэтому зло, как лишенность естественного обирания, мы называем скорее не сущим, нежели не сущим.

(24) Что же, по-твоему, есть вещество — жизнь, или тление и смерть, движение и движущееся или неподвижность и движимое, свет или тьма?

Манихей: Тление и смерть, неподвижность и неподвижное, тьма, а не свет. **Православный:**

Тогда как оно произвело плоды, если оно тление? Как стало жить? Ведь тление не живет, не имеет жизни и не дает жизнь — ибо если кто чего-то не имеет, как может давать? И как, будучи неподвижно, пришло в движение и достигло границ света? Кто дал ему жизнь и движение? Если Благой, то он не благ и не мудр — не благ, потому что оживил и привел в движение зло, не мудр и не сведущ, потому что доставил себе войны и заботы, и подвиг против себя покоящееся и бездействующее зло — ведь он стал виновником возмущений и бедствий. А если не бог, то кто-то другой, и уж не двое, а трое, — ведь то, чего не имеешь, нельзя приобрести от самого себя. **Манихей:** Но вещество имело жизнь и движение в возможности.

Православный: Если в возможности оно имело жизнь и движение, то оно было в возможности благим. **Манихей:**

Жизнь и движение зла не благо, но зло. **Православный:** То, что переходит из возможности в действие, изменчиво и имеет начало, и не безначально. И если оно имело жизнь и движение в возможности, то действие приобрело впоследствии — если злы его жизнь и движение, то оно было злым в возможности, а не в действии, и зло будет не безначально. Если же его жизнь и движение благо, то из зла оно

φθορὰ ἐτέρου γένεσις; **Ὁρθόδοξος:** Οὐχ ἡ φθορὰ γίνεται γένεσις, ἀλλ' ἡ ὑπὸ θεοῦ ἐκ τοῦ μὴ ὄντος εἰς τὸ εἶναι προστάξει θεοῦ δημιουργηθεῖσα, τρεπτὴ οὕσα ὡς ἀπὸ τροπῆς ἀρξαμένη. Τροπὴ γάρ ἐστι τὸ ἐκ τοῦ μὴ ὄντος εἰς τὸ εἶναι ἐλθεῖν ὧν δὲ τὸ εἶναι ἀπὸ τροπῆς ἤρξατο, τρεπτὰ πάντως καὶ ἀλλοιωτά. Τρεπτὴ οὖν οὕσα ἢ ὕλη τῷ θεῷ προστάγματι ζωοῦται καὶ φθείρεται καὶ πάλιν ζωοῦται ὥστε οὐχ ἡ φθορὰ δημιουργεῖ γένεσιν, ἀλλὰ τὸ θεῖον πρόσταγμα ζωῆ καὶ γενεσιουργεῖ.

25. Εἰπέ δὲ καὶ τοῦτο· Τὰ ἐκ τοῦ φωτὸς ὅρια φωτὸς πεπλήρωται ἢ οὐ; **Μανιχαῖος:** Παντί που δῆλον, ὡς φωτὸς πεπλήρωται. **Ὁρθόδοξος:** Τὸ φῶς καὶ τὸ σκότος δεκτικὰ ἀλλήλων εἰσὶν ἢ ἀνεπίδεκτα; **Μανιχαῖος:** Δεκτικὰ. **Ὁρθόδοξος:** Οὐκοῦν οὐκ εἰσι φύσει, ὅ εἰσι τὸ γὰρ φύσει πεφυκὸς οὐ μεθίσταται, καὶ ἡ φύσει ζωὴ ἀνεπίδεκτος θανάτου. Πῶς οὖν ὠμίλησε φωτὶ τὸ σκότος καὶ οὐ διελύθη; Εἶτα ὁ τόπος τοῦ φωτὸς ἐπεπλήρωτο τοῦ ἀγαθοῦ καὶ τοῦ φωτὸς ἢ οὐ; **Μανιχαῖος:** Ἐπεπλήρωτο. **Ὁρθόδοξος:** Πῶς οὖν ἐχωρήθη τὸ σκότος; Οὐ γὰρ μεδιμναῖον ἀγγεῖον χωρήσει διμέδιμνον, τουτέστιν ἀγγεῖον ἑνὸς μοδίου χωρητικὸν οὐκ ἂν δύο χωρήσει μοδίους.

26. Εἶτα εἰσελθόντες οἱ τοῦ σκότους καρποὶ εἰς τὰ τοῦ φωτὸς ὅρια τί πεποιήκασιν ἢ τί πεπόνθασιν; **Μανιχαῖος:** Εἶδον τὸ φῶς καὶ ἠγάσθησαν καὶ προσεκίσθησαν αὐτῷ καὶ εἰς ἔρωτα αὐτοῦ ἦλθον. **Ὁρθόδοξος:** Ὡ σκοτεινοὶ καὶ ἀνόητοι. Τυφλὸν τὸ σκότος ἢ φωτεινόν; **Μανιχαῖος:** Τυφλόν. **Ὁρθόδοξος:** Καὶ πῶς ὀραῖν δύναται τὸ τυφλόν ἢ πῶς τὸ παντελῶς κακὸν θαυμάσει ἢ ἐρασθήσεται τοῦ ἀγαθοῦ;

27. Ὅμως αὐταὶ αἱ δύο ἀρχαὶ φθαρτικαὶ ἀλλήλων εἰσὶ; **Μανιχαῖος:** Ναί. **Ὁρθόδοξος:** Οὐκοῦν οὐ μόνη ἡ κακία ἐστὶ φθορά, ἀλλὰ καὶ ὁ ἀγαθός. **Μανιχαῖος:** Ἡ μὲν κακία φθορά, ὁ δὲ ἀγαθός ζωή. **Ὁρθόδοξος:** Οὐκοῦν ἡ μὲν

перешло в добро. **Манихей:** Так что же? Разве распад одного не есть возникновение другого?

Православный: Не распад становится возникновением, но сие последнее производится Богом, повелением Божиим созданное из не сущего в сущее, будучи изменчивым, ибо началось с превращения. Ведь перейти из не сущего в бытие есть превращение — а то, чье бытие началось с превращения, превращаемо и изменчиво. Итак, вещество, будучи изменчиво, повелением Божиим оживляется, погибает и снова оживляется — так что не тление производит возникновение, но Божие повеление оживляет и создает возникающее.

(25) Но скажи и вот что: пределы света исполнены света или нет? **Манихей:** Каждому ясно, что исполнены света. **Православный:** Свет и тьма восприимчивы друг к другу, или невосприимчивы? **Манихей:** Восприимчивы. **Православный:** Значит, они суть то, что они суть, не по природе — ведь присущее по природе не изменяется, и по природе жизнь невосприимчива к смерти. Тогда как же тьма общалась со светом и не рассеялась? Далее, место света было исполнено света и блага, или нет? **Манихей:** Было. **Православный:** Тогда как же вместились тьма? Ведь сосуд емкостью в медимн не вместит два, то есть в сосуд, вмещающий один модий, два модия не поместятся.

(26) Потом, что сделали или что претерпели плоды зла, войдя в пределы света? **Манихей:** Они увидели свет и восхитились, и прилепились к нему, и полюбили его. **Православный:** О, темные и несмысленные! Тьма слепа или просвещена? **Манихей:** Слепа. **Православный:** А как слепое может видеть или как всеконечно злое восхитится и возлюбит добро?

(27) Однако же эти два начала разрушительны друг для друга? **Манихей:** Да. **Православный:** Тогда не только зло есть тление, но и Благой. **Манихей:** Зло есть тление, а Благой жизнь. **Православный:** Итак, зло разрушает Благого и

κακία φθείρει τὸν ἀγαθὸν καὶ οὐχ ὑφίσταται, ὁ δὲ ἀγαθὸς ζωοῖ τὴν κακίαν, καὶ ὑποστήσεται μὲν ἢ κακία, ἀπωλεῖται δὲ ὁ ἀγαθός. Ὡς οὖν ἔφη, ἢ ὕλη κακὸν καὶ φθορὰ καὶ θάνατος. Τὸ οὖν κακόν, εἰ μὲν ἄλλοις κακόν, ἑαυτῷ δὲ ἀγαθόν, συνίσταται μὲν ἑαυτῷ, οὐ παντελῶς κακόν, οὐ παντελῶς φθορὰ· συνιστῶν γὰρ ἑαυτῷ, κατὰ τοῦτο οὐκ ἔσται κακόν. Εἰ δὲ παντελῶς κακόν καὶ παντελῶς φθορὰ, καὶ ἑαυτοῦ ἔσται ἀναιρετικόν καὶ ἀνύπαρκτον. Ἐκθου δὲ ἡμῖν καί, ὃν ἔφη, συγκράσεως λόγον.

28. **Μανιχαῖος**· Ἦν, ὡς ἔφην, θεὸς καὶ ὕλη, ἕκαστον ἐν τοῖς οἰκείοις ὅροις, ὁ μὲν ἀγαθὸς θεός, ζωή, φῶς, κίνησις, γνῶσις, νόησις καὶ πᾶν ἀγαθόν, ἢ δὲ ὕλη κακία, φθορὰ, σκότος, θάνατος, ἐν ἡρεμίᾳ καὶ ἡσυχίᾳ καὶ ἀκίνησίᾳ παντελεῖ. Εἶτα μετὰ πολλοὺς αἰῶνας ἐστασίασεν ἢ ὕλη πρὸς ἑαυτὴν καὶ οἱ ταύτης καρποὶ πρὸς ἀλλήλους, καὶ οὕτω τῶν μὲν διωκόντων, τῶν δὲ διωκομένων, καὶ ἦν, ὡς ἔφην, θεὸς καὶ ὕλη, τουτέστι δύο ἀρχαί· καὶ τοῦ μὲν φωτὸς μέρος ἐστὶν ἢ ψυχὴ, τοῦ δὲ σκότους καὶ τῆς ὕλης δημιουργήματα τὸ σῶμα. Ἡ δὲ μίξις οὕτως ἐγένετο. Καὶ ἕκαστον αὐτῶν ἀνὰ μέρος ἦν, καὶ ὁ μὲν ἀγαθὸς ἐν ἐνὶ μέρει ἦν, ὁ δὲ πονηρὸς ἐν τρισίν. Εἶτα ἐκινήθη ὁ πονηρὸς ἀτάκτῳ ὁρμῇ ἐκ τῶν ὁρίων αὐτοῦ καὶ ἦλθεν εἰς τὰ ὅρια τοῦ ἀγαθοῦ, καὶ γνοὺς ὁ ἀγαθὸς προέβαλεν ἐξ ἑαυτοῦ δύναμιν λεγομένην μητέρα ζωῆς, καὶ ἢ μήτηρ τῆς ζωῆς προεβάλετο τὸν πρῶτον ἄνθρωπον, τοῦτον δὲ τὸν πρῶτον ἄνθρωπον λέγω τὰ πέντε στοιχεῖα, ἅτινά ἐστιν ἀήρ, ἄνεμος, φῶς, ὕδωρ καὶ πῦρ. Ταῦτα οὖν ἐνδυσάμενος ἀπῆλθε καὶ ἐπολέμησε τῷ σκότει. Οἱ δὲ τοῦ σκότους ἄρχοντες ἔφαγον ἐκ τῆς πανοπλίας αὐτοῦ μέρος, ὃ ἐστὶ ψυχὴ· κατέσχον δὲ καὶ τὸν πρῶτον ἄνθρωπον, καὶ ἐβασανίζετο ὑπ' αὐτῶν ὢν ἐν τῷ σκότει καὶ ἐβόησε πρὸς τὸν ἀγαθόν, καὶ προεβάλετο ἄλλην δύναμιν λεγομένην ζῶν πνεῦμα. Καὶ κατήλθε καὶ ἔδωκε δεξιὰν τῷ πρῶτῳ ἀνθρώπῳ καὶ ἀνήγαγεν αὐτόν. Ἀφῆκε δὲ κάτω τὸ μέρος, ὃ ἔφαγον οἱ ἄρχοντες,

не имеет существования, а Благой оживляет зло, и зло получит существование, а Благой погибнет. Итак, как ты сказал, вещество есть зло, тление и смерть. Значит, зло, если для других оно зло, а для себя добро, то оно составляет само себя, и не всецело зло, не всецело тление — ведь находясь в согласии с самим собой, в этом оно не будет злом. Если же оно всецело зло и всецело тление, то оно будет разрушительно для самого себя и лишено существования. Но изложи нам и суть упомянутого тобою сорастворения.

(28) **Манихей**: Были, как я сказал, Бог и вещество, каждый в своих пределах, Благой — Бог, жизнь, свет, движение, знание, мышление и всякое благо, а вещество — зло, тление, тьма, смерть в полном покое и бездействии. Затем после многих веков восстало вещество само на себя и плоды его друг на друга, и тогда одни бежали, другие же преследовали, и были, как я говорил, Бог и вещество, то есть два начала, и душа есть частица света, а тело — создание тьмы и вещества. А смешение произошло так. Каждое из них было по частям, и Благой был одночастен, а Злой — трехчастен. Затем двинулся злой в беспорядочном натиске из пределов своих и пришел в пределы Благого, и Благой, узнав, произвел из себя силу, называемую Матерью Жизни, и Матерью Жизни произвела Первочеловека (Первочеловеком же я называю пять стихий, которые суть воздух, ветер, свет, вода и огонь). Итак, облачившись в это, он вышел и сражался с тьмою. А начальники тьмы пожрали часть доспехов его, что и есть душа — схватили они и Первочеловека, и он, мучимый ими во тьме, воззвал к Благому, и тот произвел другую силу, именуемую Дух Живой. И сей сошел и подал десницу Первочеловеку, и вывел его. Но внизу он оставил ту часть, которую пожрали начальники, то есть душу, ведь души возникли из части Благого, а тела — из сущности зла.

τουτέστι τὴν ψυχὴν· ἐκ γὰρ τῆς μοίρας τοῦ ἀγαθοῦ ἐγένοντο αἱ ψυχαί, ἐκ δὲ τῆς οὐσίας τῆς κακίας τὰ σώματα.

29. Ὁρθόδοξος· Εἰ κατὰ τὸν θεῖον ἀπόστολον οὐκ ἔστι κοινωνία φωτὶ πρὸς σκότος, πῶς ἐγένετο σύγκρασις ψυχῆς καὶ σώματος; Καὶ αὐτὴ δὲ ἡ πείρα, ἣτις ἐστὶ τῶν ματαίων λόγων ἰσχυρότερα, διδάσκει. Εἰσηλθε τὸ σκότος εἰς τὰ ὅρια τοῦ φωτός, καὶ οὐκ ἐλύθη; Καὶ πάλιν· Πῶς ἐχωρήθη τὸ σκότος ἐν τοῖς τοῦ φωτός ὁρίοις; Καὶ πάλιν· Εἰ μὲν σοφὸς ἦν ὁ ἀγαθός, πῶς οὐ προέγνω τὴν ἐπιδρομὴν τοῦ πονηροῦ καὶ προωχύρωσεν ἑαυτὸν καὶ τὸν τόπον αὐτοῦ; Εἰ γὰρ μὴ ἦν σοφὸς μηδὲ προγνώστης, μωρὸς τὸν δὲ μωρὸν πῶς λέγεις ἀγαθόν; Καὶ πάλιν· Εἰ ὅλον τὸ σκότος εἰσηλθεν εἰς τὰ ὅρια τοῦ φωτός, κενὸς ἔμεινεν ὁ τόπος αὐτοῦ· εἰ δὲ μέρος αὐτοῦ, πῶς μέρος αὐτοῦ ἐνίκησε τὸν ὑπὸ τοῦ ἀγαθοῦ ἀποσταλέντα πολεμῆσαι αὐτῷ; Ἄσοφος γὰρ ὁ ἀποπέμπων ἀσθενέστερον πρὸς ἰσχυρότερον. Ἡ ἀσθενὴς ὁ ἀγαθός, ὁ δὲ πονηρὸς ἰσχυρότερος. Καὶ πάλιν· Εἰ μὲν ἐκουσίως προέδωκεν ὁ ἀγαθὸς μέρος ἑαυτοῦ, τουτέστι τὴν ψυχὴν, οὐκ ἀγαθὸς ὁ ἀγαθὸν κακῶ ἐκδιδούς. Πῶς δὲ αὐτὸς ἐκδοτὸν δέδωκε τὴν ψυχὴν τῷ πονηρῷ; Κρίνειν τοὺς δουλεύοντας τῷ πονηρῷ; Ἐροῦσι γὰρ αὐτῷ· Σὺ παρέδωκας ἡμᾶς, ἀνήρηται ἡ κρίσις. Εἰ δὲ αὐτοῦ μὴ θέλοντος ἀφήρπασαν μέρος αὐτοῦ οἱ ἄρχοντες τῆς κακίας, ἀσθενέστερός ἐστι καὶ ἀμαθέστερος, πρῶτον μὲν ἀπολέσας μέρος αὐτοῦ, δεύτερον μὴ δυνηθεὶς ἀφαρπάσαι τὸ ἐξ αὐτοῦ ἀρπαγὴν· εἰ γὰρ ἐξ ἀρχῆς οὐκ ἠδυνήθη, οὐδὲ μετὰ ταῦτα δυνηθήσεται. Πῶς δὲ παραλαβὼν τοὺς ἄρχοντας τῆς κακίας ἐσταύρωσε καὶ ἐκ τῶν σαρκῶν αὐτῶν ἐποίησε τοὺς οὐρανοὺς, ἐκ δὲ τῶν ὀστέων αὐτῶν τὰ ὄρη, τὸ δὲ μέρος αὐτοῦ ἀρπαγὴν οὐ παρέλαβε; Καὶ οὕτως δὲ ἀναιρεῖται ἡ κρίσις. Ἀναίτιοι γὰρ οἱ ἀμαρτάνοντες· εἰ γὰρ αὐτὸς οὐκ ἠδυνήθη τὸ μέρος αὐτοῦ ἀπολαβεῖν, πῶς ἡ ψυχὴ ἢ κατακυριευθεῖσα δυνηθήσεται μὴ ἀμαρτάνειν καὶ ἀναίτιος ἔσται; Καὶ εἰ τελευταῖον δεσμήσει ὁ ἀγαθὸς τὴν κακίαν, ἀπολήψεται τελείως τὴν

(29) **Православный:** Если, согласно божественному апостолу, нет общения у света с тьмою (2 Кор. 6:14), как произошло слияние души и тела? Да и сам опыт, который посильнее светлых словес, учит. Тьма вошла в пределы света и не рассеялась? И опять-таки: как вместились тьма в пределы света? И еще: если мудр был Благой, почему не провидел он нападение Злого и не укрепил предварительно себя самого и свое место? Ведь если он не был мудр и провидящ, то он глуп, — а как же ты называешь глупого Благим? И опять-таки: если вся тьма вошла в пределы света, место ее осталось пустым, — а если часть ее, то как часть победила того, кто был послан Благим сражаться с нею? Ведь посылающий слабейшего сражаться с более сильным не мудр. Или же Благой слаб, а Злой сильнее. И вновь: если Благой добровольно отдал частицу свою, то есть душу, то не Благ выдавший благое злomu. Как же он сам выдал душу Лукавому? [Как он будет] судить рабствующих злу? Ведь они скажут ему: ты сам отдал нас, нет суда. А если против его воли похитили частицу его начальники зла, то он слабее и невежественнее их, во-первых, потому что потерял часть себя, а во-вторых, потому что не сумел отобрать похищенное у него, — ведь если он с самого начала не сумел, то и после того не сумеет. И как, захватив начальников зла, он распял их и из плоти их сделал небеса, из костей — горы, а похищенную свою частицу не захватил? И таким образом тоже уничтожается суд. Ведь тогда грешники невиновны — ибо если он сам не смог вернуть частицу свою, как подвластная душа сможет не грешить и быть невинной? И если в конце концов Благой свяжет зло, то получит обратно душу в совершенстве, и человек не будет наказан. И еще: если зло для души от тела, то душа невиновна. И опять-таки: лежащее мертвое тело не согрешает. Итак, зло не от тела, но от

ψυχὴν, καὶ οὐ κολασθήσεται ἄνθρωπος. Καὶ πάλιν· Εἰ ἐκ τοῦ σώματος τῆ ψυχῆ ἢ κακία, ἀναίτιος ἢ ψυχῆ. Καὶ πάλιν· Τὸ σῶμα νεκρὸν κείμενον οὐχ ἁμαρτάνει. Οὐκοῦν οὐκ ἐκ τοῦ σώματος ἢ κακία, ἀλλ' ἐκ τῆς ψυχῆς.

30. Εἶπατε ἡμῖν, ὦ Μανιχαῖοι, ἢ παρ' ὑμῖν ἄναρχος κακία, ἢν ὕλην ὀνομάζετε, ἀσώματος ἐστὶν ἢ σῶμα ἢ σύνθετον; Καὶ εἰ μὲν ἀσώματος, πῶς ὕλη; Ἡ γὰρ ὕλη οὐκ ἀσώματος. Ἀλλ' ἴσως ἐρεῖτε, ὅτι ἀσώματος μὲν ἐστὶν, ἐποίησε δὲ τὸ σῶμα. Εἶπατε οὖν ἡμῖν· Ἐκ τῆς οὐσίας αὐτοῦ ἢ ἐκ τοῦ μὴ ὄντος; Καὶ εἰ μὲν ἐκ τῆς ἑαυτοῦ οὐσίας εἶπητε, ψεύδεσθε. Ἐκ γὰρ ἀσώματος οὐσίας σῶμα οὐ προέρχεται· τὸ γὰρ φύσει πεφυκὸς οὐ μεθίσταται οὔτε ἐξ ἀσώματος εἰς σῶμα οὐσία τραπήσεται· οὐδὲ ἐκ σώματος εἰς ἀσώματον οὐδὲ ἐκ λογικοῦ εἰς ἄλογον οὐδὲ ἐξ ἀλόγου εἰς λογικόν. Ἡ γὰρ οὐσιώδης ποιότης ἀκίνητος, τὰ δὲ μεταβάλλοντα καὶ τρεπόμενα κατὰ συμβεβηκὸς τρέπεται, ἅτινα γίνονται καὶ ἀπογίνονται δίχα τῆς τοῦ ὑποκειμένου φθορᾶς. Εἰ δὲ εἶπητε ἐκ τοῦ μὴ ὄντος, εἶπατε ἡμῖν, διὰ τί ἀσώματος ὦν καὶ πονηρὸς μὴ ἐποίησε καὶ τὴν σύμμιξιν ἀπὸ πονηρῶν, διὰ τί μὴ ἐποίησε καὶ ψυχᾶς φύσει πονηρᾶς ὡς καὶ τὸ σῶμα, ὡς λέγετε, φύσει κακόν, διὰ τί συνεκέρρασε τῆ ἑαυτοῦ κακία μέρος τοῦ ἀγαθοῦ; Ὁ γὰρ ἀγαθὸς τοῦτο οὐκ ἐποίησεν· ὥστε οὐ τελῶς ἐστὶ πονηρὸς, ἀλλ' ἔχει μέρος ἀγαθόν. Καὶ ταῦτα μὲν, εἰ ἀσώματον λέγετε. Εἰ δὲ σῶμα, πῶς ἐκινήθη; Πᾶν γὰρ σῶμα καθ' ἑαυτὸ ἀπροαίρετον καὶ νεκρὸν. Πῶς οὖν ἐκινήθη; Τίς αὐτῷ δέδωκε τὴν κίνησιν; Ὁ ἀγαθός; Οὐκοῦν οὐκ ἀγαθὸς ἢ οὐ σοφὸς οὐδὲ προνοητικὸς κινήσας τὴν κακίαν. Εἰ δὲ σύνθετον εἶπητε, γινώτε, ὅτι πᾶν τὸ σύνθετον εὐδιάλυτον, καὶ ἀνάγκη, πρῶτον εἶναι τὰ ἀπλᾶ, ἐξ ὧν ἢ σύνθεσις γέγονεν, ὡς ἀνάγκη, πρῶτον εἶναι τὴν πίσσαν καθ' ἑαυτὴν καὶ τὸν κηρὸν καθ' ἑαυτὸν καὶ τότε γενέσθαι τὴν τοῦ κηροπίσσου σύνθεσιν. Ἔσονται οὖν αἱ ἀρχαὶ τῆς κακίας δύο καὶ οὐ μία.

души.

(30) Скажите нам, о манихеи, ваше безначальное зло, которое вы называете веществом, бестелесно, или тело, или нечто сложное? И если бестелесно, то как оно может быть веществом? Ведь вещество не бестелесно. Но вы, может быть, скажете: оно бестелесно, но сотворило тело. Тогда ответьте: из сущности своей сотворило, или из не сущего? И если вы скажете «из своей сущности», это неправда. Ведь из бестелесной сущности тело произойти не может — ибо то, что есть по природе, не изменяется, и сущность не превратится из бестелесного в тело — так же как и из тела в бестелесное, ни из разумного в неразумное, ни из неразумного в разумное. Ибо сущностное качество недвижимо, а превращающееся и изменяющееся превращается по привходящим признакам, возникая и пропадая без уничтожения подлежащего. Если же вы скажете «из не сущего», то ответьте нам, почему, будучи зол и бестелесен, он не сотворил и смесь из злых, и отчего не сотворил и души, злые по природе, как и тело, по-вашему, злое по природе, почему он слил с собственным злом частицу блага? Ведь это не Благой сделал — значит, он не совершенно зол, но имеет и часть благую. Вот что получится, если вы говорите, что он бестелесен. Если же зло — тело, то как оно пришло в движение? Ведь всякое тело само по себе лишено воли и мертво. Так как же оно стало двигаться? Кто дал ему движение? Благой? Тогда он не Благ, или не мудр и не провидец, раз подвиг зло. Если же скажете, что зло сложно, знайте, что все сложное легко распадается, и необходимо, чтобы сперва были простые [составляющие], из которых образовалось сложное, как необходимо, чтобы сперва была смола сама по себе и воск сам по себе, и тогда уже происходит сложение в смоловоск. Так что

31. Εἶπατε οὖν, ὦ Μανιχαῖοι· Αἱ παρ' ὑμῖν δύο ἀρχαὶ παντελῶς εἰσὶν ἀκοινωνήτοι ἢ ἔν τισι κοινωνοῦσι καὶ ἔν τισι διαφέρουσι καί, εἰ μὲν παντελῶς εἰσὶν ἀκοινωνήτοι, ἢ μία ἔσται καὶ ἢ μία οὐκ ἔσται. Εἰ δὲ κοινωνοῦσι κατὰ τὸ εἶναι ὡς οὐσία καὶ συμβεβηκός, τὸ ἓν ἔν τῷ ἑτέρῳ ἔχει τὴν ὑπαρξίν· τὸ γὰρ συμβεβηκός καθ' αὐτὸ οὐχ ὑφίσταται, ὡς τὸ χρῶμα οὐ δύναται συστήναι ἄνευ σώματος. Ἔστι δὲ τὸ μὲν σῶμα οὐσία, τὸ δὲ χρῶμα συμβεβηκός· τὸ δὲ συμβεβηκός γίνεται καὶ ἀπογίνεται χωρὶς τῆς φθορᾶς τοῦ ὑποκειμένου, τοῦ χρώματος ἀλλασσομένου τὸ σῶμα τὸ αὐτὸ μένει. Οἶαν οὖν θέλετε, εἶπατε οὐσίαν καί, οἶον θέλετε, συμβεβηκός· εἰ δὲ ἀμφότεροι οὐσίαι, γινῶτε, ὅτι οὐσία οὐ διαφέρει μὲν οὐσίας, οὐκ ἔστιν δὲ ἐναντία οὐσία οὐσίας εἰ μὴ κατὰ συμβεβηκός. Εἰ ἔστιν ὁ ἀγαθός, καὶ ἔστιν ὁ πονηρός, καὶ οὐσία ἔστιν αἰδῖος καὶ ἄτρεπτος, ἐνεργητικὴ, δημιουργητικὴ ἐκάτερον αὐτῶν· ἓν εἰσι τῇ οὐσίᾳ ἀμφότεροι, ποιότητι δὲ διαφέρουσι. Καὶ πάλιν· Ὁρῶμεν τὰ στοιχεῖα καὶ τοὺς καιροὺς, οὐρανόν τε καὶ γῆν καὶ θάλασσαν αἰεὶ ὡσαύτως ἔχοντα, καὶ νύκτα καὶ ἡμέραν ἡλίου τε καὶ σελήνης καὶ ἄστρον κινήσεις καὶ ὄμβρους καὶ τὰ τῆς γῆς ἐκφόρια κατὰ λόγον καὶ καθ' εἰρμόν τεταγμένα καὶ ῥυθμιζόμενα. Εἰ οὖν δύο ἀρχαὶ ἀλλήλαις ἐναντίαι, πῶς εὐθέτως τὰ πάντα διεξάγεται, εἰ μὴ συνεβιβάσθησαν φιλικῶς τρόπῳ; Εἰ ἑαυτὴν ἀνήλωκεν ἢ ὑλή, πῶς ἐκινεῖτο; Εἰ δὲ πρὸς τὴν ἑαυτῆς ἀνάλωσιν ἐκινεῖτο, πῶς ἦλθεν ἐπὶ τὰ τοῦ φωτὸς ὅρια; Εἰ κατωφερῆς ἢ ὑλή καὶ φυσικὸς τόπος αὐτῆς τὰ κατώτερα καὶ σκοτεινότερα, πῶς ἐλθοῦσα ἐπὶ τὰ τοῦ φωτὸς ὅρια ἐξῆλθεν ἐκ τῆς ἑαυτῆς φύσεως; Τὸ σκότος τυφλόν· πῶς οὖν εἶδε τὸ φῶς; Εἰ ἄτακτος καὶ ἄνους ἢ ὑλή, πῶς ἔχει ἄρχοντας; Πῶς δὲ καὶ πολεμῆσαι δύναται τῷ λόγον καὶ τάξιν ἔχοντι; Ἡ καὶ πολεμοῦσα ἐπικρατεστέρα γενήσεται, ὥστε ἀρπάσαι τι παρὰ τοῦ σοφοῦ καὶ μὴ ἀρπαγῆναι; Εἰ δὲ ὁ ἀγαθὸς θεὸς συνεχώρησε μέρος αὐτοῦ ἀρπαγῆναι διὰ τὸ ἐπισχεῖν αὐτὴν τοῦ μὴ

будет два начала зла, а не одно.

(31) Итак, скажите, манихеи: ваши два начала совершенно несообщительны, или в чем-то имеют общность, а в чем-то различаются? И если совершенно несообщительны, то одно есть, а другого нет. Если же они сообщаются по бытию, как сущность и привходящий признак, то одно имеет существование в другом — ибо привходящий признак сам по себе не существует, как не может быть цвета вне тела. Но тело есть сущность, а цвет — привходящий признак, и он появляется и исчезает без уничтожения сущности — когда меняется цвет, тело остается тем же. Итак, назовите какую угодно сущность и какой угодно привходящий признак — если же то и другое сущности, то знайте, что сущность не отличается от сущности, и сущность не противоположна сущности иначе, как через привходящий признак. Если есть Благой и есть Злой, и каждый из них есть сущность вечная, неизменная, действенная, созидательная — то оба они суть одно по сущности, а различаются качеством. И еще: мы видим, что стихии и времена, небо и земля, и море всегда одни и те же, и ночь, и день, движение солнца, и луны, и звезд, и ливни, и произведения земли разумно и стройно упорядочены и распределены. Итак, если есть два начала, противоположные друг другу, то как все происходит благополучно, если они не согласились между собою дружеским образом? Если вещество уничтожило само себя, как оно двигалось? Если же оно двигалось к собственному уничтожению, как пришло к пределам света? Если вещество тяготеет книзу, и естественное его место нижнее и более темное, то как оно вышло из собственной природы, чтобы придти к пределам света? Тьма слепа: как же тогда она узрела свет? Если вещество беспорядочно и неразумно, как оно имеет начальников? И как может воевать с имеющим порядок и смысл? Да еще взять верх, так, чтобы захватить нечто у мудрого и не быть захваченным? Если же благой бог не сумел

προβῆναι εἰς τὰ ἑαυτοῦ ὅρια οὐ δυναθεῖς ἄλλως, ἰσχυρότερος ὁ πονηρὸς καὶ δολοπλόκος ὁ ἀγαθός. Καὶ πῶς ἀγαθὸς ἢ θεὸς δόλω καὶ μὴ δυνάμει χρώμενος; Τὸ ἀεὶ ὡσαύτως ἔχον ἀλήθειά ἐστιν, ἢ δὲ ἀλήθεια ἀγαθόν· τὸ δὲ ἀναρχον ἀτρεπτον. Εἰ οὖν ἀναρχος ἢ ὕλη, καὶ ἀτρεπτος ἔσται· εἰ δὲ ἀτρεπτος, ἀεὶ ὡσαύτως ἔχουσα· εἰ δὲ ἀεὶ ὡσαύτως ἔχουσα, ἀλήθειά ἐστιν· εἰ δὲ ἀλήθειά ἐστιν, ἀγαθὸν ἔσται. Εἰ δὲ τρέπεται ἢ ὕλη, ἐξ ἀγαθοῦ εἰς κακόν, καὶ πρότερον οὔσα ἀγαθὴ ὕστερον ἐγένετο κακὴ, ἢ εἰς ἀγαθὸν ἐκ κακοῦ, καὶ πρότερον οὔσα κακὴ ὕστερον ἐγένετο ἀγαθὴ· ἢ γὰρ τροπὴ εἰς τὸ ἐναντίον ἄγει. Ἡ αἰδῖος οὐσία ἀτρεπτός ἐστιν· οὐ γὰρ ἐκ μὴ ὄντος ἦλθεν εἰς τὸ εἶναι· οὐ δὲ ἢ ὑπαρξίς οὐκ ἐκ προκοπῆς, ἀτρεπτος ἢ οὐσία. Ἀγαθὸς οὖν ὢν ὁ θεὸς καὶ αἰδῖος οὐχ ὑπομένει τροπὴν, ἀλλ' ἀεὶ ἀγαθός ἐστι καὶ, ἃ δὲ ποιεῖ, ἀγαθὰ ἐστιν· ἐκ γὰρ τοῦ ἀγαθοῦ οὐκ ἐγχωρεῖ κακὰ γίνεσθαι, ὅμως δὲ τρεπτὰ, ἐπειδὴ ἐκ τοῦ μὴ ὄντος εἰς τὸ εἶναι παράγει. Τὰ οὖν λογικὰ δεκτικὰ μὲν ἐστὶ τροπῆς διὰ τὴν ἐκ τοῦ μὴ ὄντος εἰς τὸ εἶναι παραγωγὴν, ἀλλ' αὐτεξούσια διὰ τὸ λογικὰ εἶναι. Αὐτεξούσια δὲ μένει, καθὼς γέγονε, τουτέστιν ἀγαθὰ, δοῦλα καὶ ἐπιγνώμονα καὶ ὑπήκοα τοῦ πεποιηκότος, ὅπερ ἐστὶ τῆ κτιστῆ φύσει· ἀρετὴ γὰρ ἐστὶ τὸ μένειν ἐν τοῖς ὅροις τῆς οἰκείας φύσεως. Αὐτεξουσίως οὖν ἐτράπη ὁ ἄνθρωπος μεγάλου ἐπιθυμήσας, οὐ καλῶς δέ· μέγα γὰρ τὸ εἶναι θεόν, ἀλλὰ κακὸν τῷ μὴ ὄντι θεῷ ἀγνωμονεῖν τῷ ποιήσαντι καὶ ὑπερβαίνειν τὴν οἰκείαν φύσιν καὶ θέλειν εἶναι, ὃ γενέσθαι αὐτὸν ἀδύνατον· ἀδύνατον γὰρ τὸν μὴ ἀναρχον εἶναι θεόν ἢ τὸν ἠργμένον εἶναι ἀναρχον. Ἄγει οὖν τῶν ὄντων τὴν στέρησιν ἢ τοῦ μὴ προσήκοντος ζήτησις.

32. **Μανιχαῖος**: Τίς ἢ κακία τοῦ διαβόλου; **Ὁρθόδοξος**: Ἡ κατὰ τοῦ ποιήσαντος ἐπανάστασις. Δέδωκεν οὖν αὐτῷ ὁ θεὸς τὸ

удержать вещество от продвижения в свои пределы иначе как попустив, чтобы частица его была похищена, то Злой сильнее, а Благой — кознодей. И как будет Благим или богом тот, кто пользуется хитростью, а не силой? То, что всегда таково, каково оно есть, — истина, а истина есть благо. Безначальное же неизменно. Итак, если вещество безначально, то и неизменно, пребывая всегда таким, какое есть: если же всегда таково, каково оно есть, то оно есть истина, — а если оно истина, то и благо. Если же вещество превращается, то или из благого в злое, и прежде будучи благим, затем стало злым, или же из злого в благое, и прежде будучи злым, затем стало благим — ведь превращение ведет к противоположности. Вечная сущность неизменна — ибо она не пришла в бытие из не сущего, а у того, чье существование не из развития, сущность неизменна. Итак, Бог, будучи благ и вечен, не терпит превращения, но всегда благ, и то, что Он творит, благо — ибо невозможно, чтобы из блага возникало зло, — однако же изменчиво, потому что Он приводит это в бытие из небытия. Таким образом, разумные существа допускают превращение из-за приведения в бытие из не сущего, но имеют свободу воли, потому что разумны. По своей воле они остаются такими же, какими возникли, то есть благими, рабами, знающими Сотворившего и послушными Ему, что присуще тварной природе, — ибо благо оставаться в пределах собственной природы. Итак, по своей воле превратился человек, возжелав великого, но не по-хорошему — ибо великая вещь быть Богом, но нехорошо тому, кто не Бог, быть неблагодарным Сотворившему и переступать собственную природу, и хотеть быть тем, чем невозможно ему стать, — ибо невозможно небезначальному быть Богом или начавшемуся быть безначальным. Так что искания неположенного ведут к утрате имеющегося.

(32) **Μανιχῆς**: В чем зло дьявола? **Πρωσλαβνῆς**: В восстании против Творца. Поэтому Бог дал ему бытие, чтобы не

εἶναι, ἵνα τε μὴ δόξη φοβεῖσθαι τὴν τοῦ δούλου ἐπανάστασιν καὶ ἵνα διδάξη ἡμᾶς καὶ πρὸς τοὺς κακοὺς εὐεργετικῶς διακεῖσθαι. Οὐ μόνον γὰρ ἐποίησεν αὐτόν, ἀλλὰ καὶ ἄρχοντα τοῦ κόσμου ἐποίησεν αὐτόν καί, εἶπερ θελήσει ἀγαθὸς γενέσθαι, δέχεται καὶ εὐεργετεῖ. Διὸ καὶ δυνάμενος ἀνελεῖν αὐτόν οὐκ ἀνεῖλεν, ἀλλ' ἀνέχεται τῆς ἀφροσύνης αὐτοῦ εὐεργετικῶς καὶ ἀφθόνως τὸ εἶναι παρέχων αὐτῷ, ὅπερ ἐστὶν αὐτοῦ. Τὸ δὲ καλὸν γενέσθαι αὐτόν οὐ τοῦ θεοῦ μόνου, ἀλλὰ καὶ αὐτοῦ· τὸ γὰρ βία γινόμενον οὐ καλὸν οὐδὲ ἀρετῆ.

33. Εἰ δὲ λέγεις ὅτι, διὰ τί εἶασεν αὐτόν πολεμεῖν τοῖς ἀνθρώποις, φημί, ὅτι πρὸς τὸ συμφέρον· πολλοὶ γὰρ δι' αὐτοῦ στεφανοῦνται. Εἰ δὲ λέγεις, ὅτι καὶ πολλοὶ ἀπόλλυνται, φημί, ὅτι, ὡσπερ ἠδυνήθη αὐτὸς ὁ διάβολος ἐκτὸς προσβολῆς ἄλλου γενέσθαι κακὸς ἐξ οἰκείας γνώμης, ὅπερ καὶ χειρὸν αὐτῷ ἐστὶν ἔγκλημα, οὕτως ἠδύνατο καὶ ὁ ἄνθρωπος ἐξ ἑαυτοῦ καὶ μὴ ἔχων τὸν προσβάλλοντα γενέσθαι κακός, καὶ ἐγένετο ἂν αὐτῷ ἡ ἁμαρτία χειρὸν· πλείονος γὰρ ἀπολογίας καὶ συγγνώμης ἀξιοῦται ὁ ἐξ ὑποβολῆς ἄλλου ἁμαρτάνων ἢπερ ὁ ἐξ ἑαυτοῦ. Ὁ γὰρ ἐξ ἑαυτοῦ ἁμαρτάνων ἀναπολόγητός ἐστιν, ὡσπερ καὶ ὁ ἐξ ἑαυτοῦ μετερχόμενος τὴν ἀρετὴν πλέον ἐπαινεῖται. Διὸ ὁ διάβολος μὲν ἐξ ἑαυτοῦ ἁμαρτήσας ἀμετανόητος ἔμεινεν, ὁ δὲ ἄνθρωπος οὐκ ἐξ ἑαυτοῦ ἁμαρτήσας, ἀλλ' ἐκ τῆς τοῦ διαβόλου προσβολῆς ἐν μετανοίᾳ γέγονε καὶ ἠξιώθη τῆς ἀνακαινίσεως καὶ ἀφέσεως τῶν ἁμαρτιῶν. Τὸ οὖν εἶναι ἀγαθὸν ἐστὶ καὶ δῶρον θεοῦ.

34. **Μανιχαῖος:** Διὰ τί προγνοὺς ὁ θεὸς πονηρὸν ἐσόμενον τὸν διάβολον ἐποίησεν αὐτόν; **Ὁρθόδοξος:** Δι' ὑπερβολὴν ἀγαθότητος ἐποίησεν αὐτόν. Ἐφη γάρ· Ἐπειδὴ οὗτος πονηρὸς μέλλει ἔσεσθαι καὶ ἀπολλύειν πάντα τὰ διδόμενα αὐτῷ ἀγαθὰ, στερήσω αὐτόν καὶ γὰρ τελείως τοῦ ἀγαθοῦ καὶ ἀνύπαρκτον αὐτόν ποιήσω; Οὐδαμῶς. Ἄλλ' εἰ καὶ αὐτὸς πονηρὸς ἔσται, ἐγὼ τῆς μετουσίας μου μὴ στερήσω αὐτόν, ἀλλὰ δώσω αὐτῷ ἐν ἀγαθόν,

показалось, будто Он боится восстания раба, и чтобы научить нас поступать благотворно даже со злыми. Ведь Он не только сотворил его, но и сделал начальником мира, и если тот захочет стать благим, Он примет его и облагодетельствует. Поэтому Он, хотя и мог уничтожить его, не уничтожил, но сносит его безрассудство, благотворно и независтливо предоставляя ему бытие, которое принадлежит Ему. А чтобы тот стал добрым, это зависит не только от Бога, но и от него самого — ведь происходящее насильственно не есть добро, ни добродетель.

(33) Если же скажешь: зачем Он позволил ему воевать против людей, я отвечу, что для пользы — ибо многие через то увенчиваются. Если же скажешь, что многие и погибают, отвечу, что как сам диавол сумел стать злым без стороннего влияния по своему собственному решению (что для него и есть худшее обвинение), так мог бы и человек сам от себя и без подстрекателя стать злым, и был бы ему худший грех — ибо большего прощения и снисхождения достоин согрешающий по наущению другого, нежели от самого себя. Ибо согрешивший от самого себя неизвинителен, так же как и сам от себя следующий добродетели заслуживает большей похвалы. Поэтому диавол, согрешив сам от себя, остался нераскаян, а человек, согрешивший не от себя, но под натиском диавола, пришел к раскаянию, и удостоился обновления и оставления грехов. Так что бытие есть благо и дар Божий.

(34) **Манихей:** Почему Бог, провидя, что диавол будет зол, сотворил его? **Православный:** Он сотворил его по избытку благости. Ибо сказал: «Раз сей будет зол и потеряет все даруемые ему блага, то и Я совершенно лишу его блага и сделаю его несуществующим? Никоим образом. Но даже если он сам будет зол, Я не лишу его причастия Моего, но дам ему одно благо, причастие Мое через бытие, чтобы даже против воли он был причастен Моему

τὴν διὰ τοῦ εἶναι μετουσίαν μου, ἵνα, κἂν μὴ θέλῃ, μετέχη μου τοῦ ἀγαθοῦ διὰ τοῦ εἶναι. Οὐδεὶς γάρ ἐστιν ὁ συγκρατῶν καὶ συνέχων τὰ ὄντα ἐν τῷ εἶναι εἰ μὴ ὁ θεός· τὸ γὰρ εἶναι ἀγαθὸν ἐστι καὶ δῶρον θεοῦ.

35. **Μανιχαῖος**· Τὸ εἶναι τοῖς οὐσίς ἐκ θεοῦ τοῦ ἀγαθοῦ· εἰ οὖν πᾶσι τοῖς οὐσίς ἀγαθὸν τὸ εἶναι ὡς ἐκ θεοῦ τοῦ ἀγαθοῦ δεδομένον, καὶ τῷ διαβόλῳ ἀγαθὸν τὸ εἶναι. **Ὁρθόδοξος**· Πάντα τὰ ὄντα ἐκ τοῦ θεοῦ ἔσχε τὸ εἶναι. Πάντα τὰ δοθέντα ἐκάστῳ ὑπὸ θεοῦ, ἃ καὶ ἀγαθὰ ἐστὶ τὰ γὰρ ἐκ τοῦ ἀγαθοῦ διδόμενα ἀγαθὰ. Κακὸν δὲ οὐδὲν ἕτερόν ἐστιν εἰ μὴ ἡ τῶν ἀγαθῶν, τουτέστι τῶν ὑπὸ θεοῦ δοθέντων, ἀποβολή. Οἱ οὖν ἐκ θεοῦ κἂν τὸ εἶναι ἔχοντες ἐν μετουσίᾳ μερικῇ τοῦ ἀγαθοῦ εἰσι κατ' ἔσχατον ἀπήχημα. Καλὸν οὖν ἐστὶν εἶναι τὸν διάβολον καὶ διὰ τοῦ εἶναι μετέχειν τοῦ ἀγαθοῦ. Τὸ οὖν εἶναι καλόν, τὸ δὲ εὔ εἶναι κάλλιον. Τελεία γὰρ ὑπαρξίς τὸ ὑγιαίνειν, τὸ νοσεῖν καὶ εἶναι μερικὸν κακὸν καὶ φθορά· οὐ γὰρ τελεία ἀνυπαρξία, ἀλλὰ μερικὴ ὑπαρξίς καὶ μερικὴ ἀνυπαρξία. Τὸ μὴ εἶναι τέλειον κακόν· τελεία γὰρ φθορά καὶ ἀνυπαρξία τὸ τελείως μὴ ὄν. Τὸ οὖν εἶναι καὶ τὸ εὔ εἶναι καλὰ καὶ παρὰ θεοῦ, τὸ δὲ κακὸν ἐξ ἀγαθοῦ γενέσθαι τῆς τοῦ γινομένου γνώμης. Ὁ οὖν θεὸς δι' ὑπερβολὴν ἀγαθότητος καὶ τῷ πονηρῷ τὰ ἀγαθὰ δέδωκε, τὸ εἶναι καὶ τὸ εὔ εἶναι.

36. Ἐγκαλεῖτε ἡμῖν, ὦ Μανιχαῖοι, διὰ τί προγινώσκων ὁ θεὸς τὸν διάβολον κακὸν ἐσόμενον ἐποίησεν αὐτόν, καὶ ἀπεδείξαμεν διὰ πλειόνων, ὅτι κατὰ τὸν φυσικὸν τοῦ δικαίου λόγον καλῶς ἐποίησεν αὐτόν· κρείσσον γὰρ κατὰ τὸν φυσικὸν λόγον κἂν εἶναι καὶ κατὰ τὸν τοῦ εἶναι λόγον μετέχειν τοῦ ἀγαθοῦ. Ἐκ τοῦ θεοῦ γὰρ τοῦ μόνου αἰεὶ ὄντος αὐτὸ τὸ εἶναι, ἀγαθοῦ καὶ ἀγαθῶν παρεκτικῶς· τὸ δὲ ἐκ τοῦ ἀγαθοῦ ἀγαθὸν πάντως ἐστίν. Εἰ δὲ λέγετε, ὅτι συνέφερον αὐτῷ μὴ γενέσθαι ἢ περ γενέσθαι καὶ κολασθῆναι ἀτελευτήτως, φαμέν, ὅτι ἡ κόλασις ἐκείνη οὐδὲν ἕτερόν ἐστιν εἰ μὴ πῦρ ἐπιθυμίας τῆς κακίας καὶ ἁμαρτίας καὶ πῦρ ἀστοχίας τῆς ἐπιθυμίας. Οὐ γὰρ

благу через бытие». Ибо никто не удерживает и не связует сущее в бытии, кроме Бога — ибо бытие есть благо и дар Божий.

(35) **Μανιχeй:** Бытие у сущих от благого Бога: итак, если для всех сущих бытие благо, как данное благим Богом, то и для диавола бытие благо. **Πρωσλαβνύη:** Все сущие получили бытие от Бога. Все, что дал каждому Бог, и есть благо — ибо что дает благой, благо. А зло есть не что иное, как утрата благ, то есть дарованного Богом. Так что в тех, кто имеет от Бога хотя бы бытие, отчасти присутствует благо, как бы последним отзвуком. Итак, бытие добро, а благое бытие лучше. Ибо здоровье есть совершенное существование, бытие в болезни есть частичное зло и тление — ибо это не совершенное несуществование, но частичное существование и частичное несуществование. Небытие — совершенное зло, ибо совершенно не сущее есть совершенное тление и несуществование. Посему бытие и благое бытие — добро и от Бога, а из благого стать злым, зависит от воли того, кто становится. Итак, Бог по преизбытку благости дал блага и злему, бытие и благое бытие.

(36) Вы вменяете нам, о манихеи, почему Бог, предвидя, что диавол будет зол, сотворил его, и мы подробно доказали, что по естественному смыслу справедливости Он поступил хорошо, сотворив его, — ибо по естественному смыслу лучше хоть как-то быть и по причине бытия приобщаться к благу. Ибо само бытие от Бога, единого присносущего, благого и Дарителя благ — а то, что от благого, конечно, благо. Если же вы говорите, что лучше было бы ему не появляться, чем появиться и терпеть бесконечную кару, мы (кажем, что кара эта есть не что иное, как огонь вожделения ко злу и греху и огонь неудовлетворенного вожделения. Ибо не Бога вожделеют неизменно пребывающие во

ἐπιθυμοῦσι θεοῦ οἱ ἐν τῇ κακίᾳ τὸ ἄτρεπτον ἐσχηκότες, ἀλλὰ τῆς κακίας, ἐκεῖ δὲ ἐνέργεια κακίας καὶ ἁμαρτίας οὐκ ἔσται. Οὐδὲ γὰρ ἐσθίομεν οὐδὲ πίνομεν οὐδὲ ἐνδύομεθα οὐδὲ γαμοῦμεν οὐδὲ πλουτοῦμεν οὐδὲ φθόνος ἰσχύει οὐδέ τι τῶν τῆς ἁμαρτίας εἰδῶν. Ἐπιθυμοῦντες οὖν καὶ μὴ ἔχοντες τὰ τῆς ἐπιθυμίας πυρὸς δίκην ὑπὸ τῆς ἐπιθυμίας καταφλέγονται. Οἱ δὲ τοῦ ἀγαθοῦ, τουτέστι μόνου τοῦ θεοῦ, ἐπιθυμοῦντες, τοῦ ὄντος καὶ αἰεὶ ὄντος, καὶ τυγχάνοντες εὐφραίνονται κατὰ τὴν ἀναλογίαν τῆς ἐπιθυμίας αὐτῶν, καθ' ἣν τυγχάνουσι τοῦ ἐπιθυμουμένου. Τὸ μὲν οὖν ὄντως ἀγαθὸν τὸ φύσει ἐστὶν ἀγαθόν, καὶ ποσῶς μετέχειν κατ' αὐτὸ τὸ εἶναι τοῦ ἀγαθοῦ. Τὸ δὲ δοκοῦν ἀγαθὸν οὐ φύσει ἀγαθὸν ἐστὶ, ἀλλὰ κακόν. Τὸ προκρίνειν τὴν τῶν κτισμάτων ἀπόλαυσιν τῆς τοῦ κτίστου ἀπολαύσεως καὶ τὸ οἰκεῖον θέλημα τοῦ θελήματος τοῦ δημιουργοῦ οὐκ ἔστι δικαίου οὐδὲ ἀγαθοῦ, προκρίνειν τὸ ἡμῖν δοκοῦν ἀγαθόν, ὅπερ κακόν μᾶλλον ἐδείχθη, τοῦ ὄντος φύσει ἀγαθοῦ, ἀλλὰ γενέσθαι μὲν αὐτὸν καὶ ἔχειν μοῖραν τινα καὶ μικροτάτην τοῦ ὄντως ἀγαθοῦ ἤπερ διὰ τὸ κακόν, τουτέστι τὴν ἄδικον ἔφεσιν καὶ λύπην, στερηθῆναι καὶ αὐτῆς τῆς μικρᾶς μοίρας τοῦ ἀγαθοῦ. Ὁ γὰρ θεὸς οὐ κατὰ τὴν ἡμετέραν κρίσιν τὴν ἄλογον κρίνει, ἀλλὰ κατὰ τὸ ὄντως ἀγαθὸν καὶ δίκαιον, οὐδὲ τοῖς πάθεσιν ἡμῶν ἐξακολουθεῖ οὐδὲ διὰ νομιζομένην συμπάθειαν, τὴν ὄντως ἐμπάθειαν, τὸν τοῦ δικαίου λόγον προδίδωσι.

37. Καὶ πάλιν· Ὁ θεὸς τὰ μήπω ὄντα ὡς ὄντα καλεῖ καὶ τὰ ἐσόμενα ὡς ἤδη γεγεννημένα θεωρεῖ καὶ κρίνει. Ὡς περ οὖν τὸν ἤδη ἁμαρτήσαντα ὁ κριτὴς δικαίως κολάζει καὶ μὴ κολάσῃ, ἄδικός ἐστί καὶ οὐκ ἔστιν αὐτὸς αἴτιος τῆς τοῦ κολαζομένου ἁμαρτίας ἢ τιμωρίας, ἀλλ' ἢ τοῦ ἁμαρτήσαντος προαίρεσις, οὕτως ὁ θεὸς ὡς ἤδη γεγεννημένον τὸ ἐσόμενον βλέπων ἔκρινεν γενέσθαι καί, εἰ κακὸς γένοιτο, ἐξ αὐτοῦ κολασθῆναι. Διὸ καὶ ἐποίησεν αὐτὸν καὶ ἀγαθὸν ἐποίησεν αὐτόν· αὐτὸς δὲ ἐξ οἰκείας προαιρέσεως γέγονε κακὸς καὶ ἑαυτῷ γέγονε

зле, но зла, а там уже не будет действия зла и греха. Ведь [в вечности] мы ни едим, ни пьем, ни одеваемся, ни женимся, ни богатеем, и зависть не имеет силы, и никакой вид греха. Поэтому, возделая и не имея предмета возделения, они сжигаются возделением, словно огнем. А возделующие блага, то есть единого Бога, сущего и присносущего, и достигающие Его радуются сообразно своему возделению, по которому они достигают возделенного. Итак, истинное благо есть благо по природе — хоть как-то приобщиться к благу по самому бытию. А кажущееся благим — по природе не благо, но зло. Не дело праведного и благого предпочитать наслаждение тварью наслаждению Созидателем и собственную волю — воле Творца, и кажущееся нам благо, которое окажется скорее злом, предпочитать тому, что есть благо по природе. Но [лучше было], чтобы он возник и имел хотя бы малейшую часть истинного блага, чем из-за зла, то есть несправедного устремления и скорби, лишился даже и той самой малой части блага. Ибо Бог судит не нашим неразумным судом, но согласно истинно благому и праведному, не следует нашим страстям и не предаёт справедливость из-за мнимого сострадания, которое по истине есть пристрастие.

(37) И опять-таки: Бог именуёт ещё не сущих как сущих, и будущее созерцает и судит как уже совершившееся. Итак, как судья справедливо наказывает уже согрешившего — и если не накажет, будет несправедлив, — и не сам он является причиной греха или кары наказуемого, но выбор согрешившего, так и Бог, видя будущее как уже совершившееся, судил, чтобы он возник, и, если сделается зол, был наказан Им. Поэтому Он и сотворил его, и сотворил благим — тот же сам по собственному выбору стал злым и сам для себя сделался виновником кары, а вернее,

τῆς τιμωρίας αἴτιος, μᾶλλον δὲ ἑαυτὸν τιμωρεῖται τῶν μὴ ὄντων ἐφιέμενος. Ὅτι δὲ οὐχ ἢ πρόγνωσις τοῦ θεοῦ γέγονεν αἰτία αὐτῶ τῶ διαβόλῳ τοῦ κακὸν ἔσεσθαι, δῆλον· οὐδὲ γὰρ ὁ προγινώσκων ἰατρὸς τὴν ἐσομένην νόσον αἰτιὸς ἐστὶ τῆς νόσου, ἀλλ' αἴτιον μὲν τῆς νόσου ἢ ἀταξία, ἢ δὲ πρόγνωσις τῆς τοῦ ἰατροῦ ἐπιστήμης γνώρισμα καὶ αἴτιον τῆς προγνώσεως τὸ οὕτως μέλλειν ἔσεσθαι. Ὅτι δὲ οὕτως ἐστὶ, φησὶν ὁ ἀπόστολος· Ὁ καλῶν τὰ μὴ ὄντα ὡς ὄντα. Καὶ τοῦτο δὲ εἰδέναι χρή, ὅτι, καθὼς ἐξέληται ἢ ψυχὴ ἐκ τοῦ σώματος, οὕτως διαμένει ἀτρεπτος τοῦ λοιποῦ εἴτε τὸ ἀγαθὸν ποθοῦσα, εἴτε τὸ πονηρόν.

38. Ἐπὶ πᾶσι δὲ τούτοις τοῦτο φαμεν ἀγαθόν, ὅπερ θέλει ὁ θεός· ὡσπερ γὰρ τὸ φῶς ἐκ τοῦ ἡλίου ὀρίζεται, οὕτω καὶ τὸ ἀγαθὸν ἐκ τοῦ θεοῦ. Πᾶν οὖν, ὃ θέλει ὁ ἀγαθός, ἀγαθόν ἐστὶ, καὶ τοῦτο ἐστὶν ἀγαθόν, ὃ θέλει. Κριτὴς ἐστὶν ὁ θεός, οὐχ ἡμεῖς κριταὶ τοῦ θεοῦ. Τί οὖν αὐτὸν ἀνακρίνομεν; Θεὸς ὀρρωδεῖ καὶ δειλιᾷ καὶ δέδοικε; Θεὸς φοβούμενος μὴ εἶη θεός.

39. Εἰ ὁ ἥλιος καὶ ἡ σελήνη πλοῖα γεγόνασι διὰ τὸ ἀγαγεῖν τὴν μοῖραν, ἣν ἤρπασεν ἡ ὕλη ἀπὸ θεοῦ, οὐκ ἦν πρὸ τούτου ἥλιος οὐδὲ σελήνη, καὶ σκότῳ ἦν ὁ ἄνθρωπος.

40. Εἰ καθ' ὑμᾶς ἢ θλιψὶς κακὴ, πάντως ἢ ἡδονὴ καὶ ἢ ἀπόλαυσις ἀγαθῆ, καί, εἰ τοῦτο, ἀγαθὸν ἢ πορνεία καὶ ἢ γαστριμαργία καὶ ὅσα τέρπει καὶ ἡδύει τὸν πράττοντα, ὅσα δὲ λυπεῖ, ἐγκράτεια, νηστεία, ἀγρυπνία καὶ τὰ τοιαῦτα, κακά.

41. Εἰ ἐγκαλεῖτε θεῶ τὴν τοῦ κατακλυσμοῦ πανολεθρίαν καὶ τῶν Σοδομιτῶν τὴν ἐκφλόγωσιν καὶ τοῦ Φαραῶ τὸν ποντισμὸν πρὸς τὸ συμφέρον παιδεύοντι, ἐγκαλέσατε μᾶλλον αἰωνίως κολάζοντι.

42. Τὸ ἐκ τῆς ἑαυτοῦ οὐσίας προφέρειν οὐ δημιουργημα, τὸ δὲ ἐκ μὴ ὄντων δημιουργημα. Εἰ οὖν δημιουργεῖ ἢ κακία, ἐκ μὴ ὄντων παράγει, καὶ οὐκέτι ἐκ τῆς ὕλης τὸ σῶμα· εἰ δὲ ἐκ τῆς ὕλης, τουτέστιν ἐκ τῆς οὐσίας τῆς κακίας, εἰ μὲν ἄναρχος ἢ κακία, καὶ ἀθάνατος πάντως καὶ ἀτρεπτος τὸ γὰρ μὴ ἀρξάμενον οὐ

сам себя карает, домогаясь того, чего нет. А что не предвидение Божие было причиной того, что диавол стал злым, ясно — ведь и врач, который предвидит будущую болезнь, не есть причина болезни, но причина болезни — расстройство, а предвидение врача — признак учености, и причина предвидения — то, что так должно случиться. А что это так и есть, говорит апостол: называющий несуществующее как существующее (Рим. 4:17). И нужно знать, что как только душа выйдет из тела, то потом она уже пребывает неизменной, влечется ли она к добру или к злу.

(38) Во всех же этих вещах мы признаем благом то, чего хочет Бог — ибо как свет определяется от солнца, так и благо — от Бога. Итак, все, чего хочет Благой, есть благо, и благо есть то, чего Он хочет. Бог судия, а не мы судьи Богу. Так зачем мы судим о Нем? Бог страшится, пугается и робеет? Боящийся Бог не был бы Бог.

(39) Если солнце и луна возникли как суда, чтобы переправлять частицу, которую похитило вещество у Бога, то до того не было ни солнца, ни луны, и человек был во мраке.

(40) Если, по вашему, скорбь — зло, то наслаждение и удовольствие, конечно, благо, а если так, то благо и блуд, и чревоугодие, и все, что услаждает и радует совершающего, а то, что удручает, воздержание, пост, бдение и подобное — зло.

(41) Если вы вменяете Богу всеобщую погибель в потопе, и сожжение Содомитов, и потопление Фараона, когда Он наказывал их ради пользы, то тем более вмените Ему вечное наказание.

(42) Производить из собственной сущности не есть создание, а из не сущих — создание. Итак, если зло создает, то оно переводит из не сущих, и тело уже не из вещества — если же из вещества, то есть из сущности зла, то, если зло безначально, оно обязательно будет и бессмертным, и неизменным — ибо начавшееся

παύεται οὐδὲ τρέπεται· εἰ δὲ τρέπεται καὶ φθίρεται, οὐκ ἄναρχος, εἰ δὲ ἡ κακία ἄτρεπτος, καὶ τὸ ἐκ τῆς οὐσίας αὐτῆς σῶμα ἄφθαρτον ἔσται καὶ ἄτρεπτον. Τίνος οὖν ἦν ἡ φθορὰ καὶ ἡ κακία; Ἡ γὰρ φθορὰ πάντως φθίρει τι ἢ οὐκ ἔστι φθορὰ. Εἰ μὲν τὸ ἀγαθὸν παθητὸν, παθητὸς καὶ ὁ ἀγαθός, καὶ πῶς τελέως ἀγαθός; Φθειρόμενος δὲ ὁ ἀγαθὸς ὑπὸ αὐτῆς εἰς ἀνυπαρξίαν χωρήσει. Εἰ δὲ ἑαυτὴν ἔφθειρεν, ἐφθάρη καὶ ἀπώλετο καὶ οὐκ ἔστιν. Εἰ δὲ μέρος τοῦ ἀγαθοῦ, καὶ μέρος ἑαυτῆς ἔφθειρεν. Ἦς δὲ φύσεως τὸ μέρος φθαρτόν, καὶ πᾶσα φθαρτὴ ἀδύνατον γὰρ τὴν αὐτὴν φύσιν καὶ φθαρτὴν εἶναι καὶ ἄφθαρτον. Εἰ γὰρ λέγομεν τὸ σῶμα τοῦ ἀνθρώπου φθαρτὸν μέρος ὄν τοῦ ἀνθρώπου, τὴν δὲ ψυχὴν ἄφθαρτον, ἀλλ' οὐκ εἰσι μιᾶς φύσεως. Ἡ γὰρ ψυχὴ, εἰ καὶ ἐν σώματι πολιτεύεται, ἀλλ' οὐκ ἔστι σῶμα, ἀλλ' ἀσώματος· ὥστε ἄλλης φύσεως ἔστιν ἡ ψυχὴ καὶ ἄλλης τὸ σῶμα, καὶ οὐ τὸ μὲν μέρος τῆς αὐτῆς φύσεως φθαρτόν, τὸ δὲ ἄφθαρτον, ἀλλ' ἡ μὲν μία φύσις τοῦ ἀνθρώπου φθαρτὴ, ἡ δὲ ἄφθαρτος. Καὶ οὔτε ἡ ψυχὴ ἐξ ἀνάρχου οὐσίας τρεπτὴ γάρουτε τὸ σῶμα· καὶ αὐτὸ γὰρ τρεπτὸν καὶ φθαρτόν. Μιᾶς δὲ φύσεως λέγεται ὁ ἄνθρωπος, οὐχ ὅτι ἡ ψυχὴ καὶ τὸ σῶμα μιᾶς ἔστι φύσεως, ἀλλ' ὅτι πάντες οἱ ἄνθρωποι ὁμοίως ἕκαστος ψυχὴν ἔχει καὶ σῶμα καὶ ἕκαστος δύο φύσεις ἔχει.

43. Ἡ τροπὴ ἐκ τοῦ ἐναντίου εἰς τὸ ἐναντίον μεταβολή, ἐκ μὴ ὄντος εἰς τὸ εἶναι ἢ ἐξ ὄντων εἰς τὸ μὴ εἶναι ἢ ἐξ ἀρετῆς εἰς κακίαν, ὅπερ ἔστιν ἐκ τῶν φυσικῶν ἕξεων εἰς τὴν τούτων στέρησιν. Ἡ ἀρετὴ πλήρως ἔστι τοῦ νόμου τοῦ θεοῦ, ὁ δὲ νόμος τοῦ θεοῦ θέλημα αὐτοῦ ἔστιν οὐδείς γὰρ ἐντέλλεται, ὃ οὐ θέλει, τὸ δὲ θέλημα τοῦ θεοῦ ἀγαθὸν ἔστιν, ἄτρεπτον, ἀεὶ ὡσαύτως ἔχον. Ὅστε τὸ ἀγαθὸν ὄν ἔστιν, ὁμοίως καὶ ἡ ἀρετὴ ἀγαθὸν γὰρ ἡ ἀρετὴ, ἡ δὲ κακία οὐκ ὄν, ἀλλὰ τοῦ ὄντος, τουτέστι τοῦ νόμου τοῦ θεοῦ, ἐκούσιος παρακοή καὶ ἀναίρεσις κατὰ σύμβασιν ἐν τῷ πράττεσθαι παρυσισταμένη καὶ ἅμα τῷ παύσασθαι τῆς πράξεως πανομένη.

не престаёт и не превращается, — а если зло неизменно, то и тело от сущности его будет нетленным и неизменным. Тогда чье же было тление и зло? Ведь тление, конечно, разрушает что-то, иначе это не тление. И если благо претерпевает, то претерпевает и Благой, и как он будет совершенно благ? Разрушаемый же тлением, Благой перейдет в несуществование. Если же оно разрушало само себя, то разрушилось, и погибло, и его нет. Если же разрушало частью Благо, а частью себя, — то в чьей природе часть тленна, тленна и вся природа — ведь невозможно, чтобы одна и та же природа была и тленной, и нетленной. Ибо если мы называем тленным человеческое тело, часть человека, а душу нетленной, то ведь они не одной природы. Ибо душа, хотя и живет в теле, однако не есть тело, но бестелесна — так что душа одной природы, а тело — л ругой, и не у одной и той же природы одна часть тленна, а друми нетленна, но одна природа человека тленна, а другая — нетленна. И ни душа из безначальной сущности — ведь она превращаема, — ни тело, потому что и оно превращаемо и тленно. А одноприродным человек называется не потому, что душа и тело одной природы, но потому что все люди одинаково имеют душу и тело, и каждый имеет две природы.

(43) Превращение есть переход из одной противоположности в другую, из не сущего в бытие, или из сущих в небытие, или из добродетели в порок, то есть из естественного обладания в лишенность его. Добродетель есть исполнение закона Божия, закон же Божий есть Его воля — ибо никто не заповедует того, чего не хочет, — воля же Божия благо, неизменна и всегда одинакова. Так что благо есть сущее, так же как и добродетель (ибо добродетель благо), а зло — не сущее, но добровольное послушание и упразднение сущего, то есть закона Божия, привходящим образом осуществляющееся в деянии и прекращающееся вместе с прекращением действия.

44. Καὶ τοῦτο δὲ εἰδέναι δεῖ, ὅτι ὁ θεὸς οὐ κολάζει τινὰ ἐν τῷ μέλλοντι, ἀλλ' ἕκαστος ἑαυτὸν δεκτικὸν ποιεῖ τῆς μετοχῆς τοῦ θεοῦ, Ἔστι δὲ ἢ μὲν μετοχὴ τοῦ θεοῦ τρυφή, ἢ δὲ ἀμεθεξία αὐτοῦ κόλασις· ἐνταῦθα δὲ οὐ κολάζων ἐπιφέρει τοὺς πειρασμοὺς ὁ θεός, ἀλλὰ παιδεύων καὶ ἰώμενος τὴν κακίαν, ἵνα ἐπιγνῶμεν αὐτὸν καὶ ἐπιστρέφωμεν καὶ τύχωμεν τῆς ἀγιότητος αὐτοῦ. Ἡ γὰρ παιδεία κυρίου ἀνοίγει μου τὰ ὦτα.

45. **Μανιχαῖος:** Εἰ ἀγαθός, διὰ τί ἐν τῷ μέλλοντι αἰῶνι κολάζει τὸν πονηρὸν καὶ οὐ μᾶλλον ἀναιρεῖ αὐτόν; **Ὁρθόδοξος:** Ὁ θεὸς ἀγαθός ἐστιν, ἀλλὰ καὶ δίκαιος· ὡς ἀγαθὸς οὖν ἐποίησεν, ὅσα ἐποίησεν, ἀγαθὰ. Ὡσπερ οὖν δίκαιον ἦν, τοὺς ὑπ' αὐτοῦ ἐσομένους ἀγαθοὺς καὶ μέλλοντας οὐ μόνον φυλάττειν τὸ δοθὲν αὐτοῖς ἀγαθόν, ἀλλὰ καὶ ἐπεργάζεσθαι αὐτό, γενέσθαι καὶ ἀξιωθῆναι τοῦ τελείου ἀγαθοῦ καὶ τῆς αἰωνίου τρυφῆς, οὕτως καὶ δίκαιον ἦν, τοὺς ὑπ' αὐτοῦ ἐσομένους ἀγαθοὺς καὶ μέλλοντας οὐ φυλάττειν τὸ δοθὲν αὐτοῖς ἀγαθόν, ἀλλ' ἐκουσίως ἐκκλίνειν διὰ τῆς ἀποβολῆς τῶν ἀγαθῶν ἐπὶ τὴν κακίαν καὶ γενέσθαι καὶ στερηθῆναι τῆς αἰδίου τρυφῆς.

46. Πλέον ἀπέχει τὰ σεραφίμ ἀπὸ θεοῦ ἢπερ ὁ πονηρὸς ἀπὸ τῶν σεραφίμ. Εἰ οὖν μὴ ἐγένετο ὁ διάβολος, ὁ πρὸ αὐτοῦ ἀνεφαίνετο χειρῶν πάντων καὶ κακὸν ἐν συγκρίσει τῇ πρὸς τοὺς πρὸ αὐτοῦ καὶ ἐλέγομεν· Διὰ τί προειδὼς ὁ θεός, ὅτι τοιοῦτος μέλλει ἔσεσθαι, ἐποίησεν αὐτόν; Ὁμοίως καὶ ἐπὶ τοῦ πρὸ ἐκείνου, ἕως ἂν ἔλθωμεν καὶ εἰς αὐτὰ τὰ σεραφίμ. Καὶ γὰρ πολλάκις θεωροῦμεν πρᾶγμα ἐλεεινότατον καὶ δοκοῦμεν μὴ εἶναι ἐλεεινότερον αὐτοῦ ἕτερον καὶ μετὰ ταῦτα ὁρῶμεν ἕτερον χειρῶν. Ὅπερ γὰρ ἂν ἔσχατον κακόν, ὧν εἶδομεν, λογισώμεθα, ὑπονοοῦμεν μὴ εἶναι αὐτοῦ χειρῶν.

47. Ἐποίησεν οὖν ὁ θεός τὰ πάντα καλὰ λίαν ἕκαστον κατὰ τὴν ἰδίαν φύσιν, καθὼς ἠθέλησεν· οὐ γὰρ ὑπόκειται νόμῳ, ἀλλ', ὅπερ θέλει, τοῦτό ἐστιν ἀγαθόν, οὐχ ὅπερ ἡμεῖς κρίνομεν. Οὐ γὰρ ἐσμεν ἡμεῖς κριταὶ τοῦ θεοῦ,

(44) Следует знать и то, что Бог не наказывает никого в будущем, но каждый делает себя восприимчивым к причастию Бога. Причастие же Бога есть наслаждение, а непричастность — наказание, здесь же Бог посылает искушения не наказывая, но воспитуя и врачуя зло, чтобы мы узнали Его и обратились и достигли благодати Его. Господь Бог открыл мне ухо (Ис. 50:5).

(45) **Μανιχαι:** Если Он благ, то почему в будущем веке наказывает Злого, а не уничтожает его? **Православный:** Бог благ, но и справедлив: итак, как благой Он сотворил блага, которые сотворил. Посему как было справедливо, чтобы будущие Его благие создания, которые бы не только сохранили данное им благо, но и приумножили его, возникли и удостоились совершенного блага и вечного наслаждения, так же справедливо было то, чтобы те будущие Его благие создания, которые бы не сохранили данное им благо, но добровольно отклонились ко злу через утрату благ, — чтобы и они возникли и лишились вечного наслаждения.

(46) Серафимы далее отстоят от Бога, чем Злой от серафимов. Поэтому если бы не возник диавол, тот, кто перед ним, оказался бы хуже всех и в сравнении с теми, которые прежде него, был бы злом, и мы бы говорили: зачем Бог, зная, что он будет таким, сотворил его? Точно так же и о том, кто перед этим, пока не дойдем до самых серафимов. И ведь часто мы видим какое-то прискорбнейшее дело и думаем, что нет более прискорбного, а потом видим другое, еще худшее. Ибо если мы сочтем что-то крайним злом из тех, что мы видели, мы думаем, что хуже его не бывает.

(47) Итак, Бог сотворил все хорошо весьма (Быт. 1:31), каждое по его природе, как захотел, — ибо Он не подвластен закону, но то, что Он хочет, есть благо, а не то, что мы судим. Ибо мы не судьи Богу, но как от солнца, то есть огня, светит

ἀλλ', ὡσπερ ἐκ τοῦ ἡλίου ἦτοι τοῦ πυρὸς πᾶν φῶς φωτίζεται, οὕτως ἐκ τοῦ θελήματος τοῦ θεοῦ πᾶν ἀγαθὸν ὀρίζεται. Εἰ γὰρ λέγεις, ὅτι καλῶς ἐποίησεν ὁ θεὸς ἐν τούτῳ καὶ κακῶς ἐν τούτῳ καί, διὰ τί ἐποίησε τοῦτο καὶ διὰ τί οὐκ ἐποίησε τοῦτο, σὺ κριτὴς εἶ τοῦ θεοῦ καὶ μείζων αὐτοῦ καὶ σοφώτερος. Ἐξουσίαν οὖν ἔχει ὡς θεὸς ποιῆσαι, ὅπερ θέλει, καὶ τοῦτό ἐστιν ἀγαθόν, καὶ ἐξουσίαν ἔχει, ὧν ποιεῖ, ἃς θέλει, αἰτίας ἀποκαλύψαι ἡμῖν καί, ἃς θέλει, ἀποκρύψαι. Ἐκαστον δὲ τῶν γενομένων λογικῶν ἀγαθῶν ἐκουσίως ἢ ἐνέμεινεν τῷ ἀγαθῷ, ὡς ἐκτίσθη, ἢ ἐκουσίως ἐτράπη καὶ ἀπεφοίτησε τοῦ ἀγαθοῦ καὶ ἀπώλεσεν αὐτό. Ἀγαθὸν μὲν γὰρ ἐστὶ τάξις ἀρίστη ἐκάστῳ τὸ κατὰ φύσιν οἰκεῖον διασῶζουσα τὸν δὲ ἐστὶ καὶ ἀρετή, κακία δὲ ἢ τῆς τάξεως λύσις εἴτουν ἀταξία. Τὰ ὄντα πάντα, καθόσον ἔστι, καὶ ἀγαθὰ ἐστὶ καὶ ἐκ τοῦ ἀγαθοῦ, καθόσον δὲ ἐστέρηται τοῦ ἀγαθοῦ, οὔτε ἀγαθὰ οὔτε ὄντα ἐστὶ. Τὰ μὲν γὰρ ἄζωα, καθόσον οὐκ ἔσχεν ἐκ τοῦ ἀγαθοῦ ζωὴν, ἄζωά ἐστιν ὡς ἐστερημένα ζωῆς, ὁμοίως καὶ τὰ ἀναίσθητα καὶ τὰ ἄλογα, καθόσον ἔσχεν, ἀγαθὰ ἐστὶν.

48. Οἶδεν ὁ θεὸς τὸ κακὸν ὡς ἀγαθόν, ὡσπερ τὴν πορνείαν οἶδεν ὡς ἔφεσιν καὶ φιλίαν καὶ ἔνωσιν. Καὶ παρ' αὐτῷ καὶ αἱ αἰτίαι τῶν κακῶν δυνάμεις ἀγαθοποιοί· πολλάκις ἐκ πορνείας γεγένηνται σκευὴ ἐκλογῆς.

49. Εἰ κακὸν ἢ κακία, καλὸν ἢ κόλασις τοῦτο ἐξορίζουσα. Κακὸν γὰρ ἢ πορνεία, οὐχ ὁ σωφρονισμός· οὐ γὰρ ἢ κόλασις κακὴ, ἀλλὰ τὸ ἄξιον ἑαυτὸν ποιῆσαι κολάσεως.

50. Εἰ τὸ κακὸν αἰδίου καὶ δημιουργεῖ καὶ δύναται καὶ ἔστι καὶ δρᾶ, πόθεν αὐτῷ ταῦτα; ἢ ἐκ τοῦ ἀγαθοῦ ἢ τῷ ἀγαθῷ ἐκ τοῦ κακοῦ ἢ ἀμφοῖν ἐξ ἄλλης αἰτίας, ὅτι καὶ τὸ κακὸν ἐν τῷ ἀγαθῷ παρφυίσταται καὶ ὅτι ἀγαθύνει καὶ τὰ κακὰ καὶ τὴν ἑαυτοῦ στέρησιν. ἢ γὰρ φιλία ἀγαθὴ οὕσα ἀγαθὸν ποιεῖ φανῆναι τὴν πορνείαν, ὅτι ἐν τῷ ἀγαθῷ φιλονεικεῖ πως καὶ τὸ μὴ ὄν εἶναι. Μὴ εἶναι γὰρ λέγεται ὁ θεὸς κατὰ τὴν πάντων ὑπεροχικὴν ἀφαίρεσιν.

51. Ὅτι δὲ ἢ φύσις αὐτὴ τὴν ἀρχὴν μίαν

всякий свет, так и из воли Божией определяется всякое благо. Ибо если ты говоришь, что здесь Бог поступил хорошо, а здесь нехорошо, почему сотворил это, и почему не сотворил того, — ты судья Богу, и больше Его, и мудрее. Посему как Бог Он имеет власть сотворить то, что хочет, и имеет власть какие захочет причины того, что Он делает, открыть нам, а какие захочет — утаить. Каждое же из возникших разумных благих существ или по своей воле осталось во благе, как и было создано, или по своей воле превратилось и отошло от блага, и потеряло его. Ибо благо есть наилучший порядок, сохраняющий для каждого свойственное его природе, — и то же самое есть добродетель, — а нарушение порядка, то есть беспорядок, есть зло. Все сущее, поскольку оно есть, благо и от Благого, а насколько лишено блага — не благо и не сущее. Ведь безжизненное поскольку не получило от Благого жизни, безжизненно, как лишненное жизни, и подобно этому бесчувственные и бессловесные, поскольку получили ее, благи.

(48) Бог знает зло в качестве блага, как блуд Он знает в качестве влечения, и дружбы, и соединения. И даже причины зла суть у Него благодворящие силы часто от блуда рождались сосуды избранные.

(49) Если зло зло, то наказание, изгоняющее его, добро. Ибо зло — блуд, а не уцеломудривание, ведь не наказание зло, но сделать себя достойным наказания.

(50) Если зло вечно и созидает, и может, и есть, и действует, откуда у него это? Или от блага, или у блага все это от зла, или у обоих от иной причины, потому что и зло побочно осуществляется в добре, и потому что Он обращает ко благу и злое, и лишение Себя. Ибо дружба, будучи благом, дает и блуду казаться благом, потому что во благе и не сущее некоторым образом ревнует быть. Ибо говорят, что Бог не есть, по превосходящему отрицанию.

(51) А что сама природа предполагает одно

προβάλλεται, δηλοῖ αὐτὸς ὁ ἀριθμὸς οὐκ ἀπὸ δύο ἀρχόμενος, ἀλλ' ἀπὸ μιᾶς. Εἰ οὖν ἀρχὴ ἀριθμοῦ μονάς, καὶ ἀρχὴ τῶν ὄντων μία.

52. Εἰ μὴ πάντῃ ἀκοινώνητον τῷ ἀγαθῷ τὸ κακόν, τὸ δὲ ἀγαθὸν ὄν, τὸ κακόν οὐκ ὄν· δύο γὰρ ὄντα κατὰ τὸ εἶναι κοινωνοῦσιν. Εἰ οὐσία τὸ ἀγαθόν, ἀνούσιον τὸ κακόν· δύο γὰρ οὐσίαι κατὰ τὸ εἶναι οὐσίας κοινωνοῦσιν.

53. Εἰ ἀκίνητον ἐξ ἀρχῆς τὸ κακόν, καλὸν ἢ κίνησις καὶ ἢ ἀκίνησις κακόν. Πόθεν οὖν ἔσχε τὸ κακόν τὴν κίνησιν; Ἡ ζωὴ ἀγαθὸν καὶ κίνησις καὶ ἦν αἰεὶ καὶ ἔστιν ἐν τῷ ἀγαθῷ, καὶ ζῶν ἔστι καὶ ἦν ὁ ἀγαθός. Ὁ θάνατος, ὡς φατε, κακόν καὶ ἀκίνησις καὶ φθορὰ καὶ νέκρωσις καὶ οὐδὲν ἦπτον ἀνυπαρξία. Θάνατος δὲ ἦν ἢ κακία, ὡς ὑμεῖς λέγετε. Ὡσπερ οὖν ζωὴ καὶ ζῶν ὁ ἀγαθός, θάνατος καὶ νέκρωσις καὶ νεκρωμένον τὸ κακόν. Πόθεν οὖν ἀνέζησε καὶ ἐκινήθη; Εἰ μὲν ἐξ ἑαυτοῦ, ἐκ τοῦ κακοῦ ζωῆ, ὅπερ ἀμήχανον· ἢ φθορὰ γὰρ οὐ ζωοποιεῖ. Εἰ δὲ ἐκ τοῦ ἀγαθοῦ, οὐκ ἀγαθὸν τὸ ἀγαθὸν τῷ κακῷ ζωῆς καὶ κινήσεως γεγονὸς αἴτιον. Καὶ διὰ τί προειδῶς τὰ ἐξ αὐτοῦ ἐσόμενα κακὰ ἐζωοποίησεν αὐτόν;

54. Τὸ κακόν, καθὸ ἔστι κακόν, τῷ ἀγαθῷ καὶ ἀκοινώνητον καὶ ἐναντίον καὶ ἐχθρόν, ἢ δὲ ἐπιθυμία τοῦ ἀγαθοῦ ἀγαθόν. Πῶς οὖν τὸ ἄκρως κακόν ἐπεθύμησε τοῦ ἀγαθοῦ;

55. Ἡ κακία ἀκίνητος καὶ φθορὰ μᾶλλον καὶ οὐ γένεσις. Πῶς οὖν προεβάλετο τὰ ἑαυτῆς προβλήματα ἢ κακία ἄζως καὶ ἀναίσθητος; Πῶς οὖν αἰσθάνεται τοῦ ἀγαθοῦ καὶ τῶν τοῦ ἀγαθοῦ προβλημάτων;

56. Τὸ ἐκ τῆς οὐσίας τοῦ ἀναρχοῦ καὶ ἀκτίστου ἀναρχον καὶ ἄκτιστόν ἐστι. Πῶς οὖν τὰ πάντα ἐκ τῆς οὐσίας τῶν καθ' ὑμᾶς ἀρχῶν λέγετε; Εἰ μὲν γὰρ ἐκ τῆς οὐσίας αὐτῶν εἰσι τὰ πάντα, ἀρχαὶ ἀναρχοὶ εἰσι καὶ οὐδέν. Εἰ δὲ κτίσματα εἰσιν, οὐκ ἐκ τῆς οὐσίας αὐτῶν εἰσι.

57. Τὸ κακόν φθορὰ καὶ θάνατος. Τὸ οὖν κακόν, εἰ μὲν ἄλλοις κακόν, ἑαυτῷ δὲ ἀγαθόν, συνιστᾷ μὲν ἑαυτό, οὐ παντελῶς δὲ κακόν· συνιστᾷ γὰρ ἑαυτό, καὶ κατὰ τοῦτο οὐκ ἔστι

начало, поясняет счет, начинающийся не с двух, но с одного. Итак, если начало счета единица, то и начало сущих одно.

(52) Если зло совсем несообщительно с благом, а благо есть сущее, то зло — не сущее: ибо два сущих сообщаются по бытию. Если благо — сущность, то зло несущностно, ибо у двух сущностей общее то, что они сущности.

(53) Если зло изначально недвижимо, то движение благо, а неподвижность — зло. Так откуда же зло получило движение? Жизнь есть благо и движение, и всегда была и есть во благе, и Благой был и есть жив. Смерть, как вы говорите, — зло, и тление, и омертвление, и более того, несуществование. Но зло было смертью, по вашим словам. Посему как Благой жив и жизнь, зло есть смерть, и отмертвление, и омертвленное. Так откуда же оно ожило и пришло в движение? Если от себя, то жизнь от зла, что немислимо — ибо тление не животворит. Если же от блага, то не благо то благо, которое было для зла причиной жизни и движения. И почему, предвидя зло, которое от него произойдет, он оживотворил его?

(54) Зло, поскольку есть зло, несообщительно, и противоположно, и враждебно добру, а возжелание добра добро. Так как же до крайней степени злое возжелало блага?

(55) Зло неподвижно и скорее тление, а не возникновение. Так как же безжизненное и бесчувственное зло породило свои произведения? И как оно ощущает благо и произведения блага?

(56) То, что произошло из сущности безначального и нетварного, безначально и нетварно. Так как же вы говорите, что все произошло от сущности ваших начал? Ведь если все от сущности их, то все это безначальные начала и ничего [больше]. Если они творения, то они не от сущности их.

(57) Зло есть тление и смерть. Тогда зло, если для других оно зло, а для себя добро, составляет само себя, и не всецело есть зло — ибо составляет само себя и постольку не есть зло.

κακόν. Εἰ δὲ παντελῶς κακόν, καὶ ἑαυτῷ κακόν καὶ ἑαυτοῦ ἀναιρετικόν καὶ ἀνύπαρκτον. Εἰ δὲ καὶ ἐν τῇ ἑτέρου φθορᾷ ἑτέρων γένεσις γίνεται, οὐχ ἡ φθορὰ γενέσεώς ἐστιν αἷτιον, ἀλλὰ τὸ ἀγαθὸν δι' ὑπερβολὴν ἀγαθότητος καὶ ἐκ τῆς ἑτέρου φθορᾶς ἑτέρου κατεργάζεται γένεσιν. Ἦ γὰρ ὕλη ὑποχείριος τῷ ἀγαθῷ ὑπ' αὐτοῦ γενομένη, ἀγαθή· καὶ γὰρ ἐκ τοῦ μὴ ὄντος εἰς τὸ εἶναι ἐν ἀρχῇ τὰ πάντα παρήγαγεν.

58. Οὐκ ἔστι τὸ αὐτὸ κατὰ τὸ αὐτὸ ἀγαθὸν καὶ κακόν οὐδὲ τοῦ αὐτοῦ φθορὰ καὶ γένεσις, ἢ αὐτὴ κατὰ τὸ αὐτὸ δύναμις οὔτε αὐτοδύναμις ἢ αὐτοφθορὰ. Τὸ μὲν οὖν αὐτοκακόν οὔτε ὄν οὔτε ἀγαθόν οὔτε γενεσιουργόν οὔτε ὄντων ἢ ἀγαθῶν ποιητικόν· τὸ δὲ ἀγαθόν, ἐν οἷς μὲν ἂν τελείως ἐγγένηται, τέλεια ἀγαθὰ ἀποδείκνυσιν, ἐν οἷς δὲ μερικῶς, μερικά· ἐν οἷς δὲ μηδόλως, οὔτε εἰς καὶ κακὰ λέγονται παντελῶς.

59. Ἡ πορνεία καθὸ μὲν ἔφεσις καὶ φιλία καὶ ἔνωσις ἀγαθόν, καθὸ δὲ τοῦ μὴ ὀφείλοντος καὶ τοῦ ἀπηγορευμένου ἔφεσις κακόν· τὸ γὰρ μὴ ἐντεταλμένον, ἀλλ' ἀπηγορευμένον οὐκ ὄν ὡς μὴ ὀφείλον. Διὸ καὶ ἡ τοῦ μὴ ὄντος μὴδὲ ὀφείλοντος γενέσθαι ἔφεσις κακόν.

60. Τὸ κακόν διπτόν. Τὸ μὲν τῇ ἀληθείᾳ κακόν ὡς ἡ τῶν φυσικῶν ἕξεων ἀπόπτωσις. Ὁ γὰρ θεὸς ἐποίησε τὸν ἄνθρωπον εὐθῆ, αὐτοὶ δὲ ἐζήτησαν λογισμοὺς πολλοὺς. Ἔτερον δὲ κακόν λέγεται τὸ κατ' αἴσθησιν ὡς αἱ θλίψεις αἱ κατὰ τοὺς πειρασμούς· τὸ γὰρ τῆς κακίας ὄνομα ὁμώνυμόν ἐστι. Δύο γὰρ σημαίνει· ποτὲ μὲν γὰρ σημαίνει τὴν τῆς ἀρετῆς στέρησιν, ποτὲ δὲ τὴν τῆς χαρᾶς, τουτέστι τοῦ ἐπιθυμουμένου. Ἡ μὲν γὰρ πορνεία οὐδὲν ἕτερόν ἐστιν εἰ μὴ σωφροσύνης στέρησις καὶ κακὴ χρῆσις· ἀντὶ γὰρ τοῦ ἀγαπῆσαι καὶ μιγῆναι τὸ ἴδιον σκεῦος, τουτέστι τὴν ἰδίαν γυναῖκα, ἀγαπᾷ καὶ μίγνυται τῇ ἀλλοτρίᾳ. Ἡ ἀπιστία ἀντὶ τοῦ πιστεῦσαι καὶ ἀγαπῆσαι τὸν φύσει θεὸν πιστεύει τῷ μὴ ὄντι θεῷ. Τοῦτο οὖν ἐστὶ κακία τὸ τῷ μὴ ὄντι ὡς ὄντι χρῆσασθαι, τὸ

Если же всецело зло, то и для себя зло, и самоуничтожается и не существует. Если же и в тлении одних происходит возникновение других, то не тление причина возникновения, но благо из-за преизбытка благости даже из тления одного соделывает возникновение другого. Ибо вещество, подчиненное Благу, сотворенное им, благо — ведь Он в начале привел все из не сущего в бытие.

(58) Невозможно, чтобы одно и то же в одном и том же отношении было благом и злом, и одна и та же сила — распадом и; возникновением одного и того же в одном и том же отношении, ни самосила, ни самораспад. Итак, само зло не есть ни сущее, ни благо, оно не созидательно и не может творить сущее или благое — а благо, в чем окажется в совершенстве, делает это совершенным благом, а в чем частично — частичным, а то, в чем его совсем нет, и не существует и называется всецелым злом.

(59) Блуд, поскольку это влечение, дружба и соединение, есть благо, а поскольку он есть влечение к неположенному и запретному — зло, ибо не заповеданное, но запретное есть не сущее, как не долженствующее быть. Поэтому и влечение к не сущему и не долженствующему быть — зло.

(60) Зло двояко. Истинное зло — это как бы отпадение естественных свойств. Ибо Бог сотворил человека правым, а люди пустились во многие помыслы (Еккл. 7:29). Другим же злом называется чувственное, как стеснения в искушениях, — ибо наименование зла общее. Ведь оно означает две вещи: иногда означает неимение добродетели, а иногда — радости, то есть желаемого. Ведь блуд есть не что иное, как неимение целомудрия и дурное употребление — потому что вместо того, чтобы возлюбить собственный сосуд, то есть свою жену, и слиться с нею, он любит и сливается с чужою. Неверие вместо того, чтобы уверовать и вознобить по природе Бога, верует не существующему богу. Итак, зло в том, чтобы пользоваться не сущим, как сущим, не уделять каждому свое — свое же

μη παρέχειν ἑκάστῳ τὰ ἴδια· ἴδια ἑκάστῳ τὰ ὑπὸ θεοῦ ὀριζόμενα. Ἴδιον μὲν θεοῦ ἡ δόξα καὶ ἡ τιμὴ ὡς δημιουργῶ πρόπουσα, ἴδιον δὲ τῶν κτισμάτων τὸ μέτρον, ὃ ἑκάστῳ ὥρισεν ὃ τὸ εἶναι δούς. Ἐφ' ἡμῖν δὲ ἐστὶν ἡ χρῆσασθαι τοῖς δοθεῖσιν ἡμῖν ὑπὸ θεοῦ, ἐφ' ᾧ δέδωκεν ἡμῖν αὐτά, καὶ ἐφ' ἡμῖν ἐστὶ χρῆσασθαι οὐκ ἐφ' ᾧ δέδωκεν, οἷον ἔδωκεν ἡμῖν τὸ ἐπιθυμητικόν, ἵνα ἐπιθυμῶμεν αὐτοῦ τοῦ μόνου ἀγαθοῦ. Ἐὰν ἐπὶ τούτῳ χρῆσώμεθα τῇ ἐπιθυμίᾳ ἀρετὴ καὶ καλόν· εἰ δὲ ἕτερόν τι παρ' αὐτὸν ἀγαπήσωμεν, οὐκ ἔστι χρῆσις, ἀλλὰ παράχρησις. Εἰς αὐτὸ γὰρ τοῦτο ἐποίησεν ἡμᾶς, ἵνα μετέχωμεν αὐτοῦ ἐπιθυμοῦντες.

61. Ἦν, φησίν, ἡ ὕλη ἀναρχος, ἀγέννητος, ἐν ἰδίῳ ὄρει, ἀεὶ ἀτάκτως κινουμένη, ἀεὶ ἑαυτῇ μαχομένη καὶ ἑαυτὴν ἀναλίσκουσα. Ἦν δέ, φησί, καὶ ὁ θεὸς ἐν ἰδίῳ ὄρει, ἀναρχος, ἀγέννητος, ἀίδιος, ἀσώματος, ὅλος φῶς, ἀλλ' ἡ ὕλη, φησίν, ἀτάκτως καὶ ἀλόγως κινουμένη ἐπὶ τὰ τοῦ θεοῦ ὄρια ἦλθε. Καὶ θαυμάσασα τὸ τοῦ θεοῦ φῶς τῆς μὲν πρὸς ἑαυτὴν μάχης ἐπαύσατο, τῷ δὲ φωτὶ ἐπέθετο μαχομένη ὡς καὶ μέρος αὐτοῦ ἀρπάσαι εἰς ἑαυτήν· καὶ γὰρ ἄρχοντας ὡς ἐπὶ κεκρυμμένου βασιλείου τὴν ὕλην ἔχειν διαβεβαίονται, οὓς καὶ κοσμοκράτορας τοῦ σκότους καὶ πνευματικὰ τῆς πονηρίας εἶναι φάσκουσι. Συνεχώρησε δέ, φησίν, ὁ ἀγαθὸς θεὸς μέρος ἑαυτοῦ ὑπ' αὐτῆς ἀρπασθὲν αἰχμάλωτον γενέσθαι, ὅπως αὐτὴν περιγράψῃ καὶ περιορίσῃ τοῦ μὴ περαιτέρω προβαίνειν εἰς τὰ ἑαυτοῦ ὄρια. Εἰ ἀναρχος, ἀγέννητος, ἀσώματος, ἄποιος, ἀόρατος ἡ ὕλη, ὁμοίως καὶ ὁ ἀγαθὸς θεός, ἐκ δὲ τῆς οὐσίας αὐτῶν τὰ πάντα, πῶς ὀρῶνται τὰ ἐξ αὐτῶν γενόμενα; Τὸ γὰρ ἐξ ἀσωμάτου καὶ ἀοράτου οὐσίας προερχόμενον ἀσώματον πάντως ἔσται καὶ ἀόρατον. Καὶ πρὸ τούτου, εἰ καὶ αἱ δύο οὐσῖαι ἀναρχοὶ καὶ ἀγέννητοὶ καὶ ἀίδιοι, ἐξ αὐτῶν δὲ ἐσμεν ἡμεῖς οὐκ ἐκ τοῦ μὴ ὄντος εἰς τὸ εἶναι ὑπ' αὐτῶν παραχθέντες, ἀλλ' ἐκ τῆς οὐσίας αὐτῶν, ἀναρχοὶ καὶ ἀίδιοι ἐσμεν ἡμεῖς· ἑκάστης γὰρ οὐσίας γέννημα ὁμοούσιον τῇ

для каждого есть определенное ему Богом. Свое для Бога — слава и честь, подобающая Ему как Творцу, а для творений свое — это мера, которую каждому определил Податель бытия. Но в нашей власти или воспользоваться тем, что дал нам Бог, на то, для чего Он это дал, и в нашей власти воспользоваться не на то, для чего Он дал, — как, например, Он дал нам вождение, чтобы мы вождели Его, единого блага. Если мы употребим вождение на это, сие добродетель и добро, а если возлюбим нечто иное кроме Него, то это не употребление, а злоупотребление. Ведь именно для того Он и сотворил нас, чтобы мы, вождея Его, были причастны Ему.

(61) Было, по-вашему, вещество безначальное, невозникшее, в своих пределах, вечно беспорядочно движущееся, само с собой сражающееся и себя само истребляющее. Был же, говорят, и Бог — в своих пределах, безначальный, невозникший, вечный, бестелесный, весь свет — но вещество-де, беспорядочно и бессмысленно двигаясь, пришло к пределам света. И изумившись Божию свету, прекратило брань само с собою, и пошло войной на свет, так что даже похитило в себя частицу его — ведь они уверяют, что и начальников имело вещество, как в потаенном царстве, о которых они говорят, что это и есть миродержцы тьмы и духи злобы (Еф. 6:12). Благой же Бог, по их словам, попустил, чтобы похищенная веществом частица его была пленена, дабы ограничить вещество и поставить предел дальнейшему его продвижению в собственные границы. Если вещество безначально, не возникло, бестелесно, бескачественно, невидимо, и таков же благой бог, а все произошло от их сущности, почему происходящее от них видимо? Ведь исходящее из бестелесной и невидимой сущности тоже, конечно, будет бестелесно и невидимо. И больше того, если есть два начала безначальных, невозникших и вечных, а мы от них, но не приведенные ими в бытие из не сущего, а от

γεννησάση οὐσία· αἰδίου αἰδίων, ἀγεννήτου ἀγέννητον, ἀναρχοῦ ἀναρχον. Καὶ πάλιν· Εἰ ἐκ τῆς οὐσίας τοῦ ἀγαθοῦ καὶ τοῦ πονηροῦ ἡ σύστασις ἡμῶν, οὐ κτίσματα, ἀλλὰ τέκνα ἐσμέν, καὶ οὐκ ἔστι κτίσις ἐν κόσμῳ. Καὶ πάλιν· Εἰ ἀδύνατον τραπήναι τὴν οὐσίαν τοῦ ἀγαθοῦ εἰς πονηρὸν καὶ ὅλως λογίσασθαι ἢ προᾶξει πονηρὸν καὶ ἀδύνατον τὸν πονηρὸν τραπήναι καὶ λογίσασθαι ἢ προᾶξαι τι ἀγαθόν· ἡ δὲ ψυχὴ ἡμῶν τοῦ ἀγαθοῦ, ἀδύνατόν ἐστι τὴν ψυχὴν ἡμῶν λογίσασθαι φαῦλόν τι καὶ τὸ σῶμα ἡμῶν προᾶξει ἀγαθόν. Ἀλλ' ὁρῶμεν πολλὰς ψυχὰς λογιζομένας πονηρὰ ὡς τὰς τῶν Μανιχαίων καὶ πολλὰ σώματα ποιοῦντα ἀγαθὰ ὡς τὰ τῶν ἀγίων. Καὶ πάλιν· Εἰ καὶ ὁ πονηρὸς σύνθετος ἐστὶν ἐξ ἀσωμάτου καὶ σώματος καὶ ὁ ἀγαθὸς ὁμοίως καὶ ἡ μὲν ψυχὴ ἡμῶν τῆς οὐσίας τοῦ ἀγαθοῦ ἐστὶ, τὸ δὲ σῶμα τοῦ πονηροῦ, καὶ ἡ ψυχὴ ἡμῶν σύνθετος ἔσται ἐξ ἀσωμάτου καὶ σώματος καὶ τὸ σῶμα ἡμῶν. Καὶ πάλιν· Εἰ ἀναρχος ἡ ὕλη, εἰ μὲν ἀσώματος, πῶς ἐξ ἀσωμάτου οὐσίας προῆλθε; Τὸ γὰρ ἀναρχον, πάντως ἀτρεπτον· τὰ φύσει ἀπλᾶ οὐ πέφυκεν ἐνοῦσθαι. Πῶς οὖν ἐγένετο σύγκρασις; Καὶ πάλιν· Εἰ σύνθετος ἡ ὕλη ἐξ ἀσωμάτου καὶ σώματος, τὸ δὲ σῶμα ἐναντίον τῷ ἀσωμάτῳ, τίς ὁ ἐνώσας τὰ ἐναντία; Οὐκ ἂν γὰρ τὰ ἐναντία τοῖς ἐναντίοις ὠμίλει φιλικῶς συναπτόμενα εἰς ἓν ὕψος καὶ μίαν ὑπόστασιν, εἰ μὴ ἡ τοῦ δημιουργοῦ δύναμις εἰς ἓν αὐτὰ συνεβίβασεν. Ἡ ὕλη ἄρα σύνθετος οὔσα ὑπὸ θεοῦ λόγου τὸ εἶναι εἴληφε. Καὶ πάλιν· Ἡ ὕλη φθορὰ ἐστὶν ἢ φθαρτή; Ἡ μὲν γὰρ φθορὰ φθείρει καὶ οὐ φθίρεται, τὸ δὲ φθαρτὸν φθίρεται ὑπὸ τῆς φθορᾶς· καὶ τὸ μὲν φθαρτὸν, τουτέστιν τὸ φθειρόμενον, ἡ ὕλη.

62. Τί ἐστὶ φθειρόν ἢ φθορὰ ἢ φθαρτή; Φθορὰ μὲν γὰρ ἐστὶν ἢ τῶν συντεθέντων διάλυσις. Φθείρει δὲ ὁ τὴν φθορὰν ἐπάγων, φθίρεται δὲ τὸ διαλυόμενον σύνθετον. Καὶ τὸ μὲν φθειρόν καὶ φθειρόμενον οὐσίαι εἰσίν, ἡ δὲ φθορὰ συμβεβηκὸς ἐν τῷ λύεσθαι τὰ συντεθέντα

сущности их, то и мы безначальны и вечны — ведь порождение каждой сущности единосущно породившей сущности: [порождение] вечного вечно, нерожденного нерожденно, безначального безначально. И опять-таки: если состав наш от сущности добра и зла, то мы не создания, а чада, и нет в мире творения. И вновь: если невозможно сущности блага превратиться во зло или вообще помыслить или сделать зло, и невозможно, чтобы Злой превратился и помыслил или сделал нечто благое — а душа наша [от] Благого, — то невозможно нашей душе помыслить что-либо дурное, а нашему телу — сделать что-либо хорошее. Но мы видим многие души, мыслящие дурное, как души манихеев, и многие тела, творящие добро, как тела святых. И еще: если и злой [человек] сложен из тела и бестелесного, и так же добрый, душа же наша [от] сущности блага, а тело — от сущности зла, то и душа наша будет сложной из телесного и бестелесного, и тело. И еще: если вещество безначально, если оно бестелесно, как оно вышло из бестелесной сущности? Ведь безначальное, конечно, неизменно — простое по естеству не соединяется. Так как же произошло слияние? И снова: если вещество сложно из бестелесного и тела, тело-же противоположно бестелесному, то кто соединил противоположности? Ведь не общались бы между собою противоположности, дружелюбно связуясь в одно сплетение и одну ипостась, если бы сила Создателя не свела их воедино. Значит, вещество, будучи сложно, получило бытие Божественным Словом. И опять-таки: вещество есть тление или тленно? Ибо тление разрушает и не разрушается, а тленное разрушается тлением — и тленное, то есть истлевающее, есть вещество.

(62) Что есть разрушающее, или тление, или тленное? Ведь тление есть распад составных. Разрушает же наводящий тление, а истлевающее распадается сложное. И разрушающее и истлевающее суть сущности, а тление — приводящий признак, усматриваемый в

θεωρουμένη και οὔτε προϋπάρχουσα οὔτε μετὰ τὸ λυθῆναι διαμένουσα.

63. Τί οὖν ἐστὶν ἡ ὕλη, φθείρουσα ἢ φθορὰ ἢ φθαρτή; Καὶ εἰ μὲν εἶπητε, ὅτι φθείρουσα, εἶπατε, τί φθείρει εἰ μὴ τὸν ἀγαθόν; Οὐδὲν γὰρ λέγετε ἕτερον εἰ μὴ τὴν ὕλην καὶ τὸν ἀγαθόν. Εἰ οὖν δύο ἦσαν, φθείρει ἢ ὕλη, γενεσιουργεῖ δὲ ὁ ἀγαθός, ἢ ἡ μὲν ὕλη συνίσταται, φθείρεται δὲ καὶ ἀπόλλυται ὁ ἀγαθός. Εἰ δὲ ἑαυτὴν φθείρει, γνῶτε, ὡς οὐδὲν ἑαυτοῦ ἐστὶν φθαρτικόν· εἰ δὲ καὶ ἑαυτὸ ἐφθειρεν, ἀνάλωσεν ἂν ἑαυτὸ καὶ εἰς ἀνυπαρξίαν ἤλασε. Πῶς δὲ καὶ τὸ φθειρόμενον ἀναρχον; Εἰ δὲ φθαρτή, ὑπὸ τίνος φθείρεται εἰ μὴ ὑπὸ τοῦ ἀγαθοῦ, καὶ ἔσται ὁ ἀγαθός φθορεύς. Εἰ δὲ φθορὰ ἐστὶν, ὑπὸ τίνος ἐνεργεῖται καὶ ἔστιν; Ἡ γὰρ φθορὰ διάλυσις ἐστὶν, ὡς εἶπομεν. Τίς οὖν ὁ διαλύων καὶ τί τὸ διαλύομενον; Ὅτι δὲ οὐ δύναται ἡ ὕλη φθορὰ εἶναι καὶ φθαρτὴ οὐσία, ἐντεῦθεν γνωστόν· ἡ μὲν γὰρ φθαρτὴ οὐσία προηγείται καὶ προϋφίσταται ὡς συντεθεισα ὑπόστασις. Ἡ δὲ φθορὰ ἐπιγίνεται μετὰ τὴν σύνθεσιν λύουσα τὰ συντεθειμένα. Πῶς δὲ καὶ ἦν ἡ οὐσία τῆς ὕλης σύνδρομον καὶ συνουσιωμένην ἔχουσα τὴν φθορὰν; Ἀλλ' ἴσως ἐρεῖτε, ὅτι ἦν ποτε οὐκ ἐνεργεῖα φθορὰ, ἀλλὰ δυνάμει, ὁμοίως καὶ φθαρτόν. Ἀλλὰ γνῶτε, ὅτι τὸ μὲν εἶναι φθαρτικόν ἢ δημιουργικόν, μήπω δὲ ἐνεργεῖν τὴν φθορὰν ἢ τὴν δημιουργίαν διὰ τὸ μὴ δύνασθαι τὰ φθειρόμενα ἢ δημιουργούμενα συναΐδια εἶναι τῷ φθείροντι ἢ δημιουργοῦντι ἀληθές. Ἀλλ' ὑμεῖς οὐδὲν ἐκ τοῦ μὴ ὄντος εἰς τὸ εἶναι παραχθῆναι λέγετε, ἀλλ' αὐτὴν ἑαυτῆς εἶναι τὴν κακίαν φθαρτικὴν καὶ ἀναλωτικὴν, ὥστε αὕτη δυνάμει ἔχουσα τὸ τε φθείρειν καὶ φθείρεσθαι, καὶ οὐκ ἐνεργεῖα ἀτελῆς ἦν. Τὸ δὲ ἐξ ἀτελοῦς προκόπτον εἰς τελειότητα οὐκ ἀναρχον· εἰ γὰρ τὸ ἄτρεπτον ἀναρχον, τὸ τρεπόμενον οὐκ ἀναρχον. Καὶ πάλιν· Τί πρῶτον τῆς ὕλης, ἢ οὐσία αὐτῆς ἢ ἡ φθορὰ; Καὶ εἰ μὲν ἡ φθορὰ, ἀδύνατον αὐτὴν ὑπάρξαι πρὸ τοῦ εἶναι ἀναλισκομένην. Εἰ δὲ ἡ οὐσία αὐτῆς προὔπηρξε τῆς φθορᾶς, οὐσία μᾶλλον καὶ ὑπαρξίς ἐστὶ καὶ οὐ φθορὰ καὶ ἦν

распаде составных, который и до того не существует, и после не пребывает.

(63) Так что же есть вещество — разрушитель, тление или тленное? Если вы ответите, что разрушитель, скажите, что разрушает оно, если не Благого? Ведь вы говорите, что ничего нет кроме вещества и Благого. Итак, если были двое, то вещество разрушает, а благой созидает, или вещество образуется, а Благой истлевает и гибнет. Если же оно разрушает само себя, знайте, что ничто не разрушает само себя, а если бы оно и разрушало, то истребило бы себя и ушло в несуществование. Да и как тленное безначально? Если же оно тленное, чем оно разрушается, как не Благим, и будет Благой разрушителем. Если же оно тление, то чем оно производится и от чего происходит? Ведь тление есть распад, как мы сказали. Итак, кто же разрушающий и что разрушается? А что не может вещество быть тлением и тленной сущностью, можно понять вот откуда — ведь тленная сущность предшествует и предналичествует как составная ипостась. Тление же приходит после сложении, расторгая слагаемые. Как же и [могла] быть сущность вещества, если ей сопутствовало и сосуществовало тление? Но, может быть, вы скажете, что тление было некогда не в действии, но в возможности, и так же тленное. Но знайте — действительно, есть разрушающее и созидающее, но тление и созидание еще не действуют, потому что истлеваемое и создаваемое не может быть совечно разрушителю и созидателю, — однако вы говорите, что ничто не было приведено из не сущего в бытие, но что зло само для себя разрушительно и истребительно, так что, имея не действие, а возможность разрушать и истлевать, оно было несовершенно. А то, что развивается из несовершенного в совершенное, не безначально — ибо если неизменное безначально, то превращаемое не безначально. И опять же: что первое в веществе — сущность его или тление? И если тление, то вещество не

ἀφθορσία ποτέ μὴ ἔχουσα ἐναντίαν τὴν φθορὰν καὶ οὐκ ἀναρχος ἢ φθορά. Εἰ δὲ αἰεὶ ἦν ἡ οὐσία αὐτῆς ἀναλίσκουσα ἑαυτὴν, πῶς προήγαγε τοὺς καρπούς; Εἰ μερικῶς ἀνήλισκεν, οὐ παντελῶς φθαρτικὴ οὐδὲ παντελῶς φθαρτὴ καὶ οὐ τελείως κακὴ. Εἰ δὲ φθαρτικὴ οὐσα ἐπαύσατο τοῦ ἑαυτὴν φθεῖρειν, ἢ κακὸν τὸ φθεῖρειν καὶ ἐκ κακοῦ εἰς ἀγαθὸν ἐτρέπη ἢ ἀγαθὸν τὸ φθεῖρειν καὶ ἐξ ἀγαθοῦ γέγονε κακὴ. Εἰ ἡ ὕλη κακία, ἑαυτὴν δὲ ἔφθειρεν, ἀγαθὴ· τὸ γὰρ φθεῖρον τὸ κακὸν ἀγαθόν. Καὶ πάλιν εἶπατε· Ἡ ὕλη φῶς ἦν ἢ σκότος; Καὶ εἰ μὲν φῶς, τῆς οὐσίας τοῦ ἀγαθοῦ· καὶ ἰδοὺ μία ἀρχὴ καὶ οὐ δύο. Εἰ δὲ σκότος, πῶς τὸ σκότος θεωρεῖ; Εἰ γὰρ θεωρεῖ, φῶς ἔχει. Εἰ δὲ οὐκ ἔχει φῶς, τυφλὸν ἐστὶ, καὶ πῶς εἶδε τὸ φῶς; Πῶς δὲ καὶ σκότος ἐστὶ ἐν τῷ φωτεινῷ καὶ οὐ λυθήσεται; Ἡ ποία κοινωνία φωτὶ πρὸς σκότος; Καὶ πάλιν· Ἡ ὕλη ἔζη ἢ οὐ; Καὶ εἰ μὲν οὐκ ἔζη, πῶς ἐκινήθη; Πᾶν γὰρ τὸ μὴ ἔχον ζωὴν ἀκίνητον. Εἰ δὲ ἔζη, ἢ ἐξ αὐτῆς ἔχει τὴν ζωὴν ἢ ἀλλαχόθεν. Καὶ εἰ μὲν ἐξ ἑαυτῆς, ζωὴ ἦν καὶ οὐ θάνατος. Εἰ δὲ ἀλλαχόθεν ἔσχε τὴν ζωὴν, ἢ ἐκ τοῦ ἀγαθοῦ, καὶ πῶς ἀγαθὸς ὁ ζωώσας τὴν κακίαν; Εἰ δὲ ἐξ ἄλλου, οὐκ ἔσσονται δύο, ἀλλὰ τρεῖς. Καὶ πάλιν· Ἡ ὕλη ἀφ' ἑαυτῆς ἦν ἀναρχος ἢ ἐξ ἄλλου ἐγένετο. Καὶ εἰ μὲν ἐξ ἄλλου ἐγένετο, οὐκ ἀναρχος. Εἰ δὲ ἀναρχος ἦν, πάντοτε εἶχε τὸ εἶναι καὶ οὐδέποτε ἔσχε τὸ μὴ εἶναι. Πῶς δὲ λέγετε αὐτὴν φθορὰν καὶ θάνατον; Ἡ γὰρ φθορὰ τὸ μὴ εἶναι παρέχει, ἢ δὲ ὕλη οὐκ ἔσχε ποτέ τὸ μὴ εἶναι· αἰεὶ γὰρ ἦν, ὡς λέγετε. Πῶς οὖν, ὃ οὐκ ἔχει, δύναται δοῦναι; Καὶ πάλιν· Ἡ γένεσις καὶ ἡ φθορὰ ἐναντία. Ἡ μὲν γὰρ γένεσις ἐκ τοῦ μὴ ὄντος εἰς τὸ εἶναι παραγωγή, ἢ δὲ φθορὰ ἐκ τοῦ ὄντος εἰς τὸ μὴ εἶναι διάλυσις. Εἰ οὖν ἡ ὕλη καθ' ὑμᾶς φθορὰ, πῶς ποιεῖ καρπούς καὶ γεννᾷ; Καὶ πάλιν· Ἡ φθορὰ ἢ παντελῆς καὶ ἑαυτὴν φθεῖρει· εἰ γὰρ ἑαυτὴν συνιστᾷ, οὐ παντελῆς φθορὰ. Εἰ δὲ καὶ ἑαυτὴν φθεῖρει, οὐκ ἐστὶ.

могло существовать до того, как стало разрушаться. Если же сущность его предсуществовала тлению, то оно скорее сущность и существование, а не тление, и некогда было нетлением, не имея противоположного ему тления, и тление не безначально. Если же сущность его всегда была самоистребляющей, то как оно произвело плоды? Если истребляло отчасти, то оно не всецело разрушительно, и не всецело тленно, и не совершенное зло. Если же, будучи разрушительно, оно прекратило разрушать само себя, то или разрушение есть зло и оно превратилось из зла в добро, или разрушение добро, и тогда из добра оно стало злом. Если вещество — зло, и разрушало само себя, то оно благо, потому что разрушитель зла — благо. И опять-таки: скажите, вещество было свет или тьма? И если свет, то от сущности блага — и вот одно начало, а не два. Если же тьма, то как тьма видит? Ведь если видит, то имеет свет. Если же не имеет света, то она слепа, и как узрела свет? Да и как тьма будет на свету и не рассеется? И что общего у света со тьмою? (2 Кор. 6:14). И вновь: вещество было живо или нет? И если не было живо, то как пришло в движение? Ведь все, не имеющее жизни, неподвижно. Если же было живо, то имело жизнь или из себя, или извне. И если из себя, то оно было жизнь, а не смерть. Если же получило жизнь извне, то есть от Благотого, то как тогда благ ожививший зло? Если же от другого, то будут не двое, а трое. И еще: вещество было от себя безначально или произошло от другого. И если произошло от другого, оно не безначально. Если же оно было безначально, то всегда имело бытие и никогда не имело небытия. Как же вы называете его тлением и смертью? Ведь тление производит небытие, а вещество никогда не имело небытия — ведь оно было всегда, как вы говорите. Итак, как оно может дать то, чего не имеет? И опять-таки: возникновение и тление противоположны. Ибо возникновение есть приведение из не сущего в бытие, а тление — распад из сущего в

64. Ἀγαθὸν λέγεται παρὰ τὸ ἄγαν θεῖν πάντα πρὸς αὐτό, ὃ καὶ φύσει ἐστὶν ἐραστὸν καὶ ἐφετόν, οὗ φυσικῶς πάντα ἐφίεται. Κακὸν δὲ ἐστὶν ἢ παρὰ φύσιν ἐφεις, τουτέστιν ὅταν ἐτέρου τινὸς παρὰ τὸ φύσει ἐφετόν ἐφιέμεθα. Πάντων οὖν καὶ τῶν καλῶν καὶ τῶν κακῶν ἀρχὴ καὶ τέλος ἐστὶ τὸ ἀγαθόν· τοῦ γὰρ ἀγαθοῦ ἔνεκα πάντα, καὶ ὅσα ἀγαθὰ καὶ ὅσα ἐναντία· καὶ γὰρ καὶ ταῦτα πράττομεν τὸ ἀγαθὸν ποθοῦντες. Οὐδεὶς γὰρ εἰς τὸ κακὸν ἀποβλέπων ποιεῖ, ἄπερ ποιεῖ. Διὸ οὐδὲ ὑπόστασιν ἔχει τὸ κακόν, ἀλλὰ παρῦπστασιν, τοῦ ἀγαθοῦ ἔνεκα καὶ οὐχ ἑαυτοῦ γινόμενον· πᾶν γὰρ γινόμενον ἢ δι' ἀγαθὸν γίνεται ἢ διὰ νομιζόμενον ἀγαθόν.

65. Πλανᾶται ὑπὸ θεοῦ προφήτης ἢ τοῦ θεοῦ παραχωροῦντος αὐτὸν πλανηθῆναι κατὰ τὴν ἀξίαν τῆς ἐπιθυμίας αὐτοῦ ἢ προλέγων καὶ τοῦ θεοῦ ἄλλα ποιῶντος, παρ' ἃ προεῖπε, πεπλανῆσθαι λέγεται ὑπὸ θεοῦ, τουτέστι πλάνος ἀποδεδειχθαι.

66. Εἶπατε οὖν ἡμῖν, ὦ Μανιχαῖοι· Ἦ ὕλη, ἢν λέγετε κακίαν καὶ σκότος καὶ φθορὰν καὶ θάνατον, ἀναρχον καὶ αἰδίον, οὐσία ἦν ἢ συμβεβηκός; Καὶ εἰ μὲν οὐσία, ἢ σῶμα ἦν, οἷον γῆ, ὕδωρ, ἀήρ, πῦρ, ἢ ἀσώματον, οἷον θεός, ἄγγελος, ψυχὴ, ἢ ἐκ σώματος καὶ ἀσώματου σύνθετος. Καὶ εἰ μὲν σῶμα, ἀκίνητος ἦν· πᾶν γὰρ σῶμα ἄψυχον καὶ ἀκίνητον. Καὶ πῶς μὴ κινουμένη ἦλθεν εἰς τὰ ὅρια τοῦ φωτός; Ἦ πῶς ἔσχε κίνησιν; Ἦ ἀγαθός καὶ οὐκ ἀγαθός ὁ δεδωκώς τῇ κακίᾳ κίνησιν ἢ ἄλλος ἔδωκεν αὐτῇ τὴν κίνησιν παρὰ τὸν ἀγαθόν, καὶ ἔσονται τρεῖς ἀρχαὶ καὶ οὐ δύο. Εἰ δὲ λέγετε, ὅτι ἀσώματος ἦν ἢ ὕλη, πόθεν τὸ σῶμα; Ἦ γὰρ ἀσώματος καὶ ἀναρχος οὐσία οὐ δύναται εἰς

небытие. Итак, если вещество, по-вашему, тление, то как оно производит плоды и рождает? И снова: совершенное тление разрушает и само себя — ибо если само себя образует, это не совершенное тление. Если же оно разрушает само себя, его не будет.

(64) Благо называется так оттого, что все сильно стремится к нему, и по природе оно привлекательно и желанно, чего все естественным образом желает. Зло же есть противоестественное устремление, то есть когда мы устремляемся к чему-то помимо естественного предмета стремлений. «Итак, благо есть начало и конец и добра, и зла, — ибо все ради блага, и благое, и противоположное, — ведь и это мы делаем в жажде блага. Ибо никто не делает то, что делает, имея в виду зло. Поэтому зло и не имеет ипостаси, но побочное существование, происходя ради блага, а не ради самого себя». Ибо все, что происходит, происходит или ради блага, или ради мнимого блага.

(65) Пророк вводится Богом в заблуждение или когда Бог попускает ему заблуждаться по достоинству вождения его, или когда он прорицает, а Бог делает иначе, чем было предсказано, и тогда говорится, что он введен в заблуждение Богом, то есть оказался обманщиком.

(66) Так скажите нам, манихеи: вещество, которое вы называете злом, и тьмою, и тлением, и смертью, безначальным и вечным, было оно сущность или привходящее? И если сущность, то было или телом, как земля, вода, воздух, огонь — или бестелесным, как Бог, ангел, душа — или сложным из тела и бестелесного. И если тело, то оно было неподвижно — ибо всякое тело бездушно и неподвижно. И как, не двигаясь, пришло в пределы света? Или как получило движение? Либо благ и не благ тот, кто дал движение злу, либо другой дал ему движение помимо Благого, и будет три начала, а не два. Если же вы говорите, что вещество было бестелесно, то откуда тело? Ведь бестелесная и

σῶμα τραπήναι. Πόθεν οὖν ἡ ἀναρίθμητος τῶν σωμάτων πληθῦς; Εἰ δὲ σύνθετον εἶπητε τὴν ὕλην ἐξ ἀσωμάτου καὶ σώματος, γινώτε, ὅτι ἀδύνατον σύνθετον γενέσθαι εἰ μὴ ἐξ ἀπλῶν, ὥσπερ ἀδύνατον γενέσθαι δύο εἰ μὴ ἐκ μιᾶς καὶ μιᾶς καὶ ἀδύνατον γενέσθαι ἄνθρωπον εἰ μὴ ἐκ ψυχῆς καὶ σώματος καὶ ἀδύνατον γενέσθαι σῶμα εἰ μὴ ἐκ τῶν ἀπλῶν στοιχείων, τῆς γῆς καὶ τοῦ ὕδατος καὶ τοῦ ἀέρος καὶ τοῦ πυρός. Χρὴ οὖν πρῶτον εἶναι τὰ ἀπλᾶ καὶ τότε γενέσθαι ἐκ τῶν ἀπλῶν σύνθετον. Ἔσονται οὖν οὐ δύο ἀρχαί, ἀλλὰ τρεῖς. Οὕτως ἀδύνατον ἄναρχον εἶναι τὴν ὕλην. Καὶ εἰ σύνθετος ἐξ ἀσωμάτου καὶ σώματος, διὰ τί οὐκ ἐποίησε τὸν ἄνθρωπον ἐκ τῆς ἀσωμάτου αὐτοῦ φύσεως καὶ τοῦ σώματος;

67. Ἄκουε, οὐρανέ, καὶ ἐνωτίζου, γῆ. Πρόσεχε, οὐρανέ, καὶ λαλήσω, καὶ ἀκουέτω γῆ ῥήματα ἐκ στόματός μου. Λαλήσω γὰρ ῥήματα οὐκ ἐμῆς καρδίας, ἀλλὰ τῶν ἐσκοτισμένων καὶ μεμιαμμένων Μανιχαίων. Ἀκούσατε, λαοί, φυλαί, γλῶσσαι, ἀκούσατε. Ἐν θέατρον γενέσθω σήμερον ὁ οὐρανός καὶ ἡ γῆ. Ἀκούσατε, τί λέγουσιν οἱ ἐπικατάραιοι Μανιχαῖοι, οἱ ἐσκοτισμένοι περὶ τὸ φῶς, τὸ στόμα τοῦ διαβόλου. Λέγουσιν, ὅτι ἡ ὕλη ἐπολέμησε μετὰ τοῦ θεοῦ καὶ ἀπέσπασε μέρος ἀπ' αὐτοῦ. Περιγραπτὸν λέγουσι τὸν θεόν, πολεμοῦντα καὶ πολεμούμενον καὶ λυπούμενον καὶ ἀποτεμνόμενον. Πολεμεῖται ὁ θεός; Ἀποκόπτεται ὁ θεός; Οἴμοι, οἴμοι, οὐκ ἀποκτενοῦμεν αὐτούς; Οὐ πυρὶ καταναλώσομεν; Τούτοις ὁμιλήσομεν; Τούτους εἰς κοινωνίαν δεξόμεθα; Ὁ κοινωνῶν αὐτοῖς ὅμοιος αὐτοῖς ἐστὶ καὶ τῆς μερίδος αὐτῶν ἔσται καὶ ἐν τῷ νῦν καὶ ἐν τῷ μέλλοντι αἰῶνι. Ἀδελφοί, κοινωνία λέγεται ἀποθάνωμεν καὶ μὴ δεξόμεθα εἰς κοινωνίαν τοὺς Μανιχαίους. Ἀποθάνωμεν, ἵνα ζήσωμεν· ὁ δεχόμενος αὐτούς εἰς κοινωνίαν Μανιχαῖός ἐστιν, ὅμοιος αὐτοῖς. Κρεῖττον ἐστὶν ἰουδαῖσαι καὶ Ἰουδαῖον ἀποθανεῖν ἢ περὶ κοινωνῆσαι τοῖς Μανιχαίοις. Ὡ ἀπὸ τῶν Μανιχαίων. Ἀκούσατε δὴ πρὸς

безначальная сущность не может превратиться в тело. Откуда же тогда неисчислимое множество тел? Если же вы скажете, что вещество сложно из тела и бестелесного, знайте, что невозможно возникнуть сложному иначе, как из простых, как невозможно возникнуть двум иначе, чем из одного и одного, и невозможно возникнуть человеку, если не из души и тела, и невозможно возникнуть телу, если не из простых стихий, земли, воды, воздуха и огня. Итак, нужно, чтобы сперва были простые, и тогда уже возникало из простых сложное. И тогда будет не два начала, но три. Таким образом, невозможно естеству быть безначальным. И если оно сложно из тела и бестелесного, почему оно не сотворило человека из тела и из бестелесной своей сущности?

(67) Слушайте, небеса, и внимай, земля (Ис. 1:2). Внимай, небо, я буду говорить; и слушай, земля, слова уст моих (Втор.32:1) Ибо я буду говорить слова не моего сердца, но помраченных и оскверненных манихеев. Слушайте, народы, племена, языки, слушайте. Да станут сегодня единым позорищем небо и земля. Послушайте, что говорят проклятые манихеи, помраченные о свете, уста дьявольские. Они говорят, что вещество воевало с Богом и отторгло частицу Его. Они говорят, что Бог ограничен, воюющий и обороняющийся, и скорбящий, и рассекаемый. Бог обороняется? Бог рассекается? Увы, увывы мне, и мы не уьем их? Не истребим огнем? С ними будем беседовать? Их примем в общение? Общающийся с ними подобен им и будет на их стороне и в нынешнем, и в будущем веке. Братья (это и называют общением), умрем, но не примем в общение манихеев. Умрем, чтобы жить, — кто принимает их в общение, тот манихей, подобный им. Лучше впасть в иудейство и умереть иудеем, чем общаться с манихеями. И вы, из манихеев, послушайте ради Бога, о мужи, послушайте, что говорит богомерзкий Мани. Мир, говорит он, не Божий, но дьяволов. Отлучить нас хотят от Бога нашего. И огорчился, говорит он, Бог, что отсечена была

θεοῦ, ὦ ἄνδρες, ἀκούσατε, τί φησιν ὁ θεώλεστος Μάνης. Οὐκ ἔστι, φησίν, ὁ κόσμος τοῦ θεοῦ, ἀλλὰ τοῦ διαβόλου. Ἀπαλλοτριῶσαι ἡμᾶς βούλονται τοῦ θεοῦ ἡμῶν. Καὶ ἐλυπήθη, φησίν, ὁ θεός, ὅτι ἀπεκόπη μέρος ἀπ' αὐτοῦ, καὶ ἐπόνησεν. Ἐὰν ἀπεκόπη μέρος ἐξ αὐτοῦ, φθαρτός ἐστι· πᾶν γὰρ τὸ τεμνόμενον φθαρτόν ἐστιν. Ἐσύλησε καὶ ἤρπαξε, φησίν, ἡ κακία μέρος ἀπὸ τοῦ θεοῦ καὶ διὰ τοῦτο πέμπει ὁ θεός καὶ συλᾶ καὶ ἀρπάζει τὸ μέρος τὸ συληθὲν ἀπ' αὐτοῦ. Ληστὰς θεοῦ εἰσάγεις, ὦ θεώλεστε; Ἀλλὰ καὶ μηχανάς, φησίν, ἐποίησεν ὁ θεός, δώδεκα κάδους καὶ τὸν ἥλιον καὶ τὴν σελήνην, ἵνα λάβῃ τὸ ἴδιον. Εἶτα τί, ἵνα τι τελευταῖον γένηται, ἵνα πέμψῃ πῦρ ὁ ἀγαθός καὶ καύσῃ τὸν κόσμον καὶ ἀναλώσῃ πάντα καὶ ἀποκαταστήσῃ τὴν ὕλην κάτω εἰς τὸν τόπον αὐτῆς καὶ τὰς ψυχὰς τὰς μὴ δεξαμένας τὸν Μάνεντα; Ἀκούσατε, οἷα λέγει ὁ ἀντίδικος τοῦ θεοῦ, πόσῃ δύναμιν δίδωσι τῇ ὕλῃ· Καταβάλλει τοῦ θεοῦ τοῦ ὑψίστου τὴν δύναμιν. Πρῶτον μὲν φησιν, ὅτι ἐσυλήθη καὶ ἐκλάπη. Ὡς ἀδυναμίας. Τὸν θεόν μου λέγεις ἀδύνατον; Ἀλλ' ἐκὼν παρεχώρησε. Πῶς οὖν ἐλυπήθη, εἰ μὴ ἐβιάσθη; Οὐδεὶς προδίδωσι τὰ ἑαυτοῦ ἐκουσίως καὶ λυπεῖται. Εἰ δέ, ἵνα μὴ κατακυριευθῇ ὁ τόπος αὐτοῦ, μὴ δυνηθεῖς ἄλλως περιγενέσθαι τῆς ὕλης, ἐλυπήθη, πῶς οὐκ ἀδύναμος; Εἶτα λυπεῖται, καὶ κολάζεται τὸ μέρος τὸ ἀπ' αὐτοῦ, καὶ τεχνάζεται καὶ μηχανὰς ποιεῖ, ἵνα λάβῃ τὸ ἴδιον, καὶ οὐδὲ ὄλον ἀπολαμβάνει τὸ ἴδιον· αἱ γὰρ ψυχαὶ αἱ μὴ ἀκολουθήσασαι τῷ Μάνεντι εἰς αἰῶνα κολάζονται καὶ τελευταῖον ἡ ὕλη πάλιν ἐν τοῖς ἰδίοις τόποις στασιάσασα τὸν ἀγαθὸν καὶ θλίψασα, αὐτὴ δὲ μὴ θλιβεῖσα, ἀλλὰ τὸ ἔσχατον πρὸς τὸ ἴδιον παλινδρομήσασα μετὰ καὶ τῶν ψυχῶν τῶν μὴ πιστευσασῶν τῷ Μάνεντι. Ἀλλὰ τυχὸν καὶ πάλιν ἀναστήσεται.

68. Εἶπατε ἡμῖν, ὦ Μανιχαῖοι· Ἡ ὕλη ἡσυχάζουσα τὸ πρότερον καλὴ ἦν ἢ κακὴ; Εἰ μὲν κακὴ, ὕστερον στασιάσασα καλὴ ἐγένετο. Εἰ δὲ πρῶτον καλὴ, ὕστερον κακὴ. Εἶτα στασιάσασα πρὸς ἑαυτὴν καὶ ἀτάκτως

от Него часть, и страдал. Если отсечена была от Него часть, то Он тленный — ведь все рассекаемое тленно. Похитило и захватило, говорит он, зло частицу от Бога, и из-за этого посылает Бог, захватывает и похищает похищенную у Него часть. Ты вводишь грабителей Бога, богомерзкий? Но и орудия, говорит он, сотворил Бог, двенадцать сосудов, солнце и луну, чтобы отобрать свое. А что потом, чтобы чем-нибудь закончить — чтобы Благой послал огонь и сжег мир и истребил все, и вернул вещество вниз, в место его, и [с ним] души, не принявшие Мани? Послушайте, что говорит противник Божий, какую силу дает веществу — низвергает оно силу Всевышнего. Сперва, говорит, Он был ограблен и обокраден. Какое бессилие! Ты говоришь, что мой Бог бессилен? Но попустил добровольно. Почему же Он огорчился, если не потерпел насилия? Никто не огорчается, отдавая свое добровольно. Если же Он [сделал это], чтобы не было покорено место Его, не в силах иначе совладать с веществом, и огорчился, то как же Он не бессилен? Затем, Он огорчается, и мучается тою частью, что от Него, и придумывает хитрости, и устраивает орудия, чтобы получить свое, и даже не все свое получает обратно — ибо души, не последовавшие за Мани, наказываются вовеки — и в конце концов вещество, восстав и утеснив Благого, само же не утесненное, но в худшем случае возвратившееся к себе, опять оказывается в своем месте, притом вместе с душами, не поверившими Мани. Но, может быть, оно и снова восстанет.

(68) Скажите нам, о манихеи: вещество, вначале покоящееся, было добрым или злым? Если злым, то затем, восстав, стало добрым. Если же вначале доброе, то затем злое. Затем, восстав само на себя и в беспорядочном движении

κινηθεῖσα καὶ ἐλθοῦσα εἰς τὰ τοῦ φωτὸς ὅρια, εἰ μὲν ἐθεάσατο τὸ ἄυλον φῶς, πῶς τυφλή; Πῶς δὲ καὶ ὕλη ἄυλον φῶς θεάσεται; Εἰ δὲ ἐνόησε, πῶς ἄλογος καὶ ἄνους; Εἰ δὲ καὶ ἠράσθη καθ' ὑμᾶς, πῶς ἄψυχος; Πῶς δὲ κακῆ; Τὸ γὰρ ἐρῶν τοῦ ἀγαθοῦ οὐ κακόν. Πῶς δὲ ἄνους καὶ ἄσοφος ἢ ἐκβᾶσα ἐκ τῶν αὐτῆς, ὥσπερ ζῶον οὐκ ἄλογον, ἀλλ' ὥσπερ ἄριστος στρατηγὸς καὶ εὐτακτος, καὶ λαβοῦσα ἀξιόλογον λάφυρον τοῦ φωτὸς καὶ εἰς τὰ ἑαυτῆς ὑποστρέψασα; Πῶς δὲ καὶ φαύλην λέγετε τὴν τὸ ἀγαθὸν δεξαμένην καὶ χωρήσασαν; Τὰ γὰρ δεκτικὰ ἀγαθοῦ οὐκ ἐναντία οὐδὲ πολέμια. Καὶ πάλιν· Εἰ ἢ ὕλη ἀφήρπασε μέρος τοῦ θεοῦ, δραστήριος μὲν καὶ ποιητικὴ ἢ ὕλη, παθητὴ δὲ καὶ ῥευστὴ ἢ φύσις τοῦ ἀγαθοῦ. Εἰ δὲ ἐκείνη μὲν τοῦ ἀγαθοῦ ἐπεθύμησεν, ὁ δὲ ἀγαθὸς μέρος αὐτοῦ ἔδωκε τῷ κακῷ, ἀμφοτέρω ἐτράπησαν· καὶ τὸ κακὸν γὰρ ἐπεθύμησε τοῦ ἀγαθοῦ καὶ ἀγαθὸν ἐγένετο, καὶ τὸ ἀγαθὸν δεξάμενον μιγῆναι τῷ κακῷ κακὸν ἐγένετο. Καὶ πάλιν· Ἐβλάβη τὸ ἀγαθὸν ὑπὸ τῆς ἀρπαγῆς καὶ τῆς μίξεως ἢ ἔβλαψεν, ἢ ὠφέλησεν ἢ ὠφελήθη; Εἰ μὲν ὠφελήθη, ἐνεργὸν καὶ ἀγαθὸν τὸ ὠφελήσαν καὶ ἦττον τὸ ὠφεληθὲν καὶ παθητόν. Εἰ δὲ ἐβλάβη, καὶ οὕτω παθητόν τὸ βλαβέν καὶ ἐπικρατέστερον τὸ βλάβαν. Εἰ δὲ ἔβλαψε, κακὸν ἐστὶ. Εἰ δὲ ὠφέλησε, φθονερός ὁ ἀγαθός, λυπηθεὶς καὶ μνησικάκος, πυρὶ παραδοὺς τὴν ὕλην καὶ τῇ ὑπερβολῇ τῆς μνησικακίας καὶ ἐξ ἑαυτοῦ μέρος σὺν αὐτῇ. Εἰ δὲ οὐδὲ ἔβλαψεν οὐδὲ ἐβλάβη οὐδὲ ὠφέλησεν οὐδὲ ὠφελήθη, πρῶτον μὲν ἀνενέργητον· τὸ γὰρ ἀγαθόν, ἔνθα ἂν γένηται, ὠφελεῖ, ἂν ἔχη ἀγαθὴν ἐνέργειαν· δεύτερον δὲ ἄδικον, ὅτι μηδὲ ὠφεληθεὶς μηδὲ βλαβεὶς κολάσει τὴν μηδὲν ἀδικήσασαν ὕλην. Εἰ δὲ διὰ τὸ ἐρασθῆναι αὐτοῦ τὴν ὕλην καὶ μετασχεῖν αὐτοῦ ὀργίζεται ὁ θεὸς καὶ λυπεῖται καθ' ὑμᾶς, μηδεὶς ἐρασθῆναι αὐτοῦ. Εἰ δέ, ὡς φατε, γνοὺς ὁ θεὸς τὴν ὕλην ἐπερχομένην αὐτῷ ἐκὼν συνεχώρησεν ἀρπαγῆναι μέρος αὐτοῦ ὑπ' αὐτῆς, ἵνα αὐτῆς τὴν κίνησιν περιγράψας τιμωρήσεται ὥσπερ βόλον

придя в пределы света, если оно увидело невещественный свет, как же оно слепο? Да и как вещество узрит невещественный свет? А если помыслило, как неразумно и бессловесно? А если, по-вашему, возлюбило, то как бездушно? Да и почему же оно зло? Ведь любящее благо не зло. И почему неразумно и немудро, [если] вышло из пределов своих не как бессловесное животное, но как лучший полководец, в полном порядке, и, захватив изрядную добычу света, вернулось к себе? И почему вы называете его скверным, раз оно приняло и вместило благо? Ведь способное воспринимать благо не противоположно ему и не враждебно. И опять-таки: если вещество похитило часть Бога, то вещество деятельное и творящее, природа же благого страдательна и текуча. Если же оно возделало блага, и Благой дал часть свою злу, то оба превратились — ведь и зло возжелало блага и стало благом, и благо, допустив смешение со злом, стало злом. И вновь: повредилось ли благо от похищения и смешения или само повредило, принесло или получило пользу? Если получило пользу, то принесшее пользу действительно и благо, а получившее — страдательно и слабее его. Если же повредилось, то тогда поврежденное страдательно, а повредившее сильнее его. Если же повредило, то оно зло. Если же принесло пользу, то Благой завистлив, огорчен и злопамятен, раз предал огню вещество, а по переизбытку злопамятства вместе с ним и часть от себя. Если же благо не потерпело и не нанесло вреда, не принесло и не получило пользу, то, во-первых, оно бездейственно — ведь благо, где бы оно ни было, помогает, имея благое действие, — а во-вторых, несправедливо, потому что, не потерпев вреда и не принеся пользы, наказывает ни в чем не провинившееся вещество. Если же, по-вашему, Бог гневается и огорчается из-за того, что вещество возлюбило Его и причастилось Ему, пусть никто не возлюбит Его. А если, как вы говорите, Бог, узнав о приближении вещества, добровольно попустил, чтобы у Него была

ἐντήξας τῇ γεέννῃ, πρῶτον μὲν, τίνος ἔνεκεν οὐκ εὐθέως ἔτηξε καὶ παρέδωκεν αὐτὴν τῇ γεέννῃ; Εἰ δὲ οὐκ ἐδύνατο εἰ μὴ τροπῶ τοιοῦτῶ, ἡμῖν τί μέμφεται μὴ ἀνθισταμένοις τῷ πονηρῶ, αὐτὸς προδοὺς τὰς ψυχὰς ἡμῶν διὰ ἀδυναμίαν; Εἶτα γέενναν λέγοντες ἢ ὁμοούσιον τοῦ ἀγαθοῦ ταύτην ἐρεῖτε ἢ ὁμοούσιον τοῦ πονηροῦ ἢ ἄλλην οὐσίαν, καὶ οὐκέτι δύο, ἀλλὰ τρεῖς. Εἰ γὰρ τοῦ ἀγαθοῦ, πῶς κολάζει; Οὐκ ἀγαθὴ γὰρ ἢ γέεννα. Εἰ δὲ τοῦ πονηροῦ, οὐ κολάζει τὸ πονηρόν· οὐδὲν γὰρ ἑαυτὸ κολάζει. Εἰ δὲ ἕτερόν τι παρὰ τὰ δύο, τρεῖς ἀρχαὶ καὶ οὐ δύο, ἢ ἐκ μὴ ὄντος εἰς τὸ εἶναι παρήχθη. Καὶ εἰ τοῦτο, διὰ τί μὴ πρὸς τὴν εὐθειαν ἐρχόμενοι εἶπομεν, ἐκ τοῦ μὴ ὄντος εἰς τὸ εἶναι παρήχθαι τὰ πάντα; Τὸ ἀναρχον ἀτρεπτον· τροπὴ γὰρ ἐστὶ τὸ μὴ πρότερον ὄντα ὕστερον γενέσθαι. Ὡν δὲ τὸ εἶναι ἀπὸ τροπῆς, τρεπτὰ εἰσι φύσει ὦν δὲ εἶναι οὐκ ἀπὸ τροπῆς ἤρξατο, ἀλλ' ἀναρχον, ἀτρεπτα φύσει. Πῶς οὖν ἐκ τῶν ἀνάρχων οὐσιῶν ἐγενόμεθα; Εἰ μὴ γὰρ καὶ αὐταὶ τοιαῦται εἰσιν, οἷοι ἡμεῖς, ἄνθρωποι καὶ αὐτοί. Εἰ δὲ τοιαῦται, πῶς ἐτρόπησαν; Οὐκ ἐκ τῶν ἀνάρχων τοίνυν οὐσιῶν ἡμεῖς, ἀλλ' ἐκ τοῦ μὴ ὄντος. Εἰ ἀναρχος ἀρχὴ καὶ ἀίδιος ἢ ὕλη καὶ ἢ κακία ἐξ ἑαυτῆς ἔχουσα τὸ εἶναι καὶ ὅσα ἔχει, τουτέστι τὴν τυραννίδα καὶ τὴν ἰσχὺν καὶ τὴν κακίαν, ἀτρεπτα ταῦτα ἔξει. Πῶς οὖν ὁ τοσοῦτον αὐτὴν φοβηθεῖς, ὥστε παραχωρῆσαι μέρος ἑαυτοῦ αἰχμάλωτον ὑπ' αὐτῆς γενέσθαι, ἐσχάτως αὐτῆς περιγενέσθαι δυνήσεται;

69. **Μανιχαῖος**· Διὰ τί προγινώσκων ὁ θεὸς τὸν διάβολον, ὅτι ἔμελλε τρέπεσθαι ἐκ τοῦ ἀγαθοῦ εἰς τὸ κακόν καὶ ἀποβάλλεσθαι τὸ ἀγαθὸν καὶ ἐν ἀνυπαρξία τοῦ ἀγαθοῦ εἶναι, ὅπερ ἐστὶ κακόν, ἐποίησεν αὐτόν; **Ὁρθόδοξος**· Εἰ προεγίνωσκεν αὐτόν, ὡς πάντως ἐσόμενον προεγίνωσκεν αὐτόν· ἢ γὰρ μὴ πάντως ἐσομένου πρόγνωσις οὐ πρόγνωσις ἐστίν, ἀλλ' ἀγνώσια καὶ πλάνη. **Μανιχαῖος**· Θέλω

похищена часть Его, чтобы, ограничив его движение, отомстить, словно невод растопив в геенне, — то, во-первых, почему не сразу растопил и предал его геенне? Если же не мог иначе, как таким способом, зачем укоряет нас, что мы не противостоим лукавому, когда сам предал наши души из-за бессилия? Далее, говоря о геенне, вы скажете, что она или единосущна Злому, или иная сущность, и тогда уже не два, но три (начала). Если же единосущна благу, то как наказывает? Ведь геенна не благо. Если же единосущна злу, то не наказывает зло — ибо ничто не наказывает само себя. А если нечто другое помимо двух, три начала, а не два, или же она была приведена в бытие из не сущего. А если так, то почему мы не пошли прямым путем и не сказали, что все было приведено из не сущего в бытие? Безначальное неизменно: ибо превращение есть возникновение того, чего прежде не было. А чье бытие от превращения, то по природе изменчиво, а чье бытие не с превращения началось, но безначально, то по природе неизменно. Тогда как же мы возникли из двух безначальных сущностей? Ведь если они и сами не таковы, то они, как и мы, тоже люди. Если же таковы, то как они превратились? Значит, мы не из безначальных сущностей, но из не сущего. Если вещество и зло есть безначальное и вечное начало, имеющее из самого себя бытие и все, что имеет, то есть тиранию, и силу, и зло, то оно будет иметь это неизменным. Так как же тот, кто настолько испугался его, что попустил, чтобы часть его самого была пленена им, в конце может одолеть его?

(69) **Манихей**: Почему Бог, предвидя, что диавол в будущем превратится из блага во зло и утратит благо, и пребудет в несуществовании блага, что и есть зло, [все же] сотворил его? **Православный**: Если он предвидел его, то предвидел, что он обязательно будет, — ведь предвидение того, что не непременно будет, не есть предвидение, но незнание и заблуждение. **Манихей**: Бог хотел сотворить его?

ἐποίησεν αὐτὸν ὁ θεός; Ὁρθόδοξος· Ναί, θέλων. Μανιχαῖος· Καὶ διὰ τί ἠθέλησε ποιῆσαι αὐτὸν ἀγαθὸς ὢν, τὸν κακὸν ἐσόμενον; Ὁρθόδοξος· Ἐποίησεν αὐτὸν ὁ θεὸς καλόν· αὐτὸς δὲ ἐκουσίως ἐτράπη καὶ ἀπεβάλετο τὸ ἀγαθόν. Μανιχαῖος· Διὰ τί ἀπεβάλετο τὸ ἀγαθόν; Ὁρθόδοξος· Ὅτι αὐτεξούσιος ἐγένετο. Μανιχαῖος· Καὶ διὰ τί ἐποίησεν αὐτὸν αὐτεξούσιον καὶ τρεπτόν; Ὁρθόδοξος· Τρεπτόν μὲν ἅπαν κτίσμα κατὰ φύσιν· ὢν γὰρ ἢ γένεσις ἀπὸ τροπῆς ἤρξατο, ταῦτα ἀνάγκη κατὰ φύσιν τρεπτὰ εἶναι. ἢ οὐ τροπὴ ἢ ἐκ τοῦ μὴ ὄντος εἰς τὸ εἶναι παραγωγή; Μόνον οὖν φύσει ἄτρεπτον τὸ θεῖον ὡς ἄκτιστον καὶ αἰεὶ ὄν. Τὰ δὲ κτίσματα, ὅσα μὲν λογικά, ἐθελότρεπτα, τῷ θελήματι τρεπόμενα, τὰ δὲ λοιπὰ κατὰ σῶμα. Αὐτεξούσιον δέ, ὅτι οὐκ ἐξ ἀνάγκης· πᾶν γὰρ λογικὸν αὐτεξούσιον. Εἰς τί γὰρ τῷ λογικῷ χρήσεται μὴ ὢν αὐτεξούσιος; ἢ πῶς ἐν ἀρετῇ γενήσεται ἢ ἀγαθὸς ἔσται μὴ ὢν αὐτεξούσιος; Τὸ γὰρ βία γινόμενον ἢ ἀνάγκη φύσεως οὐκ ἀρετῆ· ὅθεν οὐδὲ ἔχει ἀρετὴν τὰ ἄλογα. Τὸ δὲ διὰ τινα ῥαθυμίαν ἀνελεῖν τὴν τῶν ἀγαθῶν ἀρετὴν, οὐ δικαίου. Μανιχαῖος· Ὁφείλεν οὖν τοὺς μέλλοντας ἐναρέτους ἔσεσθαι μόνους ποιῆσαι, ἵνα μόνον ἢ τὸ ἀγαθὸν καὶ μόνη ἢ ἀρετὴ πολιτεύηται. Ὁρθόδοξος· Τέλειον ἀγαθὸν ὁ θεὸς μόνος, τῇ δὲ πρὸς αὐτὸν συγκρίσει πάντα ἀτελῆ, κατὰ τοῦτο ὄντα καὶ λεγόμενα ἀγαθὰ, καθ' ὅσον αὐτοῦ μετέχουσι, καὶ τῇ πρὸς ἄλληλα συγκρίσει. Ὅπερ γὰρ πλέον μετέχει τοῦ ἀγαθοῦ, πλέον ἀγαθὸν ἔστι τε καὶ λέγεται· ὅπερ δὲ ἔλαττον, ἔλαττον· ὅπερ δὲ οὐδ' ὅλως, ἀγαθὸν οὐδ' ὅλως. Τὸ δὲ οὐδ' ὅλως ἀγαθόν, παντελῶς κακόν. Καὶ αὐτὸ δὲ τὸ εἶναι, ἀγαθόν· ἐκ θεοῦ γὰρ τοῦ ἀγαθοῦ τὸ εἶναι, ὥστε ὢν ὁ διάβολος κατ' αὐτὸ τὸ εἶναι ἀγαθός ἔστι.

70. Μανιχαῖος· Διὰ τί λέγει ὁ κύριος· Καλὸν ἦν τῷ ἀνθρώπῳ ἐκεῖνον, εἰ οὐκ ἐγεννήθη ὁ

Πравославный: Да, хотел. **Манихей:** Почему же Он, будучи благим, захотел сотворить его, который будет зол? **Πравославный:** Бог сотворил его добрым, он же добровольно превратился и утратил благо. **Манихей:** Почему он утратил благо? **Πравославный:** Потому что обладал свободой воли. **Манихей:** А зачем Он сотворил его свободным и изменчивым? **Πравославный:** Изменчива всякая тварь по природе, ибо чье возникновение началось с превращения, то обязательно должно быть измененным. Разве приведение из не сущего в бытие не есть превращение? Итак, только Божество по природе неизменно как нетварное и присносущее. Творения же, те, что разумны, добровольно изменчивы, превращаясь по своей воле, а все остальное [превращается] телесно. Свободным же — потому что [он действует] не по необходимости: ибо все разумное самовластно. Ибо на что он употребит разум, не будучи самовластен? Или как будет добродетельным или благим, не будучи самовластен? Ведь то, что происходит насильно или по естественной необходимости, не добродетель — поэтому бессловесные и не имеют добродетели. А из-за чьего-то легкомыслия упразднить добродетель добрых — не дело справедливого. **Манихей:** Значит, Он должен был сотворить только тех, кто будет добродетелен, чтобы только добро и только добродетель творилась. **Πравославный:** Совершенное благо есть только Бог, и в сравнении с Ним все несовершенно, и есть благо и называется им постольку, поскольку причастно Ему, и в сравнении друг с другом. Ибо что больше причастно благу, есть и называется большим благом, а что меньше, меньшим — а что совсем непричастно, вообще не благо. А то, что вообще не благо, всецело зло. И само бытие благо, ибо бытие от благого Бога, так что диавол, существуя, по самому своему бытию благ.

(70) **Манихей:** Почему говорит Господь: лучше было бы для того человека не родиться (Мф.

ἄνθρωπος ἐκεῖνος; Ὁρθόδοξος· Ἐπειδὴ τῷ μὲν ἀγαθῷ πρέπει τὸ δίδοναι τὰ ἀγαθὰ, τῷ δὲ λαμβάνοντι αἰσχύνη καὶ ὄνειδος τὸ μὴ φυλάξαι, ἃ ἔλαβεν ἀγαθὰ, οὐ διὰ τὸν δίδοντα, ἀλλὰ δι' ἑαυτὸν καὶ τὴν ἑαυτοῦ ῥαθυμίαν. Καὶ ὁ θεὸς οὐ δύναται μὴ παρέχειν τὰ ἀγαθὰ ἀγαθὸς ὢν, τουτέστιν οὐ θέλει· ὁ δὲ μὴ θέλων λαβεῖν αὐτὸς ἑαυτοῦ αἴτιος, ἑαυτῷ τὸ μὴ λαβεῖν κρείττον ποιῶν τοῦ λαβεῖν. Οὐ δίκαιον οὖν οὐδὲ καλόν, διὰ τὸ μὴ θέλειν τοῦτον λαβεῖν κωλυθῆναι τὸν ἀγαθὸν τοῦ εὖ ποιεῖν καὶ δίδοναι τὰ ἀγαθὰ. Οὕτω γὰρ ἂν ἡ κακία ἐνίκα τὸ ἀγαθόν, εἰ ὁ θεὸς ἀγαθότητι ἐκ τοῦ μὴ ὄντος εἰς τὸ εἶναι παράγει, τὸ δὲ κακὸν ἔσσεσθαι ἐξ ἀγαθοῦ ἐκουσίως τρεπόμενον ἐκώλυσε τὴν ἀγαθὴν τοῦ ἀγαθοῦ δημιουργίαν. Διὸ οὐκ εἶπεν ὁ κύριος· Συνέφερον, εἰ οὐκ ἐγεννήθη ὁ ἄνθρωπος ἐκεῖνος, ἀλλὰ· Συνέφερε τῷ ἀνθρώπῳ ἐκείνῳ. Καλὸν μὲν καὶ κατὰ φύσιν καὶ κατὰ τὸ δίκαιον τὸν ἀγαθὸν εὖ ποιεῖν καὶ δίδοναι τὰ ἀγαθὰ, ὁ δὲ λαβὼν καὶ μὴ φυλάξας ἐπονείδιστον ἑαυτῷ τὸ λαβεῖν ἐποίησεν· αὐτὸς γὰρ ὁ μὴ θέλων τὸ ἀγαθὸν καί, ὃ ἔχει ἀγαθόν, οὐ θέλει οὐδὲ ἡδεταί. Τὸ μὲν γὰρ εἶναι οὐκ ἐφ' ἡμῖν, ἀλλ' ἐκ θεοῦ μόνου, τὸ δὲ ἀγαθὸν εἶναι ἐκ θεοῦ καὶ ἐξ ἡμῶν. Ὁ θεὸς οὖν, ὅπερ αὐτοῦ ἐστι, δίδωσι τὸ εἶναι καὶ τὸ εὖ εἶναι, ἡμεῖς δέ, ὅπερ ἐφ' ἡμῖν ἐστι, τὸ φυλάξαι τὰ δοθέντα ἀγαθὰ, ἢ ποιῶμεν ἢ οὐ. Ὅπερ δὲ μόνου θεοῦ ἐστι, καὶ θελόντων καὶ μὴ θελόντων ἡμῶν αὐτὸς δίδωσιν ὡς ἀγαθός, ἵνα κἂν ποσῶς ἢ ἐν ἡμῖν τὸ ἀγαθόν.

71. Ὁ θεὸς καὶ τῷ διαβόλῳ ἀεὶ παρέχει τὰ ἀγαθὰ, ἀλλ' ἐκεῖνος οὐ θέλει λαβεῖν. Καὶ ἐν τῷ μέλλοντι αἰῶνι πᾶσι δίδωσιν ὁ θεὸς τὰ ἀγαθὰ· πηγὴ γὰρ ἐστὶ τῶν ἀγαθῶν πᾶσι βρούουσα τὴν ἀγαθότητα, ἕκαστος δέ, καθὼς ἑαυτὸν κατεσκεύασε δεκτικόν, μετέχει τοῦ ἀγαθοῦ. Ἐνταῦθα μὲν οὖν περὶ ἄλλα τὴν ὄρεξιν ἔχοντες καὶ ἐπιτυγχάνοντες κἂν ποσῶς ἡδῶμεθα, ἐκεῖσε δέ, ὅταν ὁ θεὸς εἴῃ τὰ πάντα ἐν πᾶσι, μὴ βρώσεως οὔσης, μὴ πόσεως μηδέ τινος σαρκικῆς ἡδονῆς μηδέ τινος ἀδικίας οἱ μηδὲ τὰς συνήθεις ἡδονὰς ἔχοντες μηδὲ τῶν ἐκ

26:24)? **Православный:** Поскольку Благому подобает давать блага, а для получившего позор и укоризна не сберечь благ, которые он получил, не из-за Давшего, но по своей вине и из-за своего легкомыслия. И Бог, будучи благ, не может не доставлять блага, то есть не хочет, — а не желающий получать сам себе виноват, почитая лучшим для себя не получить, нежели получить. Итак, несправедливо и нехорошо, чтобы из-за его нежелания принять Благому было бы препятствие в благодеяниях и даровании благ. Ибо так зло побеждало бы добро, если Бог по благости из не сущего приводит в бытие, а зло, добровольно превращающееся из добра, препятствовало бы благому творению Благого. Поэтому не сказал Господь: «лучше было бы, если бы не родился тот человек», но лучше было бы для того человека. Хорошо, и естественно, и справедливо, чтобы Благой благодетель и давал блага, тот же, кто принял и не сберег, сделал для себя и принятие в укоризну — ибо сам, не желая блага, не услаждается и не желает даже того блага, которое имеет. Ибо бытие не в нашей власти, но только от Бога, а быть добрым — и от Бога, и от нас. Итак, Бог, как Ему и свойственно, дает бытие и благое бытие, а мы либо делаем то, что в нашей власти, — сберечь дарованные блага, — либо нет. А что зависит от одного Бога, Он Сам дает нам как благой, хотим мы того или нет, чтобы в нас хоть в какой-то мере было добро.

(71) Бог и диаволу всегда предоставляет блага, но тот не хочет принять. И в будущем веке Бог всем дает блага — ибо Он есть источник благ, на всех изливающий благость, каждый же причащается ко благу, насколько сам приуготовил себя воспринимающим. Посему здесь, имея влечение к иным вещам и достигая их, мы хоть как-то наслаждаемся, а там, когда Бог будет все и во всем (1 Кор. 15:28), и не будет ни еды, ни питья, ни какого-либо плотского наслаждения, ни несправедливости, те, кто уже не имеет обычных удовольствий, но и к тем, что от Бога, уже не

θεοῦ δεκτικοὶ ὄντες ὀδυνῶνται ἀνηκέστως, οὐ τοῦ θεοῦ κόλασιν ποιήσαντος, ἀλλὰ ἡμῶν ἑαυτοῖς τὴν κόλασιν εὐτρεπισάντων, ἐπεὶ οὐδὲ θάνατον ὁ θεὸς ἐποίησε, ἀλλ' ἡμεῖς ἑαυτοῖς τοῦτον ἐπεσπασάμεθα. Φύσει μὲν γὰρ πᾶν σύνθετον διαλύεται, ἀλλ' ὅσον θεῶ διὰ θεωρίας ἤνωτο ὁ Ἀδάμ, ἐν ἑαυτῷ εἶχε τὴν ζωὴν ὑπὲρ φύσιν ζωοποιοῦσαν τὴν θνητὴν αὐτοῦ φύσιν. Ὅτε δὲ ἀπέστη τῆς πρὸς τὴν ζωὴν ἡγουν τὸν θεὸν ἐνώσεως, ἦλθεν ἐκ τῆς ὑπὲρ φύσιν ἀφθαρσίας εἰς τὴν κατὰ φύσιν τοῦ συνθέτου διάλυσιν, ὅπερ ἐστὶ θάνατος.

72. Ἐπειδὴ δὲ τινὲς φασιν, ὡς ἔδει τὸν θεὸν προειδότα τοὺς ἀμαρτήσοντας καὶ μὴ μετανοήσοντας καὶ κριθησομένους μὴ παραγαγεῖν αὐτοὺς ἐκ τοῦ μὴ ὄντος εἰς τὸ εἶναι· γὰρ ἀγαθοῦ ποιῆσαι καὶ κολάσαι, φάμεν πρὸς αὐτοὺς πρῶτον μὲν τὸ τοῦ ἀποστόλου· Μενοῦν γε, ὦ ἄνθρωπε, σὺ τίς εἶ ὁ ἀνταποκρινόμενος τῷ θεῷ; Τῷ γὰρ θελήματι αὐτοῦ τίς ἀνθέστηκεν; Ὁ γὰρ θέλει, τοῦτό ἐστιν ἀγαθόν· Καὶ ἐξουσίαν ἔχει ὁ κεραμεὺς ποιῆσαι ὁ μὲν εἰς τιμὴν σκεῦος, ὁ δὲ εἰς ἀτιμίαν. Αὐτὸς μὲν γὰρ ἐστὶν ὁ ποιῶν τοὺς τε δικαίους καὶ τοὺς ἀμαρτωλοῦς· ἀλλ' οὐκ αὐτὸς ποιεῖ αὐτοὺς δικαίους ἢ ἀμαρτωλοῦς· ἢ τιμίους ἢ ἀτίμους· φησὶ γὰρ ὁ αὐτὸς ἀπόστολος ἐν τῇ πρὸς Τιμόθεον ἐπιστολῇ, προαριθμήσας τὰς κακίας, ἐπάγει λέγων· Ὅστις οὖν ἐκκαθάρη ἑαυτὸν ἐκ τούτων, γέγονε σκεῦος ἐκλογῆς. Αὐτεξούσιοι γὰρ γενόμενοι ἐξουσίαν ἔχομεν καθᾶραι ἑαυτοὺς ἐκ τῶν αἰσχίστων παθῶν καὶ μολῦναι ἑαυτούς. Ὅμως πάντας ὁ θεὸς ἀγαθοὺς ἐποίησεν. Αὐτὸς μὲν οὖν καὶ τὸ εἶναι καὶ τὸ εὔ εἶναι πᾶσι παρέχει ὡσπερ ἥλιος ἐφαπλῶν τὰς ἀκτῖνας τῆς ἀγαθότητος αὐτοῦ ἐπὶ πάντα τὰ ἔργα αὐτοῦ. Καὶ τὸ μὲν εἶναι οὐκ ἔστιν ἐφ' ἡμῖν λαβεῖν, τὸ δὲ εὔ εἶναι ἐφ' ἡμῖν ἐστίν. Ἄν τοίνυν θελήσωμεν καὶ ποθήσωμεν, μετέχομεν τῆς ἀγαθότητος αὐτοῦ καὶ ἐν φωτὶ εἰς αἰῶνας ἐσόμεθα. Ἐὰν δὲ ῥαθυμήσωμεν καὶ ἑαυτοὺς τυφλώσωμεν καὶ μὴ ποθήσωμεν αὐτόν, ἀμέτοχοι αὐτοῦ ἐσόμεθα. Οὐκ ἔδει οὖν διὰ τὴν ἡμετέραν ῥαθυμίαν αὐτὸν ἀμετάδοτον

восприимчивы, мучаются неизбежно, не потому, что Бог сотворил наказание, но потому, что мы сами устроили себе наказание, так как и смерть Бог не сотворил, но мы сами навлекли ее на себя. Ибо по природе все, что сложно, распадается, но поскольку Адам соединился с Богом через умозрение, он имел в себе жизнь, сверхъестественно животворившую смертную его природу. Когда же он отступил от единения с жизнью, то есть с Богом, он перешел из сверхъестественной нетленности в естественный распад сложного, который и есть смерть.

(72) Но поскольку некоторые говорят, что следовало Богу, провидя тех, кто согрешит и не покается, и будет осужден, не приводить их из не сущего в бытие — ведь не пристало благому сотворить и наказать, — ответим им сперва словами апостола: А ты кто, человек, что споришь с Богом? Ибо кто противостоянет воле Его? (Рим. 9:20;19). Ибо то, что Он хочет, и есть благо, и властен горшечник сделать один сосуд для почетного (употребления), а другой для низкого (Рим. 9:21). Ибо Он Сам и творит и праведников, и грешников, — но не Сам делает их праведниками и грешниками, или почетными или низкими: ибо сам апостол говорит в послании к Тимофею, после перечисления пороков добавляя: Итак, кто будет чист от сего, тот будет сосудом в чести (2 Тим. 2:21). Ибо, будучи самовластны, мы имеем власть очистить себя от постыднейших страстей — и осквернить себя. Однако же Бог сотворил всех добрыми. Итак, Он Сам доставляет всем и бытие, и благоденствие, как солнце, простирая лучи благодати Своей на все дела Свои. И не в нашей власти получить бытие, но быть добрыми — в нашей. Посему если мы захотим и возжаждем, будем причастны к благодати Его и вовеки будем в свете. Если же будем беспечны и ослепим себя, и не возжаждем Его, то пребудем непричастны Ему. Итак, не следовало, чтобы Он из-за нашего легкомыслия отказался давать дары благодати Своей, из которых первый есть бытие, и нельзя было, чтобы наши пороки

γενέσθαι τῶν τῆς ἀγαθότητος αὐτοῦ δωρεῶν, ὧν πρώτη ἐστὶ τὸ εἶναι, οὐδὲ ἔδει τὴν ἡμετέραν κακίαν νικῆσαι καὶ ἀνενέργητον ποιῆσαι τὴν ἀγαθότητα αὐτοῦ. Εἰ γὰρ τοῦτο ἦν, οὐδὲν ἂν τῶν ὄντων ἐγένετο· οὐδὲν γὰρ τῶν ὄντων ἀξίως πολιτεύεται τῆς ἀγαθότητος αὐτοῦ. Δικαίως γὰρ πρὸς αὐτὸν συγκρινόμενα τὰ πάντα ἀνάξια τοῦ εἶναί εἰσιν.

73. Ὅμως οὐ μόνον ἀγαθός ἐστὶν ὁ θεός, ἀλλὰ καὶ δίκαιος καὶ ὀρῶν τὰ πάντα μήπω γενόμενα ὡς ὄντα. Ὁ καλῶν γὰρ, φησί, τὰ μὴ ὄντα ὡς ὄντα. Εἰ μὲν ὤφειλε δι' ἀγαθότητα μὴ ποιῆσαι τοὺς κολαζομένους, μᾶλλον δι' ὑπερβάλλουσαν ἀγαθότητα ὤφειλε καὶ ποιῆσαι αὐτοὺς καὶ μὴ κολάσαι, ἀλλὰ συγχωρῆσαι αὐτοῖς ἁμαρτάνουσιν· αὐτὸς γὰρ κύριος ἀμφοτέρων ἐστὶ, καὶ τοῦ ποιῆσαι καὶ τοῦ συγχωρῆσαι. Εἰ δὲ δίκαιόν ἐστὶ τὸ κολάζεσθαι τοὺς ἁμαρτάνοντας, δίκαιον ἦν καὶ γενέσθαι αὐτούς. Ὁρᾷ γὰρ τὰ μὴ ὄντα ὡς ὄντα ὁ θεὸς καὶ οὐκ ἐκ τῆς ἀποβάσεως τῶν πραγμάτων κρίνει, ἀλλ' ἐκ τῆς προγνώσεως τῶν ἐσομένων. Ἐπεὶ οὐδὲ ἐκ τῆς ἀποβάσεως τῶν γινομένων γινώσκει, ἀλλὰ προγινώσκει τὰ ἐσόμενα καὶ κατὰ τὴν πρόγνωσιν αὐτοῦ προορίζει. Πῶς δὲ καὶ προγινώσκει τὸ μὴ ἐσόμενον; Εἰ γὰρ προσέγνω τὸν ἁμαρτάνοντα καὶ μὴ ἐποίησεν αὐτόν, οὐ πρόγνωσις ἦν, ἀλλὰ πλάνη· ὥσπερ γὰρ ἡ γνῶσις τῶν ὄντων ἐστίν, οὕτω καὶ ἡ πρόγνωσις τῶν πάντως ἐσομένων ἐστὶ.

74. Μὴ οὖν κρίνωμεν τὸν θεόν· οὐ γὰρ οἶδαμεν τὴν βουλήν αὐτοῦ. Τίς γὰρ ἔγνω νοῦν κυρίου; ἢ τίς σύμβουλος αὐτοῦ ἐγένετο; Οὐ γὰρ πᾶσαν τὴν βουλήν αὐτοῦ ἀπεκάλυψεν ἡμῖν, ἀλλ' ὅπερ συνέφερεν ἡμῖν γνῶναι· ὅπερ δὲ οὐ συνέφερεν ἡμῖν γνῶναι, ἀπέκρυψε. Μὴ οὖν εὐθύνωμεν τὸν θεόν· αὐτὸς γὰρ ἐστὶν ὁ κριτῆς καὶ αὐτός ἐστιν ἡ πηγὴ τῶν ἀγαθῶν, καὶ οὐκ ἔστιν ἀγαθόν, εἰ μὴ ὁ αὐτὸς βούλεται, ὥσπερ οὐκ ἔστι φῶς εἰ μὴ τὸ ἐκ τοῦ ἡλίου πηγαζόμενον.

75. Αὐτὸς μὲν οὖν ὁ θεὸς φύσει ἀγαθός καὶ συμπαθὴς ὧν οὐ θέλει τὴν ἁμαρτίαν, οὐ θέλει

победили и сделали бездейственной Его благодать. Ибо если бы так было, то ничего бы не возникло из сущих — ибо ничто из сущих не живет достойно благодати Его. Ведь в сравнении с Ним, по справедливости, все недостойно бытия.

(73) Однако Бог не только благ, но и праведен, и видит все, что еще не возникло, как сущее. Ибо Он называет несуществующее как существующее (Рим. 4:17). Если Он не должен был по благодати творить караемых, то скорее по преизбытку благодати Он должен был бы и сотворить их, и не наказывать, но простить им грехи — ибо Он Господин того и другого, сотворить и простить. Если же справедливо, чтобы грешники были наказаны, то справедливо, чтобы они и возникли. Ибо Бог видит «несуществующее как существующее» и судит не по исходу дела, а из предвидения будущего. Потому что Он знает не по исходу происходящего, но провидит будущее и по провидению Своему предопределяет. Но как Он провидит то, чего не будет? Ибо если бы Он провидел грешника и не сотворил бы его, то это было бы не провидение, а заблуждение — ведь как познают сущее, так и провидят то, что обязательно будет.

(74) Посему, не будем судить Бога — ибо мы не знаем замысла Его. Кто уразумел дух Господа, и был советником у Него? (Ис. 40:13). Ведь Он не открыл нам весь Свой замысел, но насколько нам полезно было знать, а то, что не полезно, скрыл. Итак, не будем спрашивать отчета у Бога — ибо Он Сам Судия и Сам источник благих, и нет блага кроме того, что Он желает, как нет света кроме источаемого солнцем.

(75) Итак, Сам Бог, будучи по природе благ и сострадателен, не хочет греха, не хочет смерти

τὸν θάνατον τοῦ ἁμαρτωλοῦ οὐδὲ τέρπεται ἐπ' ἀπωλείᾳ ζώντων οὐδὲ πάθει ὀργῆς κατέχεται ἢ κολάζει, ἀλλὰ πᾶσι βρῦει τὰ ἀγαθὰ. Ὁ ποθῶν λαμβάνει καὶ ὁ ἀγαθὸς ἀγαθῶν τυγχάνει· καὶ ἐν μὲν τῷ βίῳ τούτῳ οἰκονομία τίς ἐστι καὶ κυβέρνησις καὶ πρόνοια ἄρρητος πρὸς ἐπιστροφὴν καὶ μετάνοιαν καλοῦσα τοὺς ἁμαρτάνοντας, μετὰ δὲ θάνατον οὐκέτι τροπή, οὐκέτι μετάνοια, οὐχὶ τοῦ θεοῦ μὴ δεχομένου μετάνοιαν· αὐτὸς γὰρ ἑαυτὸν ἀρνήσασθαι οὐ δύναται οὐδὲ ἀποβάλλεται τὴν συμπάθειαν, ἀλλ' ἢ ψυχὴ οὐκέτι τρέπεται. Διὸ κἂν τις ποιῆσῃ πάσας τὰς δικαιοσύνας καὶ ἐπιστρέψῃς ἀμαρτήσῃ καὶ ἐξέλθῃ ποθῶν τὴν ἁμαρτίαν ἐκ τοῦ βίου, ἐν τῇ ἁμαρτίᾳ αὐτοῦ ἀποθανεῖται. Ὁμοίως καὶ ὁ ἁμαρτωλός, ἐὰν μετανοήσῃ καὶ ἐν τῇ μετανοίᾳ αὐτοῦ ἀποθάνῃ, οὐ μὴ μνησθῶσιν αἱ ἁμαρτίαι αὐτοῦ. Ὡς γὰρ οἱ δαίμονες μετὰ τὴν ἐκπτώσιν οὐ μετανοοῦσιν οὐδὲ οἱ ἄγγελοι νῦν οὐχ ἁμαρτάνουσι, ἀλλ' ἀμφοτέρωθεν ἔσχον τὸ ἄτρεπτον, οὕτω καὶ οἱ ἄνθρωποι μετὰ θάνατον τὸ ἄτρεπτον ἔχουσι, καὶ οἱ μὲν δίκαιοι ποθοῦντες τὸν θεὸν καὶ ἔχοντες αὐτὸν αἰεὶ ἐν αὐτῷ εὐφραίνονται, οἱ δὲ ἁμαρτωλοὶ ποθοῦντες τὴν ἁμαρτίαν καὶ μὴ ἔχοντες τὰς ὑλάς τῆς ἁμαρτίας, ὡς ὑπὸ πυρὸς καὶ σκώληκος κατεσθιόμενοι, κολάζονται μηδεμίαν παρηγορίαν ἔχοντες. Τί γὰρ ἐστὶ κόλασις εἰ μὴ τοῦ ποθουμένου στέρησις; Κατὰ τὴν ἀναλογίαν οὖν τοῦ πόθου οἱ τε τὸν θεὸν ποθοῦντες εὐφραίνονται καὶ οἱ τὴν ἁμαρτίαν ποθοῦντες κολάζονται· καὶ γὰρ οἱ ἐπιτυγχάνοντες τοῦ ποθουμένου κατὰ τὸ μέτρον τοῦ πόθου εὐφραίνονται καὶ οἱ ἀποτυγχάνοντες κατὰ τὸ μέτρον τοῦ πόθου ὀδυνῶνται.

76. Ὑμεῖς δὲ εἶπατε ἡμῖν· Τί ἐστὶ παντοκράτωρ; Πάντως ὁ πάντων κρατῶν· φησὶ γὰρ ὁ ἀπόστολος· Ὁ δὲ πάντα κατασκευάσας θεός. Καὶ πῶς παντοκράτωρ ὁ θεὸς μὴ κρατῶν τῆς ὕλης καὶ τῆς κακίας; ἢ πῶς δημιουργὸς μὴ αὐτὸς δημιουργήσας τὴν ὕλην; ἢ πῶς θεὸς ἀτελής ὢν καὶ ἐλλιπὴ ἔχων τὴν δύναμιν; Διὰ τί γὰρ οὐκ ἀνεῖλε καὶ ὑπέταξε τὴν ὕλην, ἀλλ'

γρῆσιν (Иез. 33:11) и не радуется гибели живущих (Прем. 1:13), не одержим страстью гнева и не наказывает, но всем изливает блага. Жажущий получает, и добрый достигает благ — и в этой жизни есть некое устройство и управление и неизреченное провидение, зовущее грешников к обращению и покаянию, а после смерти уже нет ни превращения, ни покаяния — не потому, что Бог не принимает покаяния, ведь Он не может отречься Сам от Себя и не отказывается от сострадания, — но душа уже не превращается. Поэтому даже если кто исполнит всю праведность и, обратившись, согрешит и уйдет из жизни с влечением к греху, то умрет в грехе своем. Подобно тому и грешник, если покается и умрет в покаянии своем, не помянут ему грехи его. Ибо как бесы после отпадения не каются, и ангелы теперь не согрешают, но те и другие получили неизменность, так и люди после смерти имеют неизменность — и праведники, влекущиеся к Богу и обладающие Им, вечно радуются в Нем, а грешники, влекущиеся к греху, не имея предмета греха, наказываются без всякого утешения, как бы сжигаемые огнем и червем. И что же такое наказание, как не лишение вождельного? Поэтому сообразно со своим вождельным жаждущие Бога радуются, а жаждущие греха наказываются — ибо как достигающие вождельного радуются по мере своего вождельного, так и недостигающие по мере своего вождельного мучаются.

(76) Вы же скажите нам: что есть Вседержитель? — Конечно, «все одержавший», ведь апостол говорит: а устроивший все есть Бог (Евр. 3:4). Но как Бог будет Вседержителем, не властвуя над веществом и злом? Или как будет Творцом, не сотворив Сам вещество? Или как Он Бог, будучи несовершен и имея недостаточную силу? Ибо почему Он не уничтожил и не покорил

εἶασεν αὐτὴν στασιάζουσαν καὶ μέχρι ῥοπῆς καιροῦ; Εἰ μὲν μὴ βουλευθεὶς, οὐκ ἀγαθός· οὐκ ἀγαθοῦ γὰρ οὐδὲ δικαίου τὸ ἐφησυχάζειν τοῖς ἀμαρτάνουσιν. Εἰ δὲ μὴ δυνηθεὶς, θεὸς ἀδύνατος μὴ εἶη θεός· οὐ γὰρ δύνασθε εἰπεῖν, καθὼς ἡμεῖς ἔφημεν περὶ τοῦ γενέσθαι καὶ εἶναι τὸν διάβολον, ὅτι αὐτὸ τὸ εἶναι αὐτὸν ἀγαθὸν ἐστίν. Ἡμεῖς γὰρ ἐκ τοῦ ἀγαθοῦ δίδόντες αὐτῷ τὸ εἶναι ἀγαθὸν τὸ εἶναι αὐτὸν δικαίως εἵπομεν· τὸ γὰρ ἐκ τοῦ ἀγαθοῦ διδόμενον ἀγαθὸν ἐστίν. Ὑμεῖς δὲ οὐκ ἐκ τοῦ ἀγαθοῦ δίδόντες τῇ ὕλῃ ὑπαρξιν, ἀλλὰ καὶ κακὴν ταύτην λέγοντες καὶ φύσει κακὴν καὶ παντελῶς ἀμέτοχον ἀγαθοῦ οὐκ ἀγαθὸν δυνησέσθε εἰπεῖν τὸ εἶναι αὐτὴν. Οὐκοῦν ἢ οὐκ ἀγαθὸς ἢ οὐ δυνατὸς ὁ θεὸς καθ' ὑμᾶς μὴ ἐξ ἀρχῆς αὐτὴν ἀνελών. Καὶ πάλιν· Εἰ ἐκ τῆς οὐσίας τοῦ ἀγαθοῦ καὶ τῆς οὐσίας τοῦ κακοῦ τὰ πάντα, οὐδὲ ὁ ἀγαθὸς καὶ δημιουργὸς οὐδὲ ὁ πονηρός, ἀλλὰ πατέρες τῶν ὄντων. Καὶ πάλιν· Εἰ ἡ κακία ἐναντία τῷ ἀγαθῷ ὡς ὄν ὄντι καὶ ἀρχὴ ἀρχῆ καὶ οὐσία οὐσία καί, καθ' ὑμᾶς εἰπεῖν, θεὸς θεῶ, ἐν ἡμῖν δὲ ἐστὶ ποιῆσαι τὸ ἀγαθὸν καὶ κακόν, ἐν ἡμῖν ἐστὶ δοῦναι τὰ νικητήρια τῷ ἀγαθῷ ἢ τῷ πονηρῷ, καὶ ἡμεῖς ἐσμεν αἴτιοι τῆς ἐπικρατείας ἑκατέρου.

77. Ἡμεῖς γὰρ ἓνα θεόν φαμεν ἀγαθόν, δίκαιον, πάντων δημιουργόν, πάντων κρατοῦντα, παντοδύναμον, ὅσα θέλει δυνάμενον, καὶ ὑπ' αὐτοῦ ἐκτίσθαι τὰ πάντα, τὰ τε ὄρατὰ καὶ τὰ ἀόρατα, οὐκ ἐκ τῆς οὐσίας αὐτοῦ, ἀλλ' ἐκ τοῦ μὴ ὄντος εἰς τὸ εἶναι πάντα γὰρ, ὅσα ἠθέλησεν, ἐποίησεν ὁ κύριος, καὶ τοῦτο ἀγαθὸν φαμεν, ὃ θέλει οὐ γὰρ τὰ ποιήματα κρίνει τὸν ποιήσαντα. Ἀλλ' οὐδὲ ἴσμεν τὸν λόγον τῆς προνοίας αὐτοῦ· τίς γὰρ ἔγνω νοῦν κυρίου ἢ τίς σύμβουλος αὐτοῦ ἐγένετο; Εἰ ἔγνωστο ἢ βουλή αὐτοῦ καὶ τὸ θέλημα αὐτοῦ, οὐκ ἦν θεὸς οὐδὲ θαυμαστός. Ὡσπερ γὰρ ἡ οὐσία αὐτοῦ ἀκατάληπτος, οὕτω καὶ ἡ θέλησις καὶ ἡ πρόνοια αὐτοῦ. Εἰ γὰρ τὰ τῶν ἀνθρώπων οὐδεὶς ἐπίσταται εἰ μὴ τὸ πνεῦμα ἑκάστου τὸ ἐν αὐτῷ, ἀλλ' οὐδὲ πάντα τὰ ἑαυτοῦ ἕκαστος τῶν ἀνθρώπων

вещество, но позволил ему взбунтоваться хотя бы даже на мгновение? Если Он не пожелал, то не благ — ибо не дело благого и праведного спокойно смотреть на согрешающих. Если же не смог, то немощный Бог — не Бог (вы ведь не можете сказать, как мы говорили о возникновении и бытии дьявола, что уже само то, что он есть, благо. Ибо мы, давая ему бытие от благого, по справедливости сказали бы: благо, что он есть, — ведь даруемое от благого есть благо. Вы же, давая существование веществу не от блага и, более того, называя его злым и по природе злым, и совершенно непричастным благу, не сможете сказать, что его бытие есть благо). Итак, Бог, по-вашему, или не благ, или немощен, раз не уничтожил его изначально. И опять-таки: если все от сущности добра и от сущности зла, то ни Благой не будет Творцом, ни злой — но [оба они] отцы сущего. И вновь: если зло противоположно благу как сущее сущему, и начало началу, и сущность сущности, и, как вы выражаетесь, как бог богу, а творить добро или зло в нашей воле, то в нашей воле принести победу Благому или Злому, и мы — причина того, что один берет верх.

(77) Ибо мы говорим, что единый Бог благ, праведен, Творец всего, над всем властвует, всемогущ, может все, что хочет, и что все создано Им, видимое и невидимое, не от сущности Его, но из не сущего [приведено] в бытие — ибо Господь творит все, что хочет (Пс. 134:6), — и благом мы называем то, чего Он хочет, ибо творения не судят Сотворившего. Но и сути промысла Его мы не знаем: ибо кто познал ум Господень? Или кто был советником Ему (Рим. 11:34). Если бы известно было желание Его и воля Его, то Он не был бы Бог дивный. Ибо как сущность Его непостижима, так и воление, и промысел Его. Ведь если никто не знает, что в человеке, кроме духа каждого, который в нем (1 Кор. 2 11), но даже и каждый человек не знает всего в себе — ведь ему неведомо будущее, и он не знает, чего желает, или чего захочет или

ἐπίσταται οὐ γὰρ τὸ μέλλον γινώσκει οὐδέ, τί βούλεται ἢ τί θελήσει καὶ βουληθῆ αὐριον, ἐπίσταται, πῶς οὖν τὸ τοῦ θεοῦ θέλημα καὶ τὴν αὐτοῦ βουλήν γινώσεται, ὅς πολλάκις καί, ὧν ἐβουλεύσατο, εἰς λήθην ἔρχεται;

78. Προνοεῖται ὁ θεὸς κατὰ τὴν αὐτοῦ πρόγνωσιν τῶν ἀπάντων. Καὶ δοκεῖ μὲν ἡμῖν τοῖς μὴ εἰδόσι μηδὲ τὰ μέλλοντα μηδὲ τὰ προγεγονότα μηδὲ πάντα τὰ ἐνεστῶτα ἀνώμαλος ἢ κυβέρνησις αὐτοῦ, ὁμαλή δὲ ἐστὶ καὶ ἀγαθὴ καὶ δικαία τῶ ὄντι. Προγινώσκων γὰρ τὰ ἐφ' ἡμῖν ὡς ὄντα τὰ ἐσόμενα δικαίως, ὡς αὐτὸς θέλει καὶ βούλεται, κρίνει οὐ γὰρ, ὡς ὄρᾳ ἄνθρωπος, ὁψεται ὁ θεός. Ἄνθρωπος γὰρ εἰς πρόσωπον ὄρᾳ, θεὸς δὲ εἰς καρδίαν. Ἡμεῖς καὶ τὸ ὑπὸ πάντων κρινόμενον δίκαιον πολλάκις ἄδικον ὀρωμεν διὰ πρόληψιν κακίας καὶ διὰ τὸ μὴ τὸ αὐτὸ πᾶσιν ἀρεστόν εἶναι· οὐ γὰρ τὸ αὐτὸ πᾶσιν ἀρεστόν, ἀλλ' ἕτερον ἕτέρω. Κρίνει δὲ ὁ θεὸς οὐκ ἐκ μεταμελείας ἢ ἐπιγνώσεως, ἀλλ' ἐκ προγνώσεως. Προεγνωκῶς γὰρ ὁ θεὸς τὰ πάντα πρὶν γενέσεως αὐτῶν προώρισεν ἐκάστῳ δικαίως καὶ προνοητικῶς καὶ συμφερόντως κατάλληλα τοῖς ἐφ' ἡμῖν τὰ οὐκ ἐφ' ἡμῖν. Ἄλλο γὰρ ἐστὶ γνῶσις καὶ ἄλλο πρόγνωσις καὶ ἄλλο ἐπίγνωσις καὶ ἄλλο ὀρισμὸς καὶ ἄλλο προορισμὸς. Γνῶσις μὲν γὰρ ἐστὶ τὸ εἰδέναι τὰ ὄντα ἢ τὰ γινόμενα, πρόγνωσις δὲ τὸ εἰδέναι τὰ ἐσόμενα πρὶν γενέσεως αὐτῶν, ἐπίγνωσις δὲ ἐστὶν ἢ μετὰ ψευδῆ γνῶσιν ἐπιγινομένη ἀληθῆς γνῶσις· καὶ ὀρισμὸς μὲν ἐστὶ κρίσις καὶ ἀπόφασις ἐπὶ τοῖς γεγενημένοις, προορισμὸς δὲ κρίσις καὶ ἀπόφασις ἐπὶ τοῖς ἐσομένοις.

79. Προειδῶς οὖν ὁ θεὸς τὰ ἐσόμενα ὑφ' ἡμῶν ἐκουσίως ἤγουν τὰ ἐφ' ἡμῖν, ἀρετὴν φημι καὶ κακίαν, προορίζει τὰ οὐκ ἐφ' ἡμῖν. Καὶ ἡ μὲν προγνωστικὴ δύναμις τοῦ θεοῦ οὐκ ἐξ ἡμῶν ἔχει τὴν αἰτίαν, τὸ δὲ προγῶναι, ἃ μέλλομεν ποιεῖν, ἐξ ἡμῶν· εἰ γὰρ μὴ ἐμέλλομεν ποιεῖν, οὐδὲ αὐτὸς προεγίνωσκε τὸ μὴ ἐσόμενον. Καὶ ἡ μὲν πρόγνωσις τοῦ θεοῦ ἀληθῆς ἐστὶ καὶ ἀπαράβατος, ἀλλ' οὐκ αὐτὴ ἐστὶν ἡ αἰτία τοῦ

пожелает завтра, — так как же будет знать волю Божию и желание Его тот, кто часто забывает и собственные помыслы?

(78) Божий промысел состоит в том, что Он все предвидит. И нам, которые не знают ни будущего, ни прошедшего, ни всего настоящего, управление Его кажется непостоянным, но в действительности оно постоянно, и благо, и справедливо. Ибо провидя то, что в нашей воле, будущее как сущее, Он судит справедливо, как Сам хочет и желает, — ведь Бог смотрит не так, как видит человек. Ибо человек смотрит на лице, а Господь смотрит на сердце (1 Цар. 16:7). А мы видим, что и то, что по общему суждению справедливо, часто несправедливо из-за того, что оно ведет ко злу и из-за того, что не всем по нраву одно и то же — ведь не одно и то же всем нравится, но каждому иное. Судит же Бог не по перемене мнения или узнаванию, но по предведению. Ибо Бог, предвидев все прежде возникновения его, предопределил для каждого справедливо, промыслительно и полезно то, что не в нашей воле, в соответствии с тем, что в нашей воле. Ибо одно — знание, а другое предведение и другое узнавание, иное определение и иное — предопределение. Ведь знание — это знать сущее или возникающее, предведение — знать имеющее быть прежде возникновения его, а узнавание — это приходящее после ложного истинное знание. И определение есть суд и решение по уже произошедшему, а предопределение — суд и решение о том, что будет.

(79) Итак, Бог, предвидя то, что мы совершим добровольно, то есть то, что зависит от нас, — я имею в виду добродетель и зло, — предопределяет то, что от нас не зависит. И предвещающая сила Божия не в нас имеет причину, а предведение того, что нам предстоит сотворить, в нас: ведь если бы нам не предстояло сотворить, то и Он не предвидел бы того, что не будет. И предведение Божие истинно и

γενέσθαι πάντως τὸ ἐσόμενον, ἀλλ', ὅτι μέλλομεν ποιεῖν τότε ἢ τότε, προοινώσκει. Προοινώσκει δὲ πολλά, ἃ οὐκ ἔστιν αὐτῶ ἀρεστά, καὶ οὐκ αὐτὸς αἴτιος τούτων. Ὡς οὐδὲ ἰατρὸς αἴτιος τῆς νόσου, εἰ προοινῶ, ὅτι μέλλει τις νοσεῖν, ἀλλὰ τὸ μὲν νοσῆσαι ἄλλης αἰτίας τῆς ποιούσης τὴν νόσον, ἢ δὲ πρόγνωσις τοῦ ἰατροῦ τῆς ἐν αὐτῶ τέχνης· οὕτω καὶ τὸ ἐσόμενον ὑφ' ἡμῶν οὐκ ἐκ τοῦ θεοῦ τὴν αἰτίαν ἔχει, ἀλλὰ τὸ αὐτεξούσιον ἡμῶν θέλημα· οὐ κακὸν δὲ τὸ αὐτεξούσιον, εἰ, ὡς ἐδόθη ἡμῖν καὶ ἐφ' ᾧ ἐδόθη, χρῆσόμεθα αὐτῶ. Τὸ δὲ προοινῶναι τὸν θεὸν τῆς προγνωστικῆς αὐτοῦ δυνάμεως. Ἀλλ' οὐδὲ αἱ τιμωρίαι ἡμῶν τὸν θεὸν ἔχουσιν αἴτιον. Οὐ γὰρ ὁ κριτὴς ἐστὶ τῆς τιμωρίας τοῦ πονηροῦ αἴτιος, εἰ καὶ αὐτὸς θέλων κρίνει, ἀλλ' αἴτιος μὲν ἐστὶν ὁ πταίσας τῆς ἑαυτοῦ τιμωρίας, ὁ δὲ κριτὴς τῆς δικαιοσύνης αἴτιος· ἀγαθὸν δὲ ἡ δικαιοσύνη. Εἰ γὰρ θέλων κρίνει, ἀλλ' οὐ κατὰ προηγούμενον θέλημα, ἀλλὰ κατὰ τὸ ἐπόμενον. Προηγούμενον οὖν ἐστὶ θέλημα, ὅπερ τις ἀφ' ἑαυτοῦ θέλει, ἐπόμενον δέ, ὅπερ ἐκ τῆς τῶν γινομένων αἰτίας· προηγουμένως γὰρ ἐξ ἑαυτοῦ θέλει ὁ θεὸς πάντας ἀνθρώπους σωθῆναι καὶ εἰς ἐπίγνωσιν ἀληθείας ἐλθεῖν. Ἀμαρτανόντων δὲ ἡμῶν θέλει παιδεύεσθαι ἡμᾶς πρὸς τὸ συμφέρον. Καὶ τὸ μὲν προηγούμενον θέλημα τοῦ θεοῦ τῆς ἀγαθότητός ἐστι, τὸ δὲ ἐπόμενον τῆς δικαιοσύνης αὐτοῦ.

80. Ὅτι δὲ προώρισεν ὁ θεὸς τὰ πάντα κατὰ τὴν πρόγνωσιν αὐτοῦ, οὕτως γνωσόμεθα. Ἄτρεπτον τὸ θεῖον καὶ οὐκ ἐξ ἐπιγνώσεως κρίνον, ἀλλ' ἐκ προγνώσεως. Εἰ οὖν καθ' ἡμέραν κρίνει καὶ ὀρίζει, καθ' ἡμέραν γινώσκει τὸ γινόμενον καί, ὡς τινὲς φασί, καὶ μεταμελεῖται καὶ προστίθησιν ἔτη ζωῆς, μὴ εἰδότες, τί φασιν. Εἰ γὰρ μεταμελεῖται καὶ προστίθησι, τρεπτόν ἔχει καὶ τὸ θέλημα καὶ τὴν γνώσιν, καὶ τοῦτο ἀνάξιον τοῦ θεοῦ. Εἰ δὲ λέγεται προστεθεικέναι τῶ Ἐζεκία κατὰ τὴν γραφήν, ἀλλ' οὐκ ἀγνοῶν οὐδὲ μὴ προορίσας προσέθηκεν, ἀλλ' αὐτὸς μὲν καὶ προέγνω καὶ

ненарушимо, но оно само не есть причина того, что грядущее обязательно сбудется, — Он предвидит, что нам предстоит совершить то или это. Предвидит же Он многое, что Ему не по душе, и чему не Сам Он причиной. Как и врач неповинен в болезни, когда предвидит, что кто-нибудь заболит, но заболевание вызвано другой причиной, производящей болезнь, а предвидение врача — это дело его искусства, — так и то, что мы совершим, имеет причину не в Боге, но в нашей свободной воле. Свободная же воля не зло, если мы воспользуемся ею для того, на что она нам дана. А то, что Бог предвидит, — это относится к Его предвещающей силе. Но и наши кары причиной имеют не Бога. Ибо не судья — причина кары злодея, даже если судит сам по твоей воле, но сам преступник причина собственной кары, а суля — причина справедливости, справедливость же есть благо. Ведь даже если он судит по своей воле, то не по предшествующей, а по последующей. Предшествующая воля — это то, что кто-нибудь хочет сам по себе, а последующая — от причины происходящего, ибо предварительно от Себя Бог хочет, чтобы все люди спаслись и достигли познания истины (1 Тим. 2:4). Когда же мы согрешаем, Он хочет, чтобы мы воспитывались для нашей пользы. И предшествующая воля Божия относится к Его благодати, а последующая — к Его справедливости.

(80) А что Бог predetermined все по предведению Своему, мы уясним так. Божество неизменно и судит не по узнаванию, но из предведения. Итак, если Он судит и определяет каждодневно, то Он каждодневно узнает о происходящем, и раскаивается, и прибавляет годы жизни, как некоторые говорят, не ведая, что говорят. Ведь если Он прибавляет, то у Него переменчива и воля, и знание, а это недостойно Бога. Если же в Писании говорится, что Он прибавил Езекии, то Он прибавил не потому, что не знал или не predetermined, — Он Сам и предвидел, и predetermined то, что

προώρισε τὰ κατὰ τὸν Ἐζεκιάν· προνοητικῶς δὲ ἐσχηματίσατο οἰκονομῶν τὴν σωτηρίαν ἡμῶν, ἵνα δείξη, πόσον δύναται ἡ μετάνοια. Μεταμελεῖσθαι δὲ λέγεται ἐκ τῶν καθ' ἡμᾶς. Ἡ γὰρ γραφή ἀνθρωπικώτερον περὶ θεοῦ διαλέγεται πρὸς τὴν νηπιότητα τῶν ἀκουόντων. Ὡσπερ γὰρ λέγεται: Ἴνα τί ὑπνοῖς, κύριε; οὐχ ὑπνοῖ δὲ ὁ θεός, ἀλλὰ τὴν ἀνοχήν καὶ τὴν μακροθυμίαν αὐτοῦ καὶ τὴν ὑπέρθεσιν τῆς βοηθείας αὐτοῦ ὑπνον ἐκάλεσε· παρ' ἡμῖν γὰρ οἱ ὑπνοῦντες οὐ βοηθοῦσιν, οὕτω καὶ μεταμέλειαν· ἡμεῖς γάρ, ὅταν δῶμέν τι πλοῦτον καὶ κακῶς ἐκεῖνος χρήσεται αὐτῷ, μεταμελούμεθα. Οὕτως τοῦ θεοῦ τὸν ἀνθρωπον ποιήσαντος καὶ τὸν Σαοὺλ χρίσαντος εἰς βασιλέα καὶ ἀμαρτησάντων αὐτῶν μεταμελεῖσθαι λέγεται, οὐ τοῦ θεοῦ μεταμεληθέντος· προήδει γὰρ τὸ ἐσόμενον, ἀλλὰ τούτων ἄξια μεταμελείας πραξάντων. Ἀγωνισώμεθα οὖν ποιῆσαι τὸ ἀγαθὸν καὶ ἀγαθοὶ γενέσθαι, ἵνα ὦμεν τῶν προεγνωσμένων ἀγαθῶν καὶ προωρισμένων εἰς ζωὴν αἰώνιον.

81. Ἰστέον δέ, ὡς ἀγαθὸν μὲν ἐστὶ τάξις ἀρίστη ἐκάστῳ τὸ κατὰ φύσιν οἰκεῖον διασώζουσα· ταυτὸν δὲ ἐστὶ καὶ ἀρετὴ, κακία δὲ ἢ τῆς τάξεως λύσις ἢ γοῦν ἀταξία. Δισσῶς δὲ τὸ ἀγαθὸν λέγεται ἢ τὸ ὄντως ἀγαθὸν ὡς ἢ ῥηθεῖσα τάξις ἢ καὶ τὸ δοκοῦν ἀγαθόν, ἢ κατ' αἴσθησιν ἡδονὴ παρὰ τὴν προειρημένην τάξιν, ὅπερ οὐκ ἀγαθόν ἐστίν, ἀλλὰ μᾶλλον κακόν. Καὶ ἡ κακία δὲ δισσῶς λέγεται ἢ τὸ ὄντως κακόν, τουτέστι τὸ παρὰ τὴν φυσικὴν τάξιν γινόμενον καὶ παρὰ τὸν νόμον τοῦ κτίσαντος κατ' οἰκεῖαν γνώμην· φυσικὴ γὰρ τάξις ἢ ὑπακοὴ τοῦ κτίσαντος, ἀταξία δὲ ἢ παρακοή· ἢ τὸ δοκοῦν κακόν, τὸ κατ' αἴσθησιν λυπηρὸν καὶ ἡμῖν ἐπίπονον ὡς ἢ παιδεία, ἢ τις μᾶλλον ἀγαθόν ἐστὶ καὶ συμφέρον πρὸς τὴν κατὰ φύσιν ἐπανάγουσα τάξις. Καὶ λέγονται τὰ μὲν ἐκούσια κακά, τὰ ὄντως κακά, τὰ εἶδη τῆς ἀμαρτίας, τὰ δὲ ἀκούσια, τὰ ἐπίπονα.

было с Езекией, — но промыслительно представил дело так, устроая спасение наше, чтобы показать, сколько может покаяние. А что Он раскаивается, говорится по уподоблению нам. Ибо Писание беседует о Боге с младенчеством слушающих более человеческим образом. Ведь как сказано: что спишь, Господи? (Пс. 43:24), — но не спит Бог, а сном названо долготерпение Его, и великодушие, и промедление Его помощи — ведь у нас спящие не помогают; так и раскаяние: ведь мы, когда даем кому-то богатство, а тот дурно его употребляет, раскаиваемся. Так и когда Бог сотворил Адама и помазал на царство Саула, но они согрешили, говорится, что Он раскаялся не потому что Бог раскаялся (ведь Он предвидел будущее), но потому что те совершили достойное раскаяния. Итак, будем усердствовать в том, чтобы творить добро и стать добрыми, да будем в теле благих, предвидимых и предопределенных в жизнь вечную.

(81) Следует же знать, что благо (а добродетель — это то же самое) есть наилучший порядок, сохраняющий каждому свое по природе, зло же есть нарушение порядка или же беспорядок. А благо именуется двояко: или действительное благо, как упомянутый порядок, или кажущееся — чувственное удовольствие, против вышесказанного порядка, что не есть благо, но скорее зло. И «зло» тоже говорится двояко: или действительное зло, то есть то, что происходит против естественного порядка и против закона Создателя по собственной воле (ведь послушание Создателю — естественный порядок, а беспорядок — ослушание), или кажущееся благо, то, что неприятно чувству, и болезненно для нас, как воспитание, которое скорее есть благо и полезно нам, поскольку возвращает к естественному порядку. И добровольное зло называется действительным злом, разновидностями греха, а невольное — причиняющим боль.

82. Οὐτε τούτων οὖν οὔτε ἐκείνων αἴτιος ὁ θεός, ὡς ἐδείξαμεν. Εἰ γὰρ καὶ τὰ ἀκούσια λεγόμενα κακὰ διὰ τὸ ἡμῖν δοκεῖν κακὰ εἶναι, διὰ τὸ ἀηδὲς καὶ διὰ τὸ παράβουλον ἡμῶν καὶ διὰ τὸ ἀμαρτάνειν ἡμᾶς, τουτέστιν ἀποτυγχάνειν τοῦ δέοντος σκοποῦ, τῷ πρὸς τὴν ἡδονὴν λίχνῳ δικαίῳ λόγῳ ὁ θεὸς ἐπάγει παιδεύων πρὸς τὸ συμφέρον, ἀλλὰ τῶν ἐκουσίων κακῶν ἤρτηται τὰ ἀκούσια λεγόμενα κακὰ· ἀκολουθεῖ γὰρ τοῖς ἐκουσίοις κακοῖς τὰ ἀκούσια. Τιμωρίαί γὰρ καὶ παιδεῖαι ὡς τὰ πολλὰ πρὸς διόρθωσιν αἰ συμφοραὶ γίνονται, καὶ ἡ τοῦ μέλλοντος αἰῶνος κόλασις τελεία τῆς κακίας καὶ ἀμαρτίας ἀναίρεσις ἢ τὸ ἐναντίον εἰπεῖν τοῖς ἐπιποθοῦσι τὰς σωματικὰς παρὰ τὸν φυσικὸν νόμον ἡδονὰς καὶ τὰς διὰ ταῦτα ἀμαρτίας ἢ κόλασις καὶ ἀπορία τῆς τούτων χρήσεως ἔσται αἰωνία κόλασις. Κόλασις γὰρ ἡ τοῦ ποθουμένου ἀποτυχία. Ἄχρι γὰρ ἀμαρτίας ἡδονὴ παρὰ τὸν νόμον τῆς φύσεως· αὕτη δὲ διττή, ἢ ψυχικὴ ἢ σωματικὴ· καὶ ψυχικὴ μὲν ἢ τῆς δόξης ἔφεσις, σωματικὴ δὲ βρωσις, πόσις, ἄνεσις σώματος, ὕπνος, συνουσία γυναικῶν. Ταῦτα πάντα φυσικὰ καὶ καλὰ κατὰ τὴν φυσικὴν τάξιν καὶ τὸν νόμον τοῦ κτίσαντος γινόμενα, κακὰ δὲ παρὰ τὸν νόμον τοῦ κτίσαντος καὶ τὴν φυσικὴν τάξιν καὶ χρῆσιν.

83. Φυσικὴ δὲ τάξις τὸ ἐφίεσθαι τῆς παρὰ θεοῦ δόξης, τὸ δὲ τῆς παρ' ἀλλήλων δόξης ἐφίεσθαι παρὰ φύσιν· θεῷ γὰρ μόνῳ τῷ φύσει δοξαστῶ πρέπει ἢ παρὰ πάντων τῶν κτισμάτων αὐτοῦ δόξα, ἡμῖν δὲ τὸ ταπεινοῦσθαι θεῷ ὡς δημιουργῷ καὶ ἀλλήλοις διὰ τὸν νόμον τοῦ κτίσαντος. Τοῦτο γὰρ τῆς πρὸς θεὸν ἀγάπης καὶ τῆς πρὸς τὸν πλησίον τεκμηρίον, ὃς νόμος θεοῦ ἐστίν· Ἀγαπήσεις γὰρ κύριον τὸν θεόν σου ἕξ ὅλης τῆς καρδίας σου καὶ τὸν πλησίον σου ὡς ἑαυτόν, καὶ πᾶς ὁ ὑψῶν ἑαυτὸν ταπεινωθήσεται, ὁ δὲ ταπεινῶν ἑαυτὸν ὑψωθήσεται. Ὡστε τὸ ἀγαπᾶν τὴν παρ' ἀλλήλων δόξαν ἀπιστίαν συνίστησιν. Οὐ δύνασθε γὰρ, φησί, πιστεῦειν εἰς ἐμὲ δόξαν

(82) Итак, Бог не причина ни того, ни другого, как мы показали. Ведь даже если и невольное так называемое зло (потому что это нам оно кажется злом) Бог по справедливости наводит на нас из-за нашей мерзости и безрассудства, и из-за того, что мы грешим, то есть не достигаем нужной цели по жадности к наслаждению, — наводит, воспитуя для нашей пользы, — однако это зло, именуемое невольным, зависит от добровольного, ибо невольное зло следует за добровольным. Ведь несчастья по большей части бывают наказаниями и воспитанием к исправлению, а наказание будущего века — это совершенное уничтожение зла и греха, или, наоборот, для вождеющих вопреки естественному закону телесных наслаждений и ради них греха, пресечение и отсутствие пользования этими наслаждениями будет вечным наказанием. Ведь наказание есть недостижение вожеленного. Ибо наслаждение доходит до греха, когда оно вопреки закону природы. Оно же двойко, душевное или телесное: душевное — стремление к славе, а телесное — еда, питье, отдых тела, сон, соитие с женщиной. Все это естественно и хорошо, когда происходит согласно естественному порядку и закону Создателя, и дурно — когда вопреки закону Создателя и естественному порядку и употреблению.

(83) Естественный же порядок в том, чтобы стремиться к славе от Бога, а стремиться к славе друг от друга противоестественно — ибо только Богу, по природе прославленному, подобает слава от всех созданий Его, а нам — смиряться пред Богом как Творцом и друг перед другом ради закона Создателя. Ибо это свидетельство любви к Богу и ближнему, что и есть закон Божий: Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и... ближнего твоего как самого себя (Мк. 12:30-31) и всякий, возвышающий сам себя, унижен будет, а унижающий себя возвысится (Лк. 18:14). Так что любовь к славе друг от друга ведет к неверию. Ибо сказано: Как вы можете верить, когда друг от друга

παρ' ἀλλήλων λαμβάνοντες καὶ τὴν δόξαν τοῦ μόνου θεοῦ οὐ ζητοῦντες.

84. Πάλιν· Ἡ σωματικὴ ἡδονή, βρῶσις καὶ πόσις καὶ τὰ λοιπὰ κατὰ τὴν φυσικὴν χρῆσιν καὶ τὸν νόμον τοῦ κτίσαντος λαμβανόμενα καλὰ, παρὰ δὲ τὸν νόμον τοῦ θεοῦ καθ' ἡμετέραν γνώμην καὶ παράχρησιν γινόμενα κακὰ· οἷον βρῶσις καὶ πόσις, ὅσον πρὸς τὸ ζῆν καὶ σύστασιν τοῦ σώματος, καλὰ, ὁμοίως καὶ ὁ ὕπνος καὶ ἡ τῆς γυναικὸς χρῆσις, τὸ εἰδέναί τὸ ἴδιον σκεῦος, καλόν, τὸ δὲ πρὸς ἡδονὰς ἀλόγους κεχρησθαι βρώσει καὶ πόσει καὶ γυναιξὶν ἀδιαφόρως ἀλόγων δίκην πονηρόν.

85. Διὰ οὖν τὴν κενὴν δόξαν καὶ διὰ τὴν ἄμετρον βρῶσιν καὶ πόσιν καὶ τὰς πορνείας ἢ φιλαργυρία, τὸ τούτων ἔρεισμα, φθόνοι τε καὶ ἔριδες καὶ πονηρίαὶ καὶ ψεῦδος καὶ συκοφανταίαι καὶ ἀρπαγαὶ καὶ φόνοι καὶ τὸ πρὸς τὸν πλησίον μῖσος. Διὰ γὰρ τὸ πληθυνθῆναι τὴν ἀνομίαν ἐψύγη ἢ ἀγάπη τῶν πολλῶν. Πολλοὺς δὲ ἔφη τοὺς κεχρημένους τῇ ἀνομίᾳ. Ἐκ τῶν φυσικῶν οὖν ἔρχονται τὰ παρὰ φύσιν τοῦ διαβόλου προσβάλλοντος.

86. Πρὸς πάντα ταῦτα δύο δὲ ἡμῖν τρόποι μέγιστοι πρὸς βοήθειαν, τὸ βιάζεσθαι ἑαυτοῦς ἔνδειγμα γὰρ ἀγάπης πρὸς τὸν θεὸν ἢ βία καὶ ἡ προσευχή· ἔνδειγμα γὰρ ταπεινώσεως ἢ προσευχή. Ἐπιγινώσκοντες γὰρ τὴν οἰκείαν ἀσθένειαν τὴν τοῦ θεοῦ ἐπικαλούμεθα δύναμιν. Δεῖ δὲ εἰδέναί, ὅτι καὶ τὸ μὴ κρίνειν λυτροῦται ἀπὸ ἁμαρτίας· τὸ γὰρ μὴ κρίνειν ταπεινώσεως σημεῖον. Οὐδὲν οὕτως προσκαλεῖται τὴν τοῦ θεοῦ βοήθειαν ὡς ἡ ταπεινώσις. Ἴδε γὰρ, φησί, τὴν ταπεινώσιν μου καὶ τὸν κόπον τῆς βίας μου καὶ ἄφες πάσας τὰς ἁμαρτίας μου, καὶ ἴδε τὴν ταπεινώσιν μου καὶ ἐξελοῦ με, δηλονότι ἐκ τοῦ πολεμοῦντός με ἐχθροῦ καὶ τῆς ἁμαρτίας καὶ ἀφροσύνης μου. Συμβάλλεται δὲ πρὸς ἀρετὴν καὶ ἡ μετὰ ἐναρέτων διαγωγὴ μιμητικὸν γὰρ ζῶν ὁ ἄνθρωπος καὶ τὸ ἀπέχεσθαι τῆς κατ' αἴσθησιν ὁμιλίας τῶν ἐρεθιζόντων· ὅσον γὰρ ἀπὸ

принимаете славу, и славы, которая от единого Бога, не ищите? (Ин. 5:44).

(84) Опять-таки: телесное наслаждение, еда, питье и прочее, принимаемое согласно естественному употреблению и закону Создателя, есть добро, — а когда это происходит против закона Божия по нашей воле и злоупотреблению, зло: например, еда и питье, поскольку они служат для жизни и поддержания тела, добро, подобно и сон, и общение с женщиной — добро знать собственный сосуд, а пользоваться едой и питьем и женщинами без разбора для неразумных наслаждений, подобно бессловесным животным, — зло.

(85) Итак, из-за тщеславия, и неумеренной еды и питья, и блуда [появляется] сребролюбие, опора их, зависть и ссоры, и лукавство, и ложь, и клевета, и хищение, и убийства, и ненависть к ближнему. И по причине умножения беззакония, во многих охладеет любовь (Мф. 24:12). «Многими» же он назвал прибегающих к беззаконию. Итак, противоестественное происходит из естественного по наущению диавола.

(86) Против всего этого есть два величайших способа нам в помощь: пересиливать себя, ибо усилие признак любви к Богу, — и молитва, ибо молитва признак смирения. Ведь мы призываем силу Божию, признавая свое бессилие. Следует же знать, что и неосуждение избавляет от греха: ибо не осуждать — знак смирения. Ничто так не привлекает Божию помощь, как смирение. Ибо сказано: Узри смирение мое и труд мой, и прости все грехи мои (Пс. 24:18) и: Узри смирение мое и избавь меня (Пс. 118:153) — избавь от воющего со мной врага, и греха, и недомыслия моего. Полезны для добродетели и совместная жизнь с добродетельными, — ведь человек существо подражательное, и воздержание от чувственного общения с раздражающими, ведь с глаз долой — из сердца вон. Ибо через них в душе возникает память о чувственных вещах. Нам же надлежит отделить

ὀφθαλμῶν, τοσοῦτον καὶ ἀπὸ καρδίας. Δι' αὐτῶν γὰρ ἡ μνήμη τῶν αἰσθητῶν τῇ ψυχῇ γίνεται. Πρόκειται δὲ ἡμῖν, χωρίσαι τὸν νοῦν τῆς μνήμης τῶν αἰσθητῶν, ἵνα κούφῳ πτερῶ πρὸς τὸν νοητὸν ἀναπτῇ ἥλιον καὶ τῷ ἀπροσίτῳ καὶ ἀμηχάνῳ αὐτοῦ κάλλει καταυγασθῇ. Παχύνεται γὰρ νοῦς ὑπὸ τῆς μνήμης τῶν αἰσθητῶν καὶ πρὸς αὐτὰ καθέλκεται καὶ ἀφίσταται τῆς κατανοήσεως καὶ ἀπολαύσεως τοῦ νοητοῦ κάλλους· οὐδεὶς γὰρ δύναται δυοῖς κυρίοις δουλεύειν. Ἔθει κατορθοῦσιν οἱ ἄνθρωποι πᾶσαν τέχνην καὶ ἐπιμονῇ καὶ βίᾳ.

87. Διὰ βίας οὖν τῆς ἐξ ἀγάπης γινομένης καὶ προσευχῆς τῆς ἐκ ταπεινώσεως καὶ ἀποφυγῆς τῶν αἰσθητῶν καὶ τοῦ φυγεῖν τὴν τῶν ἀμελεστέρων συνοίκησιν καὶ τοῦ μὴ κρίνειν καὶ ταπεινώσεως καὶ τῆς τῶν ἐναρέτων συναναστροφῆς καὶ ὑπακοῆς τὴν ἑαυτῶν σωτηρίαν κατεργασώμεθα, μὴ κρύπτοντες τοὺς λογισμοὺς καὶ τὰ ἐν ἡμῖν πάθη. Πᾶν γὰρ κρυπτόν φαῦλον, τὸ δὲ φανερούμενον φῶς ἐστίν. Οὐ γὰρ γεννᾷ ὄφις ἐν ἡλίῳ, ἀλλ' ἐν φωλεοῖς, οὐδὲ σπόρος αὐξάνει ὑπὲρ γῆς κείμενος, ἀλλ' ὑπὸ γῆν κρυπτόμενος. Οὕτω καὶ οἱ πονηροὶ λογισμοὶ μὴ δημοσιεύμενοι καρποφοροῦσιν εἰς φθορὰν καὶ οἱ ἀγαθοὶ εἰς ζωὴν αἰώνιον. Ἦς γένοιτο πάντας ἡμᾶς ἐπιτυχεῖν χάριτι τοῦ κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, μεθ' οὗ τῷ πατρὶ ἡ δόξα ἅμα τῷ παναγίῳ καὶ ἀγαθῷ καὶ ζωοποιῷ καὶ ὁμοουσίῳ πνεύματι νῦν καὶ ἀεὶ καὶ εἰς τοὺς αἰῶνας τῶν αἰώνων. Ἀμήν.

ум от памяти о чувственном, чтобы на легких крыльях воспарил он к умному солнцу и озарился недоступной и невообразимой его красотой. Ибо оплотняется ум памятью о чувственном и к нему совлекается и отходит от постижения умной красоты и услаждения ею: ибо никто не может служить двум господам (Мф. 6:24). Всякого искусства добывается человек навыком, упорством и усилием.

(87) Итак, усилием, происходящим от любви, и молитвою, которая от смирения и бегства чувственных, и уклонением от сожителства с беспечными, и неосуждением, и смирением, и общением с добродетельными, и послушанием да совершим спасение наше, не скрывая помыслов и страстей, которые в нас. Ибо все потайное дурно, а явленное есть свет. Ибо змей не рождает на солнце, но в норах, и семя не возрастает, лежа поверх земли, но скрытое под землю. Так и злые помыслы необнародуемые плодоносят к тлению, а добрые — к жизни вечной. Коей да сбудется нам всем достигь благодатию Господа нашего Иисуса Христа, с Ним же слава Отцу вместе с пресвятым, и благим, и животворящим, и единосущным Духом ныне и присно и во веки веков. Аминь.